СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНЯ 5-й.

№№ 3—4.

Мартъ, Апрѣль 1916 года.

МИНУСИНСКЪ.
Электро-типографія Е. Л. Метелкиной
1916.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(На основаніи неизданнаго отчета Иркутскаго губернатора Трескина).

Мы дали поистинѣ великій образецъ терпѣнія, и если старый возрастъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, то мы видѣли крайній предѣлъ рабства, шпіонство отняло способность и говорить, и слушать. Мы, кажется, потеряли бы самую память вмѣстѣ съ голосомъ, если бы въ нашей власти было столь же легко забыть, какъ молчать.

Тацитъ, Iulii Agricolae vita, II.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Ростъ сибирскихъ городовъ. Развитіе буржуазіи въ Сибири.
II. Отсутствіе землевладѣльческаго класса въ Сибири. Сибирскіе дворяне. Воеводы въ Сибири.
III. Иркутскъ и его воеводы. (Жолобовъ, Крыловъ).
IV. Пестель и Трескинъ.
V. Борьба между бюрократіей и буржуазіей, какъ основной фактъ сибирской исторіи начала XIX вѣка.
VI. Ревизія Сперанскаго.
VII. Щаповъ о Трескинѣ и его противникахъ.

Въ исторической литературѣ имѣется очень мало данныхъ о Трескинѣ, занимавшемъ должность Иркутскаго губернатора съ 1806 по 1819 годъ. Вагинъ касается его дѣятельности лишь мимоходомъ, поскольку Сперанскому пришлось распутывать завязанные Иркутскимъ губернаторомъ узлы. Помимо же труда Вагина, у насъ имѣются лишь отдѣльныя замѣчанія о Трескинѣ, разбросанныя въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ. Между тѣмъ, еще Щаповъ выражалъ пожеланіе „большаго собранія фактовъ и безпристра-

стнаго критическаго изслѣдованія о личности и дѣятельности Трескина“ [1]).

Въ Минусинскомъ Мартьяновскомъ музеѣ хранится рукопись подъ заглавіемъ «Генеральный отчетъ о управленіи Иркутскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Трескина съ 1806 по 1812 годъ», пожертвованная музею покойнымъ Иваномъ Тимофеевичемъ Савенковымъ 1 августа 1883 года. Отчетъ состоитъ изъ 6 частей; *часть первая*: видъ, въ какомъ найдена губернія при вступленіи въ управленіе; *часть вторая*: по поселенію; *часть третья*: внутреннее устройство; *часть четвертая*: внѣшнее устройство; *часть пятая*: дѣла пограничныя и новыя открытія; *часть шестая*: представленныя по начальству предположенія по разнымъ частямъ управленія. Въ рукописи 516 страницъ. Не приходится, конечно, распространяться о громадномъ научномъ интересѣ, представляемомъ этимъ аутентическимъ документомъ. При слабой разработкѣ эпохи въ литературѣ свидѣтельство самаго Трескина о его дѣятельности, хотя бы и за шестилѣтній срокъ, имѣетъ громадное значеніе. Несомнѣнно, историку придется отнестись критически къ каждому изъ утвержденій Трескина, во многихъ случаяхъ у него не будетъ достаточнаго матеріала, чтобы провѣрить правильность сообщаемыхъ имъ фактовъ, но съ показаніями Трескина все же придется считаться.

„Отчетъ“ былъ уже въ рукахъ В. К. Андріевича, пользовавшагося имъ при составленіи своей книги: „Сибирь въ XIX столѣтіи“, части I—II. С.-Петербургъ, 1889 г.[2]). Но цитируемый авторъ извлекъ изъ рукописи очень мало, такъ что

---

1) Сибирское общество до Сперанскаго, сочиненія, т. III. СПБ. 1908 г., 674.

1) Трудъ В. Вагина «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири», 2 тома. СПБ. 1872 г., имѣетъ первостепенное значеніе для познанія интересующей насъ эпохи по богатству содержащагося въ немъ фактическаго матеріала. Къ сожалѣнію, онъ лишенъ научной обработки, ее замѣняетъ панегирическій тонъ по отношенію ко всѣмъ мѣропріятіямъ Сперанскаго.

На трудѣ Вагина основаны въ ихъ фактической части работы писателей, касавшихся данной эпохи въ позднѣйшее время—Щапова, Шашкова.

Въ № 29 «Сибирской Жизни» за 1916 г. К. Дубровскій сообщаетъ *біографическія данныя о Вагинѣ* («Одинъ изъ дѣятелей старой Сибири»).

2) Часть II, стр. 12, 21—2, 40, 151, 176, 186, 196, 214, 220—221, 275, 292, 294, 297, 300, 385—400. Андріевичъ большей частью ограничивается бѣглой ссылкой на рукопись и не используетъ полностью даже тѣхъ ея мѣстъ, которыя онъ цитируетъ.

въ общемъ и цѣломъ, данный матеріалъ остается неопубликованнымъ.

Въ настоящей работѣ мы и намѣрены издать „Генеральный отчетъ", снабдивъ его необходимыми комментаріями на основаніи литературныхъ данныхъ. Нужно, однако, замѣтить, что большинство вопросовъ, затрагиваемыхъ Трескинымъ въ его отчетѣ, мало освѣщены въ литературѣ; сообщаемые имъ факты являются совершенно новыми, и потому историку при оцѣнкѣ соотвѣтствія ихъ дѣйствительности приходится оперировать съ общими критеріями правдоподобности и вѣроятности.

Самому отчету мы намѣрены предпослать необходимое вступленіе, чтобы ввести читателя, по выраженію Горація, in medias res—ознакомить его съ эпохой, къ которой относится публикуемая нами рукопись. Здѣсь мы попытаемся сдѣлать сводку литературы, крайне небогатой, впрочемъ, о Трескинѣ и его времени—очертить фонъ, на которомъ развертывалась его дѣятельность.

I.

Исторія Сибири—сплошной мартирологъ. Съ конца XVI вѣка, когда въ ней прочной ногой стали русскіе служилые люди, и почти до нашихъ дней центральная власть безпощадно расхищала производительныя силы окраины, всячески тормозила ея экономическое и культурное развитіе, организовала массовое истребленіе инородческаго населенія[1]).

1) Слѣдующія цифры дадутъ намъ представленіе, во что обошлось туземному населенію окраины приведеніе ея подъ русскую власть. Послы царя Едигера, прибывшіе въ Москву въ 1555 году, говорили, «что у Едигера 30700 человѣкъ черныхъ людей», т. е. такихъ, которые платили ясакъ. Между тѣмъ, въ началѣ XVII вѣка число ясачныхъ людей на бывшей территоріи царя Едигера въ уѣздахъ верхотурскомъ, туринскомъ тюменскомъ, пелымскомъ, березовскомъ, тобольскомъ и тарскомъ не превышало и 3000 человѣкъ П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1889 г., 14—5.

«Превосходство» импортированной въ Сибирь завоевателями «русской культуры» вообще приходится оставить подъ сомнѣніемъ, передъ лицомъ фактовъ, подобныхъ сообщаемому В. М. Зензиновымъ: «какъ это ни странно, но нужно признать, что къ малой чести для мѣстнаго русскаго населенія, всюду на сѣверѣ болѣе низкая якутская культура поглотила цѣликомъ болѣе высокую культуру русскую, ничего не взявъ отъ послѣдней; это сказывается на каждомъ шагу: на языкѣ русскаго мѣстнаго населенія, на его обычаяхъ, одеждѣ, характерѣ построекъ, на всѣхъ его

Исторія Сибири со времени завоеванія ея русскими—это эпоха первоначальнаго накопленія капитала со всѣми присущими ей отрицательными чертами, періодъ, не закончившійся еще до сихъ поръ.

Въ теченіи XVII вѣка представителями русской культуры на окраинѣ были преимущественно служилые люди[1]); природныя богатства Сибири эксплоатировались, главнымъ образомъ, въ интересахъ казны; торговля наиболѣе цѣннымъ продуктомъ, добывавшимся въ то время въ Сибири—пушниной,—была правительственной монополіей. Къ XVIII вѣку мы находимъ въ Сибири уже вполнѣ сложившимся купеческій классъ, скопляющійся въ сибирскихъ городахъ. Изъ остроговъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ необходимости защиты завоеванной территоріи отъ нападеній незамиренныхъ инородцевъ, [2]) образуются торговые центры, резиденціи представителей капитала въ его первоначальной, наиболѣе хищнической формѣ-капитала торговаго и ростовщическаго. [3]) Эксплоатація

промыслахъ». Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области. Москва. 1916 г., 20. Ср. его же статью «Русская культура на далекой окраинѣ» въ 6-й книгѣ «Русскихъ Записокъ» за 1915 г. и Вл. Іохельсона «Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи». Живая Старина, 1895 г., вып. II. 128—129.

Впрочемъ, колоніальная политика всѣхъ «культурныхъ странъ» основана на гекатомбахъ человѣческихъ жизней. Вернеръ Зомбартъ приводитъ слѣдующія цифры, иллюстрирующія хозяйничанье европейцовъ въ завоеванныхъ ими странахъ стараго и новаго свѣта: Банъюванги, провинція Явы, насчитывала еще въ 1750 г. болѣе 80000 жителей, въ 1811 г. всего только 8000. Эспанвола имѣла въ 1508 г. 60000 жителей—туземцевъ, въ 1548 г. всего только 500. Перу имѣло въ 1575 г. все еще 1500000 жителей, въ 1793 г. только всего 60000. По словамъ автора, «мы разбогатѣли», потому что цѣлыя расы и племена вымерли для насъ, цѣлыя части свѣта ради насъ обезлюдѣли. Современный капитализмъ. I томъ, II вып., Москва. 1904 г., 355—6.

1) Грань между служилыми и промышленными людьми въ тѣ времена была въ Сибири очень неопредѣленна. Ср. Г. В. Вернадскій. Государевы служилые и промышленные люди въ Восточной Сибири XVI вѣка Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія. 1915, апрѣль, 332 сл.

2) Впрочемъ, основателямъ остроговъ были совершенно чужды стратегическія соображенія. «Можно сказать, что ни одинъ атаманъ—завоеватель, за исключеніемъ Ермака, основавшаго Тобольскъ у сліянія рѣкъ, связывающихъ Уралъ съ Алтаемъ, и не заботился, при заложеніи города или острога, сообразить его стратегическое положеніе въ странѣ». М. Венюковъ. Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи. С.П.Б. 1873, 16.

3) «Уже къ концу XVII в. все чаще и чаще стала высказываться и русскими и ясачными людьми жалоба, что соболь то тамъ, то здѣсь «опромышлялся». И вотъ вслѣдствіе этого, торговые и промышленные лю-

громадныхъ естественныхъ богатствъ Сибири, торговыя сношенія съ сосѣдними азіатскими племенами и государствами сулили громадные барыши дѣятелямъ первоначальнаго накопленія. И дѣйствительно, торговый классъ выростаетъ въ могучую экономическую силу, своего рода олигархію, которая подчиняетъ своему вліянію хозяйственную жизнь цѣлыхъ округовъ, превращая сибирское крестьянство въ своего данника.

Городъ растетъ на счетъ деревни. Для иллюстраціи этого историческаго процесса извлекаемъ изъ Словцова кой какія свѣдѣнія о состояніи сибирскихъ городовъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ Верхотурьѣ домовъ тогда было около 340, жителей м. п. купцовъ, посадскихъ и крестьянъ до 700, ямщиковъ городскихъ до 400. Въ 1764 г. не было тутъ ни таможни, ни главной дороги, но небогатое купечество продолжало заниматься лавочнымъ торгомъ, перекупомъ и перепродажею рухляди, кожевеннымъ дѣломъ, отпускомъ рогожъ въ Сибирь, добываніемъ извести и жернововъ, сплавляемыхъ Турою, а прочіе жители хлѣбопашествомъ и золотыми промыслами. [1])

Въ Туринскѣ въ концѣ XVIII вѣка „въ пополненіе лавочнаго торга, который не могъ быть удовлетворителенъ, достаточные изъ гражданъ или скупали по уѣзду мягкую рухлядь для выгоднѣйшаго сбыта въ Ирбитѣ, или ходили судами на Обь, для рыбнаго промысла. Прочіе занимались хлѣбопашествомъ, строительствомъ, подѣлками древодѣлія, хорошо и кстати понятаго въ такомъ лѣсистомъ углу, каковъ Туринской". [2])

Въ Тюмени при 3-й переписи 1762 г. находилось 2314 жителей м. п., въ томъ числѣ 490 купцовъ и посадскихъ, 1317 ремесленниковъ, 390 ямщиковъ городовыхъ, 1103 пашенныхъ крестьянъ, 74 татаръ новокрещеныхъ. Тюменцы „содержатъ горшечные, мыльные и кожевенные заводы. Къ городскому земледѣлію присоединился въ 1767 г. посѣвъ табаку, введенный однимъ украинцомъ". [3])

Въ Томскѣ по переписи 1763 г. было 542 купца, 115 ремесленниковъ, въ томъ числѣ 77 мѣдяковъ. [4])

ди стали все болѣе и болѣе выходить съ промысловъ и торговъ и собираться въ городахъ». А. П. Щаповъ. Сибирское общество до Сперанскаго. (Сочиненія, Т. III, СПБ. 1908, 646).

1) Историческое обозрѣніе Сибири, СПБ, 1886, II, 46.
2) Op. c., II, 50.
3) Op. c., II, 51.
4) Op. c., II, 69.

Жители Енисейска занимались торговлей мѣхами, птицей и рыбой. Торговые обороты города дали толчокъ и развитію ремесла. „Гдѣ монета зазвучитъ, тамъ стекаются мастерства на магической ея звукъ. Ясно, что въ Енисейскѣ завелись иконописцы, мастера серебрянаго, мѣднаго, ружейнаго, литейнаго, гранильнаго, рѣзного, токарнаго и мѣховаго дѣла, не говоря о низшихъ необходимыхъ ремеслахъ". [1])

Изъ сопоставленныхъ выше данныхъ становится яснымъ, что населеніе сибирскихъ городовъ только еще начинало порывать связь съ сельскимъ бытомъ. Все же благопріятное географическое положеніе въ центрѣ округовъ, изобиловавшихъ естественными богатствами, давало толчокъ развитію торгово-промышленной жизни въ нѣкоторыхъ городахъ.

На опустѣніе селъ и бѣгство деревенскаго населенія въ города жаловался еще въ концѣ XVIII вѣка Андреевъ. „Сдѣлаемъ же мы хотя не великъ вопросъ: почему въ такомъ селеніи, гдѣ триста душъ, очень мало пахарей? Постыдился бы я вамъ о семъ сказать, но принужденно откроюсь. Роскошь переманила блескомъ своимъ изрядныхъ и добрыхъ земледѣльцевъ, изъ ихъ, можно сказать, праведнаго и безгрѣшнаго пребыванія, и разсѣяла по разнымъ многочисленнымъ городамъ, гдѣ ихъ принудила снискивать свое пропитаніе во изобильномъ наслажденіи не грубыхъ, но вкусныхъ яствъ и питія, которые не иначе проживаютъ вѣкъ свой не только себѣ самимъ, но и прочимъ во отягощеніе, отставши отъ истинной и правильной своей должности, принуждены снискивать пропитаніе свое во грѣсѣхъ, неправдѣ, въ сварѣ и неспокойствіи, чего-бъ поселянской жизни лишеннымъ, а прочимъ, чтобъ онъ не точію правильною и благословенною, отъ Бога постановленною, работою питался самъ и другихъ снабжалъ и пропитывалъ со вредомъ ближнему, отнимая насущныя". [2])

Такимъ образомъ уже въ Сибири XVIII вѣка города начали высасывать жизненные соки изъ деревни. Приходятъ на память слова Верхарна: c'est la ville tentaculaire. [3])

Нужно все же отмѣтить, что замедленный темпъ хозяйственнаго развитія Сибири приводилъ къ тому, что ростъ городско-

---

1] Op. c., II. 70.

2) Домовая лѣтопись Андреева по роду ихъ, писанная капитаномъ Иваномъ Андреевымъ въ 1789 г. Издана Г. Н. Потанинымъ въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1870, кн. IV. Москва. 139.

3) Это городъ со своими щупальцами. Les Campagnes hallucinées.

го населенія на счетъ сельскаго былъ мало замѣтнымъ. Мало того, въ серединѣ XIX вѣка сельское населеніе возрастало даже быстрѣе, чѣмъ городское.

Гагемейстеръ приводитъ слѣдующую любопытную таблицу: отношеніе городского населенія къ сельскому выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1840 г.	Въ 1847 г.	Въ 1851 г.
Въ Тобольской губерніи	1:11,4	1:14,3	1:15
„ Томской „	1:10,2	1:14,2	1:14
„ Енисейской „	1:10	1:12,6	1:14
„ Иркутской „	1:17,2	1:10,6	1:13$^{8}/_{9}$ [1]).

Нужно думать, что причиной отмѣченнаго Гагемейстеромъ явленія былъ расцвѣтъ сибирской золотопромышленности, пришедшійся какъ разъ на 40-е годы и отвлекшій значительную часть городского населенія на расположенные въ сельскихъ округахъ золотые промысла.

Впрочемъ, Гагемейстеръ объясняетъ замедленіе прироста городского населенія болѣе общими причинами. По его мнѣнію, «Сибирь не заключаетъ въ себѣ условій для развитія городской жизни». Фабричная промышленность ея «первобытна», оптовая торговля имѣла мѣсто только въ тѣхъ городахъ, которые, подобно Тюмени, Томску, Иркутску, Кяхтѣ, служили складочными мѣстами привознымъ товарамъ, и въ пограничныхъ городахъ—Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ. «Болѣе всего способствуетъ процвѣтанію городовъ присутствіе богатыхъ потребителей, но гдѣ, какъ въ Сибири, нѣтъ ни многочисленнаго купечества, ни землевладѣльцевъ, проживающихъ часть года въ городахъ, тамъ и жизнь городская развиться не можетъ. Военные и гражданскіе чиновники, пріѣзжающіе изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россіи въ Сибирь на службу, получая тамъ жалованье, едва достаточное для удовлетворенія повседневныхъ нуждъ, не имѣютъ средствъ и не считаютъ нужнымъ устраивать себѣ дома и вообще заводиться прочнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ остаются постоянными жителями сибирскихъ городовъ: безремесленные мѣщане, небогатые торговцы и бѣдные отставные воинскіе чины, кои, по образу своей грубой простой жизни и по ограниченности средствъ, не могутъ существенно споспѣшествовать улучшенію обитаемыхъ ими городовъ.

---

1) Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію при Сибирскомъ комитетѣ. Часть II, СПБ, 1854. 120.

Вмѣсто скромныхъ домиковъ, разрушающихся отъ времени, строятся другіе, не богаче прежнихъ, и наружный видъ города остается прежнимъ. Капиталисты богатѣющіе отъ торговли съ Китаемъ или отъ золотыхъ промысловъ, предпочитаютъ проживать избытки доходовъ въ городахъ, представляющихъ болѣе удобствъ къ жизни, чѣмъ города Сибири, и по неимѣнію потребителей, порядочные даже мастеровые и ремесленники избѣгаютъ сибирскихъ городовъ". [1]).

Но такъ или иначе, а городскіе центры развивались, и въ связи съ ихъ ростомъ стоитъ и народженіе въ Сибири буржуазіи. Вымѣнивая у инородцевъ пушнину на хлѣбъ и другіе необходимые въ ихъ быту предметы, или закабаляя себѣ бѣдныхъ односельчанъ ростовщическими операціями, богатые крестьяне накопляли большіе капиталы, и переселившись въ города, заводили городскіе торга и промыслы. „Географико-экономическія условія Сибири, пишетъ Щаповъ, вообще, въ значительной степени благопріятствовали особенному развитію и преобладанію коммерческой буржуазіи въ сибирскомъ обществѣ. Съ одной стороны, изобиліе дорогой пушнины и сосѣдство съ Китаемъ естественно вызывали развитіе мѣновой торговли съ китайцами и усиленіе торговавшихъ съ ними русскихъ купцовъ. Съ другой, географическое распредѣленіе народонаселенія, разбросанность его на огромныхъ пространствахъ необходимо требовали громадныхъ средствъ для снабженія его во всѣхъ частяхъ, во всѣхъ окраинахъ Сибири, необходимыми жизненными припасами и разными товарами, и такимъ образомъ, обусловливали господство богатыхъ купцовъ-откупщиковъ, подрядчиковъ, коммиссіонеровъ, вообще монополистовъ". [2])

Естественно, поэтому, что магнаты сибирскаго капитала организуются въ своего рода капиталистическую олигархію, которая пытается оспаривать руководящую роль въ мѣстной жизни у правящей бюрократіи. Въ продолженіе всего XVIII вѣка длится эта борьба между двумя группами хищниковъ изъ за дѣлежа общественнаго пирога, послѣдніе акты этой драмы разыгрались во времена Пестеля и Трескина, въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка.

Молодая сибирская буржуазія пыталась обратить въ опорный пунктъ своего господства только что формировавшіе-

---

1) Op. c., II, 121. 2

2) Op c., 653.

ся еще въ то время органы общественнаго самоуправленія. Какъ разъ правительственныя реформы XVIII вѣка, дававшія организацію городскимъ поселеніямъ, оказались на руку буржуазіи, способствуя развитію ея общественныхъ союзовъ. „Въ Тобольскѣ, Томскѣ, Томскѣ и Енисейскѣ образовались особыя партіи купеческія, оппозиціонныя партіямъ чиновничьимъ. Повсюду думы и магистраты городскіе были, такъ сказать, олигархіей богатѣйшихъ купцовъ и безстыдно эксплоатировали общественныя суммы». [1])

Олигархія сибирскихъ магнатовъ капитала не встрѣчала противодѣйствія со стороны массы городской бѣдноты, служившей имъ пьедесталомъ. Низшій классъ городского населенія отличался большой текучестью и неорганизованностью, городскіе ремесленники часто бросали городскую осѣдлость и переселялись въ уѣзды,—въ инородческіе улусы для звѣроловства и торговли пушниной, или въ села для занятія земледѣліемъ. [2]) Организація городского самоуправленія, отдававшая городскія дѣла въ руки незначительной кучки имущихъ, еще усиливала распыленность «подлыхъ людей». [3])

Неудивительно послѣ этого, если городская плутократія пользовалась своимъ привиллегированнымъ положеніемъ для угнетенія неимущей мѣщанской массы.

Такъ, въ Енисейскѣ «магистратъ притѣснялъ и лишалъ жизненныхъ промысловъ бѣдныхъ мѣщанъ. То же дѣлали Томскій и Кузнецкій магистраты». [4])

Рельефнѣе всего основныя черты сибирской общественности проявлялись въ Иркутскѣ. Здѣсь удобнѣе всего наблюдать соціальные факторы, взаимодѣйствіе которыхъ опредѣляло жизнь Сибири.

Самымъ крупнымъ торгово-промышленнымъ центромъ Восточной Сибири былъ, безспорно, Иркутскъ. [5]) Своему подъему

---

1) Щаповъ, ор. с., 654.

2) Ср. Щаповъ, ор. с., 659 сл.

3) Въ составленной въ концѣ царствованія Петра Великаго магистратской инструкціи всѣ рабочіе люди, жившіе наймомъ и черной работой, были отнесены къ третьему классу подлыхъ людей. По замѣчанію Ключевскаго, «подлые люди значили тогда просто низшіе классы, лежащіе подъ верхними, не имѣя непріятнаго нравственнаго значенія, приданнаго этому выраженію позднѣе». Русская исторія, часть IV. Москва, 1910, 247—248.

4) Щаповъ, ор. с., 654.

5) По словамъ Семевскаго, «главное и значительное заселеніе Иркутска, съ самаго почти его завладѣнія, началось особенно торговавшимъ тамъ купечествомъ и разными промышленниками, выѣхавшими для

городъ былъ обязанъ торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ. О торговыхъ оборотахъ города у насъ есть крайне цѣнное свидѣтельство Гмелина, посѣтившаго Иркутскъ въ сентябрѣ 1735 г. „Если не брать въ разсчетъ китайскихъ товаровъ, которые здѣсь стоятъ не много дороже, чѣмъ въ Кяхтѣ, то заграничные товары можно получать здѣсь иногда почти по такой же дешевой цѣнѣ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, особенно весной послѣ вскрытія рѣки. Это объясняется торговлей съ Китаемъ. Сюда пріѣзжаютъ купцы со всѣхъ городовъ Россіи, которые привозятъ свои товары для обмѣна ихъ на китайскіе. Въ числѣ этихъ товаровъ находятся тончайшія сукна, заграничный бархатъ, сахаръ, всякаго рода коренья. Купцы прибываютъ сюда въ началѣ зимы, или же въ серединѣ ея, и всю зиму длится торгъ съ китайцами. Если торговцы не успѣютъ за это время всего распродать, то они стараются развязаться со своими товарами, какъ только могутъ, и часто продаютъ ихъ дешевле той цѣны, по которой ихъ можно получить въ Москвѣ или Петербургѣ. Сюда привходитъ еще то обстоятельство, что купцы нуждаются въ деньгахъ для обратнаго пути для взноса пошлины и уплаты ямщикамъ, и поэтому они имѣютъ обыкновеніе оставлять непроданные китайцамъ товары прикащику, который распродаетъ ихъ, какъ можетъ, въ мелочной лавочкѣ. Но нѣкоторые купцы отправляются съ излишкомъ своихъ товаровъ въ Якутскъ, гдѣ и разсчитываютъ отъ нихъ отдѣлаться. Сплошь и рядомъ купецъ возвращается домой только послѣ продолжительнаго путешествія. Напримѣръ, онъ выѣзжаетъ изъ Москвы весной, лѣтомъ пріѣзжаетъ на Макарьевскую ярмарку, къ началу года на Ирбитскую. Въ Макарьевѣ купецъ старается обмѣнять нѣкоторые свои товары на такіе предметы, которые могутъ ему принести въ Ирбитѣ больше барыша. Въ Ирбитѣ купецъ, напротивъ, руководится интересами своей торговли съ Китаемъ. Если у него остались кой-какіе товары, на удачный сбытъ которыхъ тутъ онъ не разсчитываетъ, то онъ старается продать ихъ зимой въ Тобольскѣ. Весной купецъ, уѣзжая оттуда, торгуетъ по всей Сибири, и осенью прибываетъ въ Иркутскъ: если же ему случится задержаться изъ за льда, то онъ неукоснительно попадаетъ туда къ началу зимы. Затѣмъ онъ отправляет-

---

того изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ бывшей Великоустюжской провинціи, которые по торговлѣ и промысламъ своимъ остались навсегда Иркутскими жителями». Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири, изъ чего много до нынѣ не было всѣмъ извѣстно. СПБ. 1817.

ся въ Кяхту, слѣдующей весной же ѣдетъ въ Якутскъ; оттуда онъ пытается вернуться еще водой, и оправляется вновь на лыжахъ въ Кяхту, гдѣ старается сбыть свои Якутскіе товары. Весной нашъ купецъ опять въ Иркутскѣ, и прибываетъ зимой въ Тобольскъ, посѣщаетъ зимой и слѣдующимъ лѣтомъ Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, и наконецъ, черезъ пять съ половиной лѣтъ прибываетъ обратно въ Москву. За это время онъ наживетъ по крайней мѣрѣ 300 на 100, если у него имѣются коммерческія способности, и ему повезетъ."[1])

Живая картина, нарисованная Гмелиномъ, даетъ намъ ясное представленіе о значительности торговыхъ оборотовъ города Иркутска еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Неудивительно, что уже къ началу XIX вѣка Иркутская буржуазія вырастаетъ въ могучую силу, которая пытается тягаться съ представителями самодержавной бюрократіи. [2])

Словцовъ даетъ слѣдующую характеристику города Иркутска во второй половинѣ XVII-го вѣка: «жителей обоего пола въ городѣ было не болѣе 7.000. Купечество еще не богатѣло. Посадскіе ограничивались небольшими промыслами. Ремесленники занимались издѣліями изъ кожи, дерева, желѣза и мѣди. У нѣкоторыхъ купцовъ были чаны кожевенные, мыловаренные, у другихъ котлы салотопные. Имъ не всегда удавалось скупать бѣлку и соболей, у бурятъ даже тункинскихъ и кудинскихъ. Пріѣзжіе купцы вмѣшивались и перебивали закупку у Иркутянъ вездѣ, въ стойбищахъ аларскихъ, идинскихъ, балаганскихъ и верхоленскихъ. Что касается до промысловъ бѣлыхъ и соболиныхъ въ Нерчинскомъ краѣ, по Витиму, на нижней Тунгускѣ, Олекмѣ, Колымѣ и Камчаткѣ, туда не досягали маломочныя руки торговцевъ Иркутскихъ, кромѣ предпріимчивыхъ двухъ человѣкъ, Трапезникова и Югова". [3]).

---

1) I. G. Gmelin, Reise durch Sibirien, Göttingen, 1752, II, 165—167. «Жители Иркутска, главнымъ образомъ, купцы, служилые, дѣти боярскіе, дворяне, и различнаго рода ремесленники». Ор. с., II, 161. Палласъ, дважды посѣтившій Иркутскъ во время своего путешествія по Сибири, не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній о городѣ. Reise durch verschiedene Previnzen des russichen Reiches, III Teil, S.-Petersburg, 1776, 96, 298.

2) Объ Иркутскѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка шведскій біографъ проживавшаго тогда въ городѣ академика Лаксмана говоритъ, что «подобно оазису въ пустынѣ, лежащій близъ Байкала Иркутскъ привлекалъ къ себѣ торговые пути Азіи вмѣстѣ съ ними и людей различнаго восточнаго и западнаго происхожденія, огромные капиталы и весьма оживленныя торговыя сношенія. Народонаселеніе и богатство города возрастали съ каждымъ годомъ». Вильгельмъ Лагусъ Эрикъ Лаксманъ. С.ПБ. 1890.

3) Ор. с., II, 75

Картина торговой жизни города Иркутска, нарисованная Гмелиномъ, значительно расходится съ только что приведенной характеристикой Словцова. Впрочемъ, противорѣчіе между двумя авторами объясняется тѣмъ, что Гмелинъ говоритъ о роли, которую играли въ жизни города пріѣзжіе изъ Россіи купцы, тогда какъ Словцовъ указываетъ на малое развитіе мѣстной буржуазіи. Во всякомъ случаѣ, къ началу XIX вѣка Иркутскъ далеко шагнулъ впередъ, и характеристика Словцова къ нему уже совершенно не примѣнима.

Выгодная торговля съ Китаемъ, казенные подряды являлись основой экономической мощи Иркутской буржуазіи[1]). Изъ ея среды наиболѣе выдѣлялись богатствомъ и вліяніемъ слѣдующія лица: коммерціи совѣтникъ И. Мыльниковъ, занимавшійся торговлею пушными и китайскими товарами и бывшій директоромъ Россійско-Американской компаніи, А. Барановъ, устроившій въ Иркутскѣ стеклянный и водочный заводы, и еще занимавшійся подрядами и откупами, и, наконецъ, главный правитель колоніи Сѣверо-Американской компаніи, М. Сибиряковъ, а также И. Солдатовъ, занимавшійся казенными подрядами. Эти то богатые и сильные купцы и заправляли всѣми общественными дѣлами. Иркутская дума и магистратъ были въ ихъ рукахъ орудіями для проведенія въ жизнь ихъ классовыхъ интересовъ.

Въ теченіе всего періода съ 1777 по 1808 г. М. Сибиряковъ постоянно оказывался „излюбленнымъ“ выборнымъ Иркутскаго общества, то въ качествѣ главнаго правителя дѣлъ въ губернскомъ магистратѣ, то какъ голова городской думы.

Узко-классовый характеръ Иркутскаго городского самоуправленія проявлялся во всей его дѣятельности. Оно служило только интересамъ денежнаго мѣшка. [2]).

„Пользуясь могущественнымъ вліяніемъ на общество, пишетъ Щаповъ, богатые и сильные купцы Иркутскіе—Сиби-

1) О русско-китайской торговлѣ см., напр., Julius von Klaproth. Archiv für Asiatische Litteratur. geshichte und Sprachkunde. I Band. S.-Petersburg, 1810, 161 сл., 223 сл.

2) Только въ этомъ смыслѣ и справедливы слова Вагина, что «Иркутскъ сдѣлался маленькой республикой... Иркутскъ пользовался значительною степенью независимости», I, 3. Независимость и самоуправленіе являлись привиллегіей имущихъ.

Матеріалъ для характеристики своекорыстной политики «отцовъ города» Иркутска можно найти у А. М. Серебренникова. Очеркъ нѣкоторыхъ сторонъ изъ жизни города Иркутска въ первые три года по введеніи городового положенія 21 апрѣля 1785 года, выпуски I и II. Иркутскъ. 1894.

ряковы, Мыльниковы и другіе составляли нѣчто вродѣ денежной, капиталистической олигархіи, и въ думѣ Иркутской заправляли всѣми дѣлами по своимъ разсчетамъ... Проникнутая буржуазнымъ духомъ, она (дума) дорожила только интересами партіи крупныхъ капиталистовъ и совершенно чужда была интересамъ не только рабочихъ классовъ городского общества, но и мелкихъ купцовъ". Мѣщанъ и небогатыхъ купцовъ „думская купеческая олигархія... безъ зазрѣнія совѣсти притѣсняла». [1]).

Особенно явственно проявлялись плутократическія тенденціи цензоваго Иркутскаго самоуправленія въ распоряженіи городскими финансами и приходная смѣта установлялась во вредъ массѣ небогатаго городского населенія,—„мелкой буржуазіи", какъ мы сказали бы теперь. Въ городскую смѣту Иркутская дума самовольно вводила стѣснительныя и неопредѣленныя статьи, вродѣ взиманія штрафа за потаенную торговлю съ купцовъ и иного званія людей. Въ силу этой статьи дума устанавливала незаконные поборы, тягостные для небогатыхъ торгующихъ людей. Взыскивались пошлины съ крестьянъ, торгующихъ сельскими произведеніями, безъ всякаго законнаго основанія облагались сборомъ иногородные, поселившіеся въ городѣ, вводился сборъ съ проѣзжающихъ извощиковъ и съ нагруженныхъ у рѣчного берега судовъ. Дума, кромѣ того, стѣсняла промышленную дѣятельность мѣщанъ. Такъ, напримѣръ, въ 1820 году, ссылаясь на городовое положеніе, она просила губернское правительство запретить мѣщанину Третьякову судоходство по Ангарѣ и Байкалу. Губернское правленіе отказало ей на основаніи законовъ, которыми мѣщанамъ было разрѣшено судоходство. Дума надѣялась настоять на своемъ требованіи „ограничить" Третьякова и передъ Сперанскимъ, но получила отъ послѣдняго отказъ. Между тѣмъ, въ другихъ случаяхъ богатое купечество находило для себя выгоднымъ поддерживать мелкіе мѣщанскіе торги и промыслы: такъ, для успѣшнаго сбыта товаровъ богатѣйшихъ купцовъ дума просила правительство разрѣшить навсегда мѣщанамъ и гражданамъ мелочную торговлю въ городѣ и уѣздѣ разными товарами, которыми снабжаетъ ихъ купечество. [2]).

---

1) Щаповъ, ор. с., 655.

2) Вагинъ. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири, т. I, СПБ. 1872, 325.

Морякъ Александровъ, отправлявшійся въ Камчатку и попавшій въ Иркутскъ въ 1827 г., сообщаетъ о физіономіи города слѣдующее: «торговля и нажива-вотъ два термина, которые ярко блистали на горизонтѣ Иркутскомъ въ то время и въ центрѣ котораго, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла, сосредоточивались жизнь и жизненная дѣятельность,—и нечего было удивляться: это—первородный элементъ, осуществившій самое бытіе Сибири». [1]).

II.

Сибирская буржуазія не находила противовѣса въ крупномъ землевладѣніи, являющемся командующимъ классомъ Россіи и до сего времени. Въ Сибири не сложилось землевладѣльческаго класса, который бы игралъ такую же руководящую роль въ мѣстной общественной жизни, какъ и въ Европейской Россіи. Кромѣ воеводъ и дѣтей боярскихъ, въ Сибири дворянъ не было. Этимъ объясняются многія характерныя черты сибирскаго прошлаго, отличающія его отъ судебъ Европейской Россіи.

Семипалатинскій капитанъ Андреевъ въ своей „Домовой лѣтописи" даетъ намъ любопытную характеристику роли дворянства въ сибирскихъ городахъ: „по времени взятія атаманомъ Ермолаемъ (sic) Тимофѣевымъ въ 1585 г. сибирскаго царства, и по распространеніи въ ономъ россійской власти, къ совершенному покоренію оставшихся еще не покоривыхъ по Сибири народовъ отъ государей, царей и великихъ князей, какъ то довольно лѣтописи и грамоты доказываютъ, командированы бывали изъ россійскихъ городовъ на службу разные люди, и при оныхъ командирами опредѣляемы были изъ россійскихъ дворянъ молодыхъ людей, которые по тогдашнимъ временамъ назывались изъ дѣтей боярскихъ, смотря по количеству врученныхъ имъ войскъ подъ именемъ сотниковъ и пятидесятниковъ, а сверхъ того при оныхъ командахъ довольно изъ Великой Россіи, вѣдая пространство и изобилованіе богатствами Сибирской страны, переходили по данной вольности разныхъ поколѣній люди, въ томъ числѣ и изъ числа россійскихъ дворянъ, кои и поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ оными выгоднѣе быть казалось, почему

1) Воздушный тарантасъ и воспоминанія о поѣздкахъ по Восточной Сибири. Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири томъ I, СПБ. 1875, 16.

оные привилегіи своего дворянства растратили, такъ что, наблюдая свой покой, многіе уклонились въ хлѣбопашество и разные звѣриные промыслы, а чрезъ то наложили на себя иго крестьянства, положився въ подушный окладъ, и въ духовенство, и въ разныя степени, отъ чего многіе по родамъ ихъ жизни перемѣняли свои фамиліи, почему потомки ихъ о пріобрѣтеніи прежняго дворянства не старались, или до сего доходили, да и свѣдѣнія никакого не имѣли». [1]).

Насъ не удивитъ фактъ, сообщенный Андреевымъ, если мы вспомнимъ, что принадлежность къ дворянскому сословію и соединенныя съ нимъ права и привиллегіи были тѣсно связаны съ владѣніемъ землей и крѣпостными душами, сословныя привиллегіи давали лишь юридическую санкцію фактической мощи дворянства, вытекавшей изъ его экономическаго преобладанія. За отсутствіемъ въ Сибири хозяйственнаго фундамента, для дворянскаго могущества связанныя съ принадлежностью къ первенствующему сословію права и преимущества теряли значеніе для ихъ обладателей, они находили болѣе выгоднымъ переходить въ подушный окладъ, что являлось естественнымъ слѣдствіемъ ихъ обращенія къ занятіямъ низшихъ классовъ—хлѣбопашеству и звѣроловству. Громадное значеніе этого явленія «растраты дворянства» для пониманія всего сложившагося въ Сибири общественнаго уклада несомнѣнно.

«По прибытіи въ Сибирь губернатора князя Якова Петровича Гагарина, продолжаетъ капитанъ Иванъ Андреевъ, въ первыхъ десяти годахъ XVIII столѣтія отъ сего губернатора было сенату доложено, что по Сибири тогда еще войска, кромѣ начинанія регулярнаго, еще не было, и потому весьма и чиновныхъ людей, кромѣ казацкихъ старшинъ и дѣтей боярскихъ, а потому не на кого было возлагать довѣренности въ отправленіи собираемыхъ съ сибирскихъ народовъ ясашныхъ мелкихъ рухлядей и въ казначейства и разныя начальства, просилъ о опредѣленіи штата дворянскаго. Просьба его принята въ уваженіе, почему онъ и разбиралъ, какъ бывшихъ на службѣ вольновыходцевъ россійскихъ дворянъ, какъ то и нашлось: Черкасовы, Фефиловы, Нефедьевы, Андреевы, Хворостовы, Албычевы, и прочихъ фамилій, коимъ и учиненъ штатъ 40 человѣкъ сибирскихъ дворянъ, который и понынѣ есть.“ [2]).

---

1) Op. c., 63.
2) Op. c., 64

Юридическое положеніе сибирскихъ дворянъ было кореннымъ образомъ отлично отъ положенія русскихъ дворянъ. Сибирскія боярскія дѣти были потомками поселившихся въ Сибири боярскихъ дѣтей, затѣмъ въ это званіе возводились воеводами за отличіе нижніе чины и даже крестьяне, служившіе казаками, безъ исключенія ихъ изъ оклада. Изъ боярскихъ дѣтей они повышались въ званіе сибирскихъ дворянъ городовыхъ, а ужъ изъ этого званія возводились «въ дворяне по Московскому списку». [1]).

Изъ постановленій и указовъ Петра I видно, что 1) и сибирскіе дворяне, и дѣти боярскія и казаки были служилые люди; 2) что назначеніе ихъ было—„быть для посылокъ и службъ“, 3) что въ званіе это и при немъ вступали лица изъ крестьянства и купечества; 4) что они были свободны отъ податей и всякихъ платежей; 5) что въ эти чины изъ подушнаго оклада никого принимать не велѣно; 6) что сословіе сибирскихъ дворянъ, боярскихъ дѣтей и казаковъ надлежитъ комплектовать только дѣтьми лицъ, принадлежащихъ къ этимъ тремъ разрядамъ, и 7) что не дозволялось ни покупать крестьянъ, ни имѣть деревень, ни принимать то или другое себѣ въ закладъ, ни совершать какія либо крѣпости. [2]).

Въ 1737 г. въ Сибири оставлено для надобностей гражданскихъ властей не болѣе 76 сибирскихъ дворянъ и 277 дѣтей боярскихъ, остальные же были сданы въ солдаты. [3])

Въ 1744 году было пояснено, что званіе сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ не предоставляетъ его носителямъ преимуществъ, которыми пользовались россійскіе дворяне, и не имѣетъ никакого значенія для потомства.

1) Гагемейстеръ, II, 76.

Въ документахъ можно найти много примѣровъ производства въ сибирскіе дворяне и дѣти боярскія простыхъ казаковъ. Такъ, 26 февраля 1703 года помѣчена царская грамота Енисейскому воеводѣ о приверстаніи въ дѣти боярскія Василія Галкина за службы его предковъ и его собственную «въ выбылой денежной окладъ умершаго Енисейскаго сына боярскаго Ивана Перфильева.» Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка Книга I. СПБ. 1882. 215—271

7 сентября 1707 г. дана грамота Енисейскому воеводѣ о приверстаніи въ дѣти боярскія Степана Евдокимова за заслуги умершаго въ Москвѣ сына его, купившаго въ Китаѣ драгоцѣнный камень и привезшаго въ Москву въ сибирскій приказъ. Ор. с., 309 сл.

2) П. Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Москва 1889. 512 сл.; ср Словцовъ, Историческое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1886. I, 287 прим.

3) Гагемейстеръ, ор. с.

Въ 1746 году опять вышелъ указъ, которымъ запрещалось сибирской канцеляріи безъ указовъ опредѣлять разночинцевъ въ дворяне и дѣти боярскія. 1). Очевидно, предыдущіе указы подобнаго же содержанія плохо соблюдались на практикѣ.

Очень рельефно положеніе сибирскихъ дворянъ было обрисовано въ преніяхъ въ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Въ сентябрѣ 1767 года Енисейскій депутатъ Самойловъ изложилъ нужды и желанія сибирскихъ дворянъ г. Енисейска. Они жаловались, что несравнены съ дворянами россійскими въ полученіи жалованья, а также и на то, что, не будучи удовольствованы землями, а занимая при томъ мѣста, которыя обыкновенно поручаются штабъ или, по крайней мѣрѣ, оберъ-офицерамъ, они находятся въ совершенномъ упадкѣ духа и терпятъ большое разореніе. Они просятъ поэтому утвердить ихъ въ равныхъ правахъ съ русскими дворянами, награждать ихъ чинами, надѣлить землей и „для обработки оной дать имъ“, откуда признано будетъ возможнымъ, людей съ дозволеніемъ пріобрѣтать ихъ покупкой и, наконецъ, «доколѣ они будутъ находиться на службѣ, производить ихъ въ чины и положить имъ опредѣленное жалованье».

Но подобныя притязанія сибиряковъ натолкнулись на противодѣйствіе представителей благороднаго русскаго дворянства. Депутатъ Ярославскаго дворянства кн. Щербатовъ заявилъ, что „сибирскій дворянинъ“ не есть званіе, а чинъ, и предложилъ, для лучшаго порядка управленія, учредить тамъ постоянный дворянскій корпусъ. Однако депутатъ не удержался на своей позиціи, и забывъ собственное предложеніе объ отмѣнѣ права выслуги въ дворянство, князь Щербатовъ допускалъ Высочайшее соизволеніе тамошнимъ губернаторамъ жаловать дворянствомъ того, кто, будучи произведенъ въ офицеры самъ, или имѣя отца, дослужившаго до офицерскаго чина, представитъ аттестатъ, что служилъ не менѣе 20 лѣтъ и никогда ни въ подозрѣніи, ни въ штрафахъ и ни въ какихъ неприличныхъ дворянину поступкахъ не замѣченъ. Въ Россіи „сибирскій дворянинъ“ долженъ считаться въ „высшей степени среднихъ людей“ и тогда можетъ считаться принадлежащимъ къ дворянскому званію, когда получитъ дипломъ отъ самой государыни.

Нужно сказать, что сибирскіе депутаты отстаивали въ комиссіи сравнительно демократическія предложенія. 5 си-

1) Головачевъ, ор. с., 50 сл.

бирскихъ депутатовъ поддерживали предложеніе, чтобы дворянство получали всѣ, дослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина, и чтобы это правило распространялось какъ на достигшихъ раньше этого чина, такъ и на могущихъ достигнуть его впредь. 8 сибирскихъ депутатовъ предложили, чтобы пріобрѣтенное выслугой право на дворянство распространялось на потомство. Тарскій депутатъ Бекишевъ находилъ, что не всегда заслуги могутъ дойти до свѣдѣнія монарха, а потому считалъ нужнымъ, чтобы въ отдаленныхъ мѣстахъ командующіе имѣли право возводить въ дворянство. Такъ какъ сибирскіе дворяне и дѣти боярскія были людьми служилыми, то сибирскіе депутаты и считали службу непремѣнной обязанностью дворянства; поэтому 8 сибирскихъ депутатовъ заявили свое согласіе съ мнѣніемъ Деритскаго депутата профессора Урсинуса, что дворяне, владѣющіе вотчинами, должны служить или вообще быть полезными государству; а Верхотурскій депутатъ Глазуновъ согласился даже съ мнѣніемъ Яранскаго депутата Антонова, что не служащіе лишаются дворянскаго званія. 4 подававшихъ голоса сибирскихъ депутата согласились даже съ мнѣніемъ Урсинуса, высказавшагося противъ привилегій благородныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ,—что вполнѣ понятно, такъ какъ сибиряки не мало страдали отъ произвола сибирскаго служилаго дворянства. [1])

Юридическое положеніе сибирскаго дворянства было крайне неопредѣленнымъ; сама центральная власть не знала, въ чемъ состоятъ ихъ права и обязанности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ. Правительствующій сенатъ изъ герольдмейстерской конторы, отъ 14 августа 1778 г., требовалъ увѣдомленія о сибирскихъ дворянахъ; именно, о томъ: „1) есть ли какое установленіе о названіи ихъ: 2) кто въ сибирскіе дворяне жалуетъ, и сіе названіе кому дается не по порученію ли какой должности, изъ дворянъ во что еще производятся по губерніи; 3) какое они преимущество предъ прочими здѣсь въ разныхъ чинахъ имѣютъ.“ [2])

Первенствующее сословіе не имѣло въ Сибири экономическаго фундамента для утвержденія своего господства; неисчерпаемый запасъ свободныхъ земель и слабая населенность края не оставляли мѣста для интенсификаціи сельскаго хозяй-

1) Головачевъ, *op.* с., 49—50, 52 сл.

2) Общій отчетъ о матеріалахъ, поступившихъ въ Император. Русское Географич. Общество и разсмотрѣнныхъ отдѣленіемъ этнографіи съ 1 сентября 1852 г. по 1 января 1853 г. Вѣстникъ Импер. Русс. Географич. Общества, 1853, кн. III, СПБ, 1853, 11.

ства, которое, какъ теперь выясняется все болѣе, и было дѣйствительной причиной закрѣпощенія сельскаго населенія въ Европейской Россіи. [1])

Но благородному россійскому дворянству удалось иными путями укрѣпиться въ сибирской окраинѣ, оно осаждало въ ней свое избыточное населеніе. Птенцы шляхетскаго сословія, не находившіе себѣ мѣста въ метрополіи, занимали мѣста администраторовъ въ сибирскихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, политическія привилегіи землевладѣльческаго класса, изъ среды котораго рекрутировался, какъ центральная, такъ и верхи мѣстной бюрократіи, доставили его представителямъ преобладающее положеніе и въ Сибири.

Во всякомъ обществѣ, распадающемся на классы, представители командующаго класса видятъ въ своемъ привилегированномъ политическомъ положеніи лишь средство для пріобрѣтенія экономическихъ благъ. Chremat' anet, [2]) говорилъ еще греческій поэтъ VII вѣка Алкей. И поэтому то злоупотребленія съ корыстною цѣлью и лихоимство отнюдь не являются специфическими признаками „приказного", „бюрократическаго" строя, какъ насъ въ этомъ хотятъ увѣрить „діалектики обаятельные" изъ среды либерализма. Примѣръ французской республики или великой американской демократіи показываетъ, что самыя свободныя политическія формы не препятствуютъ „превращенію государственныхъ органовъ изъ слугъ общества въ его повелителей". [3]) Но, несомнѣнно, особенности того или иного общественно-политическаго строя

1) Значеніе перехода къ трехпольному хозяйству для процесса развитія крѣпостного права прекрасно выяснено у П. Маслова. Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. СПБ. 1910. 66 сл. Покровскій. Исторія русской культуры, часть I, Москва, 1915.

2) Помнятъ въ Спартѣ Аристодема
Крылатое слово: въ силѣ слово то.
Царь сказалъ: «Человѣкъ богатство»
Нѣтъ бѣдному славы, чести—нищему.

Алкей и Сафо. Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ Вячеслава Иванова. Москва. 1914. 72.

3) Фр. Энгельсъ. Предисловіе къ «Гражданской войнѣ во франціи» К. Маркса. 2-е изд. Одесса, 1905, 13. «Въ Сѣверной Америкѣ... каждая изъ двухъ большихъ партій, смѣняющихъ другъ друга у кормила правленія, управляется въ свою очередь людьми, которые изъ политики сдѣлали себѣ гешефтъ... Двѣ большихъ шайки политическихъ спекулянтовъ попеременно владѣютъ государственной властью и эксплоатируютъ ее самымъ грязнымъ образомъ для самыхъ грязныхъ цѣлей». Ibid.

могутъ создать болѣе благопріятную среду для проявленія характерныхъ для всякаго классового общества явленій.

И условія россійской дѣйствительности Московскаго и Петербургскаго періодовъ русской исторіи были почвой, на которой пышнымъ цвѣткомъ распускались произволъ, насиліе и лихоимство.

Въ Европейской Россіи нѣкоторой сдержкой была близость центральной власти, которая время отъ времени налагала свою тяжелую руку на зарвавшихся администраторовъ. Въ Сибири же воеводы и губернаторы чувствовали себя какъ бы „за предѣлами досягаемости“ (безсмертное выраженіе адмирала Дубасова) и проявляли самый необузданный произволъ, невѣроятное лихоимство, исключительную жестокость. Само Московское правительство оффиціально констатируетъ фактъ преступности своихъ чиновниковъ въ наказахъ. Каждый воевода, по пріѣздѣ въ Сибирь на мѣсто службы, долженъ былъ собрать въ съѣзжую избу служилыхъ и не служилыхъ людей, русскихъ и инородцевъ, и поносить передъ ними своихъ предшественниковъ. Но являлся новый воевода и обязанъ былъ говорить тоже про прежняго администратора. Такъ, въ 1631 г. Михаилъ Оеодоровичъ велѣлъ воеводамъ князю Никитѣ Борятинскому и Константину Сытову быть на службѣ въ Сибири въ Тарскомъ городѣ на мѣсто воеводъ князя Оеодора Волконскаго и Исаака Баилова. А пріѣхавъ въ Тару,—читаемъ въ наказѣ, данномъ имъ,—они прежде всего должны были вызвать въ городъ ясачныхъ людей, человѣка по два отъ каждой волости, принять ихъ въ съѣзжей избѣ и самимъ быть въ то время и служилымъ людямъ въ цвѣтномъ платьѣ и съ оружіемъ. Когда же ясачные люди сойдутся, то сказать имъ отъ царя Михаила Оеодоровича такое жалованное слово: «прежъ сего имъ въ Тарскомъ городѣ отъ воеводъ, отъ головъ и отъ приказныхъ людей, отъ боярскихъ дѣтей, отъ казаковъ, отъ стрѣльцовъ и отъ ихъ братіи новокрещеныхъ... было небреженіе, налоги и продажи великіе..., брали съ нихъ ясакъ съ прибавкою, не по государеву указу, и тѣмъ сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямого не давали и сами воеводы дѣлали имъ продажи и убытки, брали поминки и посулы... и теперь государь во всемъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ давать судъ праведный, сыскивать накрѣпко, дѣлать имъ расправу и оборону отъ русскихъ и всякихъ людей, и во всемъ велѣлъ ихъ беречь, чтобъ имъ насильства, убытковъ и продажъ ни отъ кого не было и они бъ уѣздные люди были въ его царскомъ жалованьѣ, покоѣ и тишинѣ безъ всякаго сомнѣнья“.

Такую непріятную характеристику должны были давать по государеву наказу воеводы своимъ предшественникамъ... Но въ 1633 году Михаилъ Ѳеодоровичъ назначилъ въ Тару новыхъ воеводъ, князя Ѳеодора Бѣльскаго и Неупокоя Кокошкина, и они обязаны были сдѣлать такой же отзывъ про бывшихъ воеводъ, Борятинскаго и Сытова. Только Бѣльскій и Кокошкинъ по наказу должны были напередъ собрать въ съѣзжую избу торговыхъ и промышленныхъ людей „верховскихъ городовъ“ и сказать имъ: „прежъ сего воеводы дѣлали имъ продажи, обиды и тѣсноты великія... ихъ нуждъ не разсматривали, управы межъ нихъ прямой не творили, посулы и поминки у нихъ брали и ихъ продавали“... А потомъ велѣно имъ собрать инородцевъ и говорить имъ про прежнихъ воеводъ то же самое, что послѣдніе говорили про своихъ предшественниковъ. „Наказы другимъ воеводамъ, въ какой сибирскій городъ они не назначались бы, имѣли тожественное содержаніе,—пишетъ Буцинскій.—Такъ что инородцы и русскіе люди напередъ знали, что новые воеводы собрали ихъ въ съѣзжую избу только для того, чтобы поносить предъ ними своихъ предшественниковъ, какъ знали и то, что и новое начальство будетъ съ ними поступать нисколько не лучше стараго: взятки, продажи, кривой судъ и разнаго рода насилія будутъ и отъ новыхъ воеводъ.“ [1]).

Трудно найти фактъ, болѣе ярко характеризующій подвиги сибирскихъ администраторовъ. Попытки центральнаго правительства обуздать своеволіе своихъ подчиненныхъ обычно ни къ чему не приводили. [2]).

И дѣйствительно, нравы сибирской бюрократіи нисколько не улучшились въ XVIII вѣкѣ. Всѣмъ извѣстна судьба сибирскаго генералъ-губернатора Гагарина, повѣшеннаго въ 1721 г. за лихоимство. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ этого де-Геннинъ писалъ Петру, что „хотя всѣмъ извѣстенъ эксемпель, который учиненъ князю Гагарину, однако, же здѣсь въ Сибири не унимаются бездѣльники“. Дѣйствительно, подвиги Жолобова, Крылова и другихъ показали,

1) Заселеніе Сибири, 237–239. О дѣяніяхъ сибирскихъ воеводъ см. у него же 239 сл. Ср. В. Кулешовъ. Наказы сибирскимъ воеводамъ въ XVII вѣкѣ. Болградъ 1894, 45 сл. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, I, 147 сл.

2) «Какія бы ни предпринимали Московскіе цари мѣры съ цѣлью пресѣченія беззаконій сибирскихъ воеводъ, послѣдніе всегда умѣли обходить ихъ, или даже просто не обращали на нихъ никакого вниманія» Буцинскій, ор. с., 242.

что «эксемпель» не произвелъ должнаго впечатлѣнія. Петръ Великій думалъ бороться съ злоупотребленіями воеводъ усиленіемъ наказаній: провинившихся администраторовъ ссылали на каторгу, имъ вырывали ноздри, били кнутомъ, рубили головы: но ничего не помогало. Никогда произволъ бюрократіи не достигалъ такихъ размѣровъ, нигдѣ мѣстные сатрапы не были такими всемогущими, какъ въ Сибири XVIII вѣка. Воеводы и губернаторы имѣли неограниченную власть надъ жизнью и достояніемъ обывателей: конфискаціи имущества частныхъ лицъ, казни людей, на богатства которыхъ имѣли виды воеводы, были нормальнымъ явленіемъ. Мѣстные правители соединяли въ своихъ рукахъ власть исполнительную и судебную, ихъ полномочія были почти безграничны. Наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ, отъ 28 сентября 1728 г., воспрещаетъ воеводѣ чинить смертную казнь, предоставляя это право губернаторамъ. Поэтому приходится думать, что до наказа воеводы произвольно лишали жизни обывателей.

Посылаемые въ Сибирь воеводы облекались громадными полномочіями, въ ихъ вѣдѣніи находился и судъ, и администрація, и военное командованіе, и сборъ ясаку, они же вели торговлю предметами казенной монополіи. Въ инструкціяхъ, вручавшихся воеводамъ изъ центра, опредѣленно говорилось: „дѣлати по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ". Естественно, что такія неограниченныя полномочія порождали въ администраторахъ сознаніе безотвѣтственности и полной независимости. Мѣстные сатрапы отказываются даже признавать чиновниковъ, присылаемыхъ имъ на смѣну. Назначаемые правительствомъ ревизоры, которые должны были преслѣдовать злоупотребленія своихъ предшественниковъ, сами вдали отъ контроля усваивали ихъ привычки и продолжали политику грабежа и насилія.

Подвиги сибирскихъ воеводъ и губернаторовъ живо напоминаютъ намъ дѣянія римскихъ провинціальныхъ намѣстниковъ-проконсуловъ эпохи республики. Никакія постановленія нравственности или уголовнаго права не связывали римскихъ управителей или ихъ свиту,—пишетъ Моммсенъ,—насиліе, изнасилованіе и убійства, въ юридической формѣ да и вовсе безъ нея, составляли ежедневное явленіе». [1]). Но его же словамъ, «проконсулъ и его квесторъ являлись какъ

---

1) Римская исторія, томъ III, Москва, 1880, 159.

бы членами разбойничьей шайки, посланными для взиманія контрибуціи». [1]). И римскіе магистраты возвращались на родину изъ провинцій съ огромными состояніями, грабежъ провинцій становился день ото дня все болѣе общимъ явленіемъ. Не иначе, какъ въ покоренной странѣ, вели себя въ Сибири и ставленники Петербургскаго правительства.

Могущество и своеволіе воеводъ возрастало прямо пропорціонально отдаленности ихъ резиденціи отъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, поэтому наибольшей безконтрольностью отличались воеводы отдаленныхъ сибирскихъ городовъ, особенно Якутска, Перчинска, Камчатки. [2]).

Впрочемъ, дѣянія воеводъ уже столько разъ служили темой для изслѣдователей Сибирскаго прошлаго, что намъ здѣсь больше на этомъ останавливаться не приходится. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о предшественникахъ Трескина въ Иркутскѣ, знаменитыхъ Жолобовѣ и Крыловѣ.

III.

Изъ заложеннаго въ 1652 г. сыномъ боярскимъ Иваномъ Похабовымъ близъ устья рѣки Иркута зимовья возникъ въ 1661 г. Иркутскій острогъ. Въ 1682 г. въ городѣ было учреждено самостоятельное воеводство. Въ 1731 г. Иркутскъ именованъ провинціальнымъ городомъ и воеводы были замѣнены въ немъ вице-губернаторами. Первымъ Иркутскимъ вице-губернаторомъ былъ статскій совѣтникъ Жолобовъ, снискавшій себѣ столь печальную славу. По словамъ Иркутской лѣтописи, онъ „средняго состоянія людямъ никакихъ обидъ и налоговъ не чинилъ, а богатымъ дѣлалъ разныя „прицѣпки“ и бралъ съ нихъ взятки. Къ несчастнымъ преступникамъ, содержащимся въ острогѣ, былъ милостивъ и дѣла о нихъ рѣшалъ скоро“. [3]). Лѣтописецъ отмѣчаетъ тутъ крайне любопытный фактъ, слѣдствіями котораго явились: антагонизмъ между администраторомъ и богатымъ купечествомъ и сочувствіе къ первому со стороны «средняго состоянія людей». Мы знаемъ, напримѣръ, что, когда Жолобовъ вступилъ въ конфликтъ съ правившимъ архіерейскимъ приказомъ намѣст-

1) Op. c., III, 463. Ср. также т. II, 367 сл.

2) Ср. объ этомъ Ядринцева Сибирь, какъ колонія. Изд. 2-е СПБ. 1892, 469 сл. Андріевичъ. Историческій очеркъ Сибири, т. II. Иркутскъ, 1886, 124 сл.

3) Иркутская лѣтопись (Лѣтописи П. И. Пежемскаго и В. А. Кротова). Иркутскъ, 1911. 44.

никомъ Паисіемъ, на сторонѣ Жолобова оказались бургомистръ и купцы. [1]). Объ этомъ явленіи намъ придется еще говорить по поводу Трескина.

Неномѣрное лихоимство Жолобова въ скоромъ времени заставило центральное правительство принять свои мѣры; оно послало въ Иркутскъ въ качествѣ слѣдователя и преемника Жолобова, статскаго совѣтника Сытина. Пріѣхавъ въ Иркутскъ 5 января 1733 г. и не успѣвъ вступить въ должность, Сытинъ 2 февраля того же года умеръ отъ „огорченій" причиненныхъ ему Жолобовымъ.

Тогда дворянинъ Литвинцевъ, подъячій Татариновъ и казачій голова Лисовскій положили передать правленіе пятилѣтнему сыну умершаго Сытина, за малолѣтствомъ котораго опредѣлили къ нему совѣтникомъ и опекуномъ полковника Бухгольца. Въ томъ же духѣ составляетъ челобитную отъ имени духовенства и монашествующихъ намѣстникъ Паисій. Жолобовъ посылаетъ гонца въ Тобольскъ съ донесеніемъ о собраніи „воровского казачьяго прелиберіанскаго круга" и съ жалобой на Паисія, заставившаго духовенство подписать «возмутительную» бумагу. Тобольское начальство командируетъ въ Иркутскъ слѣдователя Сухарева, но до его пріѣзда Жолобовъ успѣваетъ расправиться со своими противниками. Татаринова и Литвинцева онъ ежедневно ставилъ на правежъ, билъ палками, пыталъ; Лисовскаго же, заковавъ въ цѣпи, отправилъ въ Тобольскъ. Только прибывшій въ ноябрѣ 1732 г. слѣдователь Сухаревъ заключилъ Жолобова подъ стражу. Почти четыре года тянулось дѣло Жолобова, только 1 іюля 1736 г. ему была отсѣчена голова въ Петербургѣ. [2])

---

1) Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ редактированный и изданный В. П. Сукачевымъ. Москва, 1891, 6.

2) Иркутская лѣтопись, 15 сл.; Иркутскъ Сукачева и т. д., 57. Первымъ иркутскимъ воеводой, казненнымъ въ Петербургѣ, былъ Леонтій Ракитинъ. Въ 1717 г. онъ отправился изъ Иркутска за Байкалъ для встрѣчи ѣхавшаго изъ Китая съ караванною казною купца Гусятникова и отобралъ у него золото, серебро и разныя другія китайскія вещи. За это ему потомъ и отсѣкли голову. Иркутская лѣтопись, 14.

Вообще, рѣдкій Иркутскій воевода спокойно кончалъ свою административную карьеру. Обычнымъ финаломъ ея было преданіе суду. Такъ, опредѣленный въ 1719 г. въ Иркутскъ воеводой Нерчинскій комендантъ Степанъ Ракитинъ, по словамъ лѣтописца, «былъ строгъ до жестокости. Дѣйствія его дошли до свѣдѣнія высшаго начальства, почему и прибылъ изъ Тобольска въ Иркутскъ въ мартѣ 1722 г. чиновникъ для его ареста и описи его имѣнія; по исполненіи сего, онъ вскорѣ отправленъ къ своему начальству, водою на судахъ, по р. Ангарѣ». Иркутская лѣтопись, 17.

По подвиги Жолобова скоро затмилъ коллежскій ассесоръ Крыловъ, прибывшій въ 1758 г. въ Иркутскъ къ качествѣ слѣдователя по винокуреннымъ дѣламъ. Уже самое назначеніе Крылова ревизоромъ было вызвано конфликтомъ между всесильнымъ въ то время въ Россіи лицомъ, генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ, заключившимъ въ 1756 г. съ сибирскимъ приказомъ контрактъ о поставкѣ водки въ кабаки Иркутской провинціи, и Иркутскимъ купечествомъ, не желавшимъ выпускать прибыльную торговлю виномъ изъ своихъ рукъ. Такимъ образомъ, Крыловъ былъ лишь исполнителемъ воли генералъ-прокурора и въ то же время откупщика Глѣбова, открыто грозившаго въ своемъ посланіи членамъ Иркутскаго магистрата наступленіемъ „дня ярости и гнѣва“. Слѣдствіе было назначено по доносу Глѣбова, управлявшаго сенатомъ, такъ что Крылову приходилось руководиться инструкціями генералъ-прокурора, являвшагося въ то же время и лицомъ подслѣдственнымъ въ качествѣ доносителя и откупщика! Естественно, поэтому, что сенатъ предписалъ Крылову въ случаѣ, если „къ тому подозрѣніе приличное показываться будетъ, то и безъ доказательствъ то слѣдствіе производить“. И дѣйствительно, Крыловъ успѣлъ себя показать. Аресты, пытки, истязанія практиковались слѣдователемъ въ самомъ широкомъ масштабѣ. Забравъ къ себѣ изъ магистрата и губернской канцеляріи всѣ дѣла съ 1729 по 1758 г., Крыловъ арестовалъ и заковалъ членовъ магистрата и какъ у нихъ, такъ и у болѣе бобатыхъ купцовъ приказалъ описать дома, товары и пр. и „публиковалъ ихъ ворами“. Со 120 человѣкъ Крыловъ вымучилъ 155.295 р. 80 к.

Первый въ городѣ богачъ купецъ Бичевичъ умеръ отъ пытокъ. Не знало границъ и сладострастіе Крылова, не отступавшаго передъ насиліемъ для достиженія своихъ цѣлей. Наконецъ, Крыловъ арестовалъ даже Иркутскаго вице-губернатора Вульфа и самъ занялъ его мѣсто, „а въ города Иркутской провинціи о томъ своемъ вступленіи разослалъ указы“. Но тутъ послали доносы жившему въ Тобольскѣ сибирскому губернатору архіерей и отставленный вице-губернаторъ. Ходатайства ихъ увѣнчались успѣхомъ, и гроза Иркутянъ Крыловъ, въ кандалахъ былъ увезенъ въ столицу.

Императрица Елизавета велѣла сенату слѣдствіе надъ Крыловымъ произвесть «кратчайшимъ путемъ, чтобы слезы неповинныхъ наискорче удовольствованы были и чтобъ съ симъ злодѣемъ, несмотря ни на какія персоны, поступлено было“. Тѣмъ не менѣе Глѣбову удалось замять дѣло, и только при Екатеринѣ ему былъ данъ ходъ по ходатайству Иркутскихъ

купцовъ. Крылова велѣно было „вмѣсто заслуживаемой имъ смертной казни высѣчь въ городѣ Иркутскѣ кнутомъ и сослать на каторгу въ работы вѣчно". Однако, приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе: бывавшіе въ столицѣ Иркутскіе купцы встрѣчали тамъ Крылова здравымъ и невредимымъ. [1])

Центральная власть думала добиться больше порядка въ управленіи Сибирью созданіемъ новыхъ административныхъ единицъ. Въ 1783 г. Сибирь была раздѣлена на три намѣстничества, въ которыхъ учреждены два генералъ-губернаторства: Тобольское и Иркутское. Первымъ намѣстникомъ Иркутскимъ былъ генералъ-поручикъ Якоби, закончившій свою административную карьеру обычнымъ для сибирскихъ сатраповъ финаломъ: онъ отданъ былъ подъ судъ и томился подъ нимъ десять лѣтъ... Однимъ изъ преемниковъ Якоби былъ Леццано, также покинувшій Иркутскъ, чтобы „предстать передъ судомъ сената". Леццано былъ смѣненъ по представленію прибывшаго его ревизовать сенатора Селифонтова, который и занялъ въ 1803 г. мѣсто Тобольскаго и Иркутскаго ген.-губернатора. Но и онъ былъ смѣщенъ со своего поста Высочайшимъ указомъ съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицы... А Селифонтова смѣнилъ Пестель, впослѣдствіи также отрѣшенный отъ должности... Такова была печальная одиссея лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судьбы необъятной Сибири... [2]) Такъ выполнялся пунктъ данной Селифонтову въ 1801 г. Высочайшей инструкціи о внушеніи жителямъ „увѣренности, что они живутъ подъ добрымъ и радѣющимъ о нихъ правительствомъ". [3])

IV.

Теперь переходимъ къ генералъ-губернаторству Пестеля и его ставленника Трескина, рукописный отчетъ котораго объ управленіи губерніей и служитъ предметомъ нашей работы.

---

1) С. С. Шашковъ. Иркутскій погромъ въ 1758–1760 г. въ Историческихъ этюдахъ, томъ II, СПБ, 1872, 329–349. «Только тѣ, которые были плохо знакомы съ отечественною географіею,—пишетъ Шашковъ,—считали эту страну (Сибирь) сѣдалищемъ холода; болѣе же образованные росіяне очень хорошо знали, что въ Сибири всегда можно найти множество теплыхъ мѣстечекъ», 330. Также Иркутская лѣтопись, 77 сл.

2) Ядринцевъ ор. с., 463 сл.; Иркутская лѣтопись, 112 сл; Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ. 1883, 308 сл.

3) Иркутская лѣтопись, 174.

«Ни одинъ губернаторъ не прослужилъ въ Иркутскѣ долѣе 3 лѣтъ, не попавъ подъ судъ и не лишившись мѣста»,—писалъ въ своей автобіографіи Пестель про своихъ предмѣстниковъ. Русскій Архивъ, 1875, 379.

Иванъ Борисовичъ Пестель (1765-1843), [1]) саксонецъ по происхожденію, послѣ непродолжительной службы въ войскахъ перешелъ въ почтовое вѣдомство и дослужился до должности президента главнаго почтоваго правленія въ 1799 г. Онъ былъ уволенъ отъ должности Павломъ I во время одного изъ его припадковъ гнѣва, но при Александрѣ I вернулся къ бюрократической карьерѣ и ревизовалъ въ 1802 г. Вятскую губернію, въ 1804 г.—Казанскую. 3 марта 1806 г. Пестель былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ Иркутскимъ, Тобольскимъ и Томскимъ. По его собственнымъ словамъ, онъ долго отказывался отъ этого назначенія, указывая на суровый, тяжелый климатъ Сибири, на свое слабое здоровье, на многочисленность семейства, на крайнюю недостаточность своихъ средствъ. Особенно же пугала Пестеля участь его предшественниковъ, оканчивавшихъ свое служебное поприще отдачей подъ судъ. Послѣ долгихъ колебаній, Пестель покорился, однако, волѣ государя. [2]) Въ указѣ, данномъ Пестелю, Александръ I писалъ: „при дѣятельности и личныхъ правилахъ вашихъ, вы преуспѣете въ теченіе времени утвердить во ввѣренномъ управленію вашему краѣ доброе устройство и связь всѣхъ его частей, обезпечить порядокъ въ законномъ отправленіи правосудія, усилить надзоръ полиціи“... Горькой иронiей надъ суровой дѣйствительностью звучатъ эти благія пожеланія. Если реви-

2) О Пестелѣ см. замѣтку П. Майкова въ томѣ V Русскаго біографическаго словаря, Павелъ, преподобный-Петръ (Илейка), СПБ. 1902, 593-599. Тамъ же указанія на литературу.

3) Пестеля смущало то обстоятельство, что всѣ его предшественники Якоби, Леццано, Селифонтовъ, вслѣдствіе доносовъ, попадали подъ судъ: «ту же участь,—говорилъ онъ,—долженъ былъ я себѣ ожидать, потому что причины оной не исчезли, а, напротивъ того, такъ какъ гнусные доносчики оставались всегда безъ наказанія, то они возымѣли еще больше отважности къ новымъ доносамъ». «Со страхомъ и трепетомъ» Пестель принялъ предложенное ему мѣсто и только послѣ того, какъ государь далъ письменное обѣщаніе позаботиться объ его семействѣ, если онъ умретъ въ Сибири. (Бумаги Ивана Борисовича Пестеля, Русскій Архивъ, 1875, № 1, 374)

Но опасенія за будущее продолжали тревожить Пестеля и въ Сибири. «Пусть вообразятъ мое положеніе и чувства, которыя съ утра до вечера волновали духъ мой, пишетъ онъ въ своей автобіографіи.—Одинъ я знаю, сколько несчастны и горестны были дни моего пребыванія въ Сибири, особливо при моемъ чувствительномъ и раздражительномъ нравѣ. Я рѣшился настоятельно испрашивать перемѣны моей инструкціи и права обращаться въ важныхъ случаяхъ прямо къ государю, чтобы спасти себя на будущее время отъ одинаковой участи съ моими несчастными предшественниками». Ibid, 381.

зовавшій Иркутскую губернію послѣ Лецціано Селифонтовъ нашелъ ее «въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что безъ слезъ взирать на нее невозможно», то не въ лучшемъ состояніи она была и при Сперанскомъ, ревизія котораго подвела итоги дѣятельности Пестеля. [1])

Прибывъ въ Томскъ, Пестель учредилъ комиссію для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія мѣстной администраціи, и вскорѣ Томскій губернаторъ Хвостовъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Послѣ этого Пестель поѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ губернаторъ былъ также преданъ суду сената. [2]). Кромѣ того, Пестель привлекъ къ суду генералъ-маіора Куткина, завѣдывавшаго провіантскими магазинами[3]). Пробывъ около недѣли въ Иркутскѣ, новый генералъ-губернаторъ предпринялъ поѣздку по всей Сибири до границъ Китая, былъ въ Кяхтѣ, Нерчинскѣ, видѣлъ монголовъ, посѣтилъ Колыванскіе рудники и намѣревался ѣхать въ Петербургъ со своими предположеніями о пользахъ ввѣренныхъ ему губерній и съ проектомъ новой генералъ-губернаторской инструкціи. Но не получивъ изъ Петербурга разрѣшенія на пріѣздъ, онъ долженъ былъ оставаться въ Иркутскѣ. Въ это время у него возникли столкновенія съ командующимъ войсками въ Сибири генералъ-лейтенантомъ Г. И. Глазенапомъ, вслѣдствіе которыхъ Пестель получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ зимою 1809 г. Больше Пестель уже не возвращался въ свои владѣнія, и продолжалъ управлять Сибирью изъ столицы вплоть до 1819 г. По прибытіи въ Петербургъ, Пестель

---

1) Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора замѣтки о Пестелѣ въ Русскомъ біографическомъ словарѣ [см. выше], «что если за время управленія Пестелемъ Сибирью и не послѣдовало существенныхъ измѣненій въ административныхъ учрежденіяхъ, то тѣмъ не менѣе при немъ произведено было не мало отдѣльныхъ улучшеній», ор. с., 596. Въ доказательство своего положенія Майковъ приводитъ улучшеніе пересылки арестантовъ въ Сибирь въ 1807 г., причемъ сопровожденіе арестантовъ возложено на башкиръ и мещеряковъ. Ниже мы выяснимъ характеръ этого «улучшенія».

2) Ср. записки Хвостова въ Русскомъ Архивѣ, 1870, № 3, 598–610

3) Нужно, все же, отмѣтить, что сибирскіе историки неправы, изображая подвергавшихся преслѣдованію отъ Пестеля лицъ въ видѣ какихъ то мучениковъ за правду. Такъ, напримѣръ, личной злобой Пестеля объясняли процессъ провіантскаго генерала Куткина, на могильномъ памятникѣ котораго до сихъ поръ красуется надпись: «и прямизна тебя не спасла». Вагинъ, I, 7. Между тѣмъ, какъ выяснено Шашковымъ, «мученикъ за правду былъ, въ сущности, ловкій провіантскій дѣлецъ, не отступавшій отъ общаго обыкновенія пользоваться солдатскимъ пайкомъ и крестьянской мошной». Ор. с., Дѣло, 1879, № 1, 96.

былъ очень ласково принятъ государемъ, сказавшимъ ему, по собственнымъ словамъ Пестеля: „требую отъ васъ, чтобы ни съ кѣмъ не имѣли бы дѣла на счетъ вашего управленія въ Сибири, кромѣ со мною, безъ всякаго посредничества". Такимъ образомъ, Пестель освобождался отъ всякаго контроля за своими дѣйствіями и управлялъ Сибирью изъ Петрограда единолично.

„Крайнее себялюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ—вотъ отличительныя черты Пестеля,—пишетъ Вагинъ...—Мнѣніе современниковъ объ умѣ Пестеля было слишкомъ преувеличено.

Въ дѣлахъ нѣтъ ни одного распоряженія, которое показывало бы хотя какую нибудь оригинальность или самостоятельность ума Пестеля. Писать онъ не умѣлъ; его бумаги и поправки обнаруживаютъ значительную степень безграмотности. Важнѣйшія бумаги заготовлялись для него или въ канцеляріи Трескина, или извѣстнымъ въ свое время Ѳ. П. Львовымъ, который былъ прежде секретаремъ при графѣ Н. Н. Румянцевѣ. Сперанскій съ презрѣніемъ называетъ Пестеля самого слабою головою, которая неспособна управлять даже Олонецкой губерніею... Дѣлами управленія онъ не занимался; и могъ ли онъ управлять Сибирью изъ Петербурга? На мѣстахъ дѣйствовали губернаторы. Въ громадѣ дѣлъ, которыя мы пересмотрѣли по поводу настоящаго труда (за исключеніемъ судныхъ), едва нашлось два-три и то ничтожныхъ случая, гдѣ Пестель, въ тринадцать лѣтъ своего управленія, высказалъ самостоятельное мнѣніе; онъ почти всегда соглашался съ губернаторами, и заключенія ихъ выдавалъ передъ высшимъ правительствомъ за свои собственныя". [1])

---

1) Ор. с., I, 5-9. Личное безкорыстіе Пестеля остается подъ сомнѣніемъ. «Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника»,—говорилъ Сперанскій о связяхъ Пестеля съ Трескинымъ. Другіе положительно утверждали, что Трескинъ посылалъ Пестелю ежегодную дань, Ibid. Впрочемъ, Шашковъ полагаетъ, что Пестель не былъ ни казнокрадомъ, ни взяточникомъ, онъ считалъ даже своимъ священнымъ долгомъ преслѣдовать эти злоупотребленія. По его мнѣнію, лучшей рекомендаціей Пестеля можетъ служить та привязанность, которую до послѣдней минуты его жизни питалъ къ нему его извѣстный сынъ, и нѣжная любовь отца Пестеля къ сыну декабристу. Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка. Дѣло, 1879, № 1, 87. Самъ Пестель пишетъ въ своей автобіографіи: «когда я бъ не былъ христіаниномъ, то былъ бы милліонеромъ, пріобрѣлъ бы значительныхъ покровителей, имѣлъ бы во всѣхъ канцеляріяхъ помощниковъ и соучастниковъ, а ежели бы попалъ подъ отвѣтственность, то сильные мои защитники меня

Естественно, что при такихъ условіяхъ дѣйствительными правителями Сибири стали губернаторы, [1]) на посты которыхъ Шестель посадилъ своихъ людей. „Иркутская губернія мнѣ болѣе всего причиняла заботъ,—пишетъ онъ;—эта губернія всѣмъ моимъ предшественникамъ, такъ сказать, шею сломила. Съ этой стороны я долженъ былъ всего болѣе обезопасить себя, и потому мнѣ нужно избрать туда губернаторомъ человѣка совершенно надежнаго. Съ твердостью настаивалъ я, чтобы сей выборъ былъ предоставленъ мнѣ, и въ этомъ я успѣю". Иркутскаго губернатора Корнилова перевели въ Тобольскъ, а для Иркутска у Шестеля былъ человѣкъ вполнѣ подходящій. Еще помѣщикомъ Смоленской губерніи Шестель зналъ даровитаго поповича Трескина, котораго онъ взялъ изъ семинаріи, женилъ на своей любовницѣ и опредѣлилъ къ себѣ на службу, когда еще былъ Московскимъ почтъ-директоромъ.

Въ 1806 г. Трескинъ занималъ уже должность Смоленскаго вице-губернатора; Шестель не хотѣлъ даже ѣхать въ Сибирь, если ему не дадутъ Трескина въ Иркутскіе губернаторы. „До 1799 г.,—пишетъ Шестель въ автобіографіи,—онъ служитъ при мнѣ: я его, такъ сказать, образовалъ въ службѣ и зналъ его правила, его строгую честность и его искреннее благочестіе. Нельзя было найти человѣка надежнѣйшаго, который былъ бы мнѣ болѣе преданъ и даже изъ благодарности болѣе привязанъ. Будучи вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ, онъ отличался своею честностью и своимъ прилежаніемъ. Притомъ онъ былъ человѣкъ съ большими способностями и съ здравымъ разсудкомъ." [2]).

выручили бы: я былъ бы осыпанъ почестями и богатствомъ, и плутомъ жилъ бы беззаботно». И послѣ своего увольненія въ отставку Шестель постоянно нуждался, и вплоть до своей смерти выплачивалъ долги, нажитые имъ до генералъ-губернаторства. Русскій Архивъ, 1875, 385, 407.

1) Самъ Шестель, однако, выдвигаетъ въ «автобіографіи» свою дѣятельность на первый планъ: «опредѣливъ Трескина въ его должность, я принялся за дѣла съ чистѣйшимъ и истинно христіанскимъ намѣреніемъ содѣйствовать, сколько въ моихъ силахъ было, къ благополучію ввѣренныхъ мнѣ губерній и ихъ жителей. Вся моя жизнь въ Сибири во все время моего пребыванія была тамъ ни что иное, какъ безпрерывное занятіе по дѣламъ службы. Даже часы моего отдохновенія, когда я гулялъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ или въ экипажѣ, употреблялъ я на то, чтобы посѣщать тюрьмы, изслѣдовать содержаніе арестантовъ, осматривать заведенія приказа общественнаго призрѣнія, больницы и другія заведенія, находящіяся въ городѣ или близъ него». Русскій Архивъ, 1875, 378.

2) Русскій Архивъ, 1875, ор. с. Мы не должны удивляться, что Шестель хвалитъ въ Трескинѣ «его искреннее благочестіе»: самъ Шестель

Вмѣстѣ съ Пестелемъ Трескинъ и двинулся въ Сибирь въ іюнѣ 1806 г.

Трескина Вагинъ называетъ „правою рукой Пестеля, главнымъ дѣятелемъ во все время управленія его Сибирью, образцомъ для другихъ сибирскихъ губернаторовъ, ихъ учителемъ". [2]).

Можно себѣ представить, какого рода учениковъ долженъ былъ воспитывать подобный „учитель".

По словамъ того же Вагина, глубоко изучившаго эпоху, „Трескинъ, безспорно, былъ человѣкъ умный и дѣятельный. Но это были умъ и дѣятельность не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. *Они были* устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель; какъ большая часть людей этого рода, онъ могъ быть хорошъ только въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властью. Въ немъ вполнѣ развились полицейскія замашки прежняго времени, *и изъ него вышелъ деспотъ*. Трескинъ едва ли еще не въ большей степени соединялъ въ себѣ тѣ качества, которыми отличался его покровитель. Законовъ онъ не исполнялъ, на министерскія предписанія не обращалъ никакого вниманія. Еще въ 1811 г. сенатъ дѣлалъ ему «особенное» замѣчаніе за то, что онъ самовольно распоряжался медицинскими чинами, вопреки распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ» [1]).

Интересны свидѣтельства современниковъ о Трескинѣ. По мнѣнію Геденштрома, Трескинъ „губернію считалъ вот-

---

всегда выставлялъ на показъ свою набожность. «Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ,—пишетъ онъ въ автобіографіи,—я отслужилъ въ соборѣ молебенъ, чтобы всенародно умолять Всемогущаго о дарованіи мнѣ его святой помощи на исполненіе обязанностей генералъ-губернатора. Архіерей самъ служилъ при семъ случаѣ; всѣ чиновники были приглашены къ сему молебну; множество людей собралось въ церковь, и мы молились за царя и отечество. Такъ какъ я не принадлежалъ къ греческому исповѣданію, то распоряженіе сіе произвело на всѣхъ желаемое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ предшественниковъ моихъ, хотя и греческаго исповѣданія, этого не дѣлалъ. Каждое воскресенье всѣ чиновники утромъ собирались ко мнѣ, и я непремѣнно всегда вмѣстѣ съ ними отправлялся въ соборъ къ обѣднѣ. Это также произвело выгодное впечатлѣніе, доказывая уваженіе мое къ религіи моего отечества». Такъ же поступилъ Пестель и по своемъ пріѣздѣ въ Иркутскъ: «такое же отслуженіе молебна было и здѣсь первое мое дѣйствіе при вступленіи моемъ въ должность». Ibid.

2) Op. c., I, 9.

1) Op. c., I, 9–10.

чиною, а себя полновластнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ". [1]).

Сперанскій въ своемъ письмѣ къ Столыпину 23 октября 1819 находитъ, что Трескинъ былъ „человѣкъ наглый, отмѣнно смѣлый, неглупъ, хотя и худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ, какъ демонъ", и при томъ—„человѣкъ необыкновенной тонкости въ мелочахъ и изворотахъ". [2]).

Въ письмѣ къ Кочубею отъ 18 декабря 1819 г. Сперанскій говоритъ, что Трескинъ—человѣкъ необыкновенныхъ способностей: смѣлъ, рѣшителенъ, чрезмѣрно смѣтливъ. [3]).

Флотскій офицеръ, посѣтившій Иркутскъ въ 1819 году, оставилъ намъ очень любопытную характеристику правленія Трескина. „Что такое было Трескинъ въ Иркутскѣ, теперь трудно разсказать, а еще труднѣе вѣрить. Николай Ивановичъ Трескинъ былъ губернаторомъ 14 лѣтъ въ Иркутскѣ, но какимъ губернаторомъ? Теперь трудно имѣть понятіе. Въ текущемъ столѣтіи называютъ властителемъ Наполеона I, по моему, онъ былъ неограниченная власть въ войскѣ—при успѣхѣ, а власть гражданская ограничивалось законами. Трескинъ и законы были синонимы, болѣе былъ только Трескинъ, а законы были далеко, далеко!» [4]).

По словамъ того же свидѣтеля, «Трескинъ, безъ сомнѣнія, былъ умный дѣлецъ, дѣятельность его была изумительна. Полиція, земскіе суды, палаты—онъ или его власть была все! Онъ зналъ все и распоряжался всѣмъ; онъ зналъ подробно всю частную жизнь Иркутска. Трескинъ былъ деспотъ безграничный! Но мнѣ случилось прочитать немного бумагъ его въ Питеръ къ Пестелю: тамъ онъ скроменъ, добръ, скорбѣлъ о людскихъ слабостяхъ и тяготился обязанностью и исправлялъ падшихъ. Трескинъ былъ страшный корыстолюбецъ, его считали въ десяткахъ милліоновъ, но удивительно то, что вообще мало жаловались на его взяточничество: это мнѣ объясняли тѣмъ, что онъ бралъ, но и умѣлъ дать средство наживать». [5]).

---

1) Вагинъ, I, 10. Цитируемый авторъ находитъ, «что даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи того развитія, какъ Трескинскій произволъ въ Иркутской губерніи. Его можно сравнить только съ произволомъ и мелочнымъ вмѣшательствомъ Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, и особенно въ знаменитомъ Грузинѣ». Ibid.

2) Русскій Архивъ, 1869, № 11.

3) Вагинъ, I, 10, прм. 10.

4) Очерки, разсказы, воспоминанія Э . . . . . ва. Русская старина, 1878, ноябрь, 503.

5) Ор. с., 506–507.

Тѣмъ не менѣе авторъ находитъ много положительныхъ чертъ въ дѣятельности Трескина; по его мнѣнію, край за это время благоденствовалъ. «Трескинъ не былъ золъ и жестокъ, но какъ власть, былъ очень строгъ: всѣ полиціи были доведены до совершенства и зато въ Иркутской губерніи не было ни грабежей, ни воровства, и сотни примѣровъ слышалъ; проѣзжій, забывшій въ домѣ крестьянина кошелекъ, часы, бумаги, непремѣнно былъ догоняемъ и получалъ забытое. Дороги, мосты были превосходны, деревни чисты; судя по наружности домовъ, крестьяне были зажиточны; скота, лошадей много; пятнадцать-двадцать троекъ стояли при въѣздѣ въ деревню, платили четыре копейки на тройку за версту. Иркутскъ былъ очень опрятный городъ и много хорошихъ домовъ. О преступленіяхъ не было слышно. 12 лѣтъ спустя, я нашелъ: убійство, грабежи, воровство, шайки разбойниковъ близъ города. Села, деревни по наружности очень обѣднѣли; если чего и не забудете, то у васъ украдутъ все, что можно; дороги, мосты очень дурны. Я объясняю такую разницу тѣмъ, что Трескинъ былъ законъ, а Лавинскій повиновался закону!“ [1]).

Такимъ образомъ, авторъ „воспоминаній“ объясняетъ отрадныя, по его мнѣнію, черты правленія Трескина какъ разъ его пренебреженіемъ къ закону!

Какъ это ни странно, и другіе современники даютъ благопріятный отзывъ о Трескинѣ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Булатовъ, говоритъ: „Трескина я глубоко уважаю. Это былъ геніальнѣйшій администраторъ. Конечно, онъ дѣйствовалъ деспотически; но таково было время, таковъ былъ духъ. Кромѣ того, надо перенестись въ его время, влѣзть въ его кожу, посмотрѣть, что тогда было. Дичь была ужаснѣйшая... Правда, манеры были у него слишкомъ некрасивы; но что же дѣлать? Деспотическій образъ дѣйствій былъ въ тогдашнихъ правахъ“ [2]).

Подобные отзывы были не единичны. Другой современникъ Василій Васильевичъ Курбатовъ находилъ также, что „Трескинъ... былъ полезенъ для города; ввелъ въ немъ чистоту и порядокъ... Трескинъ былъ добрый человѣкъ и бѣднымъ помогалъ. Только купцовъ сильно тѣснилъ: все подписки да пожертвованія... Губернаторъ былъ славный человѣкъ,“—повторяетъ еще разъ Курбатовъ. [3]).

Курбатову вторитъ почетный гражданинъ Павелъ Гера-

---

1) Ор. с., 507–508.
2) Вагинъ, I, 572, 574.
3) Вагинъ, I, 578–579.

расимовъ: «самъ Трескинъ былъ рѣдкій, отличный администраторъ. Онъ населилъ губернію, онъ заставилъ бурятъ заниматься хлѣбопашествомъ... Если сообразить то зло и добро, которое онъ сдѣлалъ, то, правда, онъ не заслуживалъ такой строгой кары. Зато его такъ и судили: я видѣлъ его въ 1834 г.—а онъ уволенъ въ 1819 г.—онъ все еще былъ подъ судомъ". [1]).

По свидѣтельству С. С. Попова, «купцы, современники Трескинскаго управленія, хвалятъ времена Трескина и не совсѣмъ довольны дѣйствіями Сперанскаго. Они говорятъ, что Трескинъ былъ истинный хозяинъ края, и если было зло, то зло это было съ пользой для края". Поповъ объясняетъ это „потачками Трескина и его подчиненныхъ купечеству... Купцамъ, попавшимъ въ милость къ Трескину и его сподвижникамъ, было не житье, а масленица." [2]).

Однако, Трескина хвалили не одни толстосумы, попавшіе къ нему въ милость и имѣвшіе возможность обдѣлывать при немъ свои дѣла. Вотъ мнѣніе представителя Иркутской интеллигенціи (sit venia verbi). «Не намъ судить дѣло Трескина, не намъ повѣрять отчеты его совѣсти. Царь земной и Царь небесный совершили надъ нимъ судъ свой... Но какъ патріотъ, какъ христіанинъ, скажу по убѣжденію и опыту, что Трескинъ много сдѣлалъ добра для Сибири. Онъ принудилъ бездомныхъ бурятъ сдѣлаться опытными земледѣльцами, мирными сельскими хозяевами, честными промышленниками; онъ образовалъ и устроилъ пути сообщенія; онъ желѣзными руками знаменитаго Лоскутова приковалъ бродягъ поселенцевъ къ мѣстамъ ихъ водворенія и заставилъ ихъ быть хозяевами; обуздалъ мелкую власть въ управленіяхъ отдѣльными округами, способствовалъ развитію торговли мѣрами, отъ него зависящими. Если же вольные и невольные грѣхи или поступки помрачили навсегда блескъ полезныхъ дѣлъ, которыми Трескинъ могъ увѣковѣчить имя свое въ лѣтописяхъ Сибири, то будьте увѣрены, что въ этомъ болѣе виновны исполнители его начальственныхъ распоряженій, его такъ называемые сотрудники, даже смутныя обстоятельства того времени, нежели самъ онъ". Такъ говорилъ въ 20-хъ годахъ одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ иркутянъ, купецъ Дудоровскій, Александрову, который его очень хорошо обрисовалъ въ „Воздушномъ Тарантасѣ". [3]). А Дудоровскій былъ

---

1) Вагинъ, I, 584.
2) Вагинъ, I, 585–7.
3) Воздушный Тарантасъ. Иркутскъ (лѣто 1827 года) въ Сборникѣ

живой, любознательный, вдумчивый и освѣдомленный старикъ, съ нимъ знакомились „всѣ проѣзжіе путешественники.“

Нужно отмѣтить, что Трескинъ былъ типичнымъ русскимъ бюрократомъ и отличался всѣми присущими нашимъ администраторамъ свойствами. Невѣжество его было феноменально, онъ не имѣлъ даже понятія о томъ, что такое статистика, ученыхъ онъ не любилъ и боялся, гласность—даже та слабая гласность, которая изрѣдка проявлялась въ газетныхъ статейкахъ о погодѣ и урожаѣ,—выводила его изъ себя.—Правда, онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ. Все утро онъ отдавалъ секретарямъ присутственныхъ мѣстъ приказанія, что и какъ должно рѣшать. Присутствіямъ оставалось только облекать приказанія губернатора въ законную форму[1]).

Всѣ дѣла Трескинъ вершилъ при помощи своего секретаря Бѣлявскаго: „обыкновенно дѣлали такъ, что Бѣлявскій сочинитъ представленіе отъ Трескина къ Пестелю и самъ же напишетъ отвѣтъ; то и другое посылалось къ Пестелю, а этотъ только подписывалъ готовое“. [2]).

Трескинъ держалъ себя настоящимъ помпадуромъ. Онъ подчинилъ себѣ даже духовное вѣдомство. Когда надъ епископомъ Веніаминомъ была назначена духовно-слѣдственная комиссія, Трескинъ принялъ на себя руководительство ей. Трескинъ началъ мстить Веніамину за то, что тотъ раньше не подчинялся ему; архіереи оскорбляли въ комиссіи, его оскорбляли на вечерахъ у губернатора, на которые тотъ приказывалъ ему являться; даже проповѣди въ торжественные дни Веніаминъ говорилъ не иначе, какъ по распоряженію Трескина, отдаваемому черезъ полицмейстера. [3]).

И внѣшній обликъ Трескина обличалъ въ немъ истинно-русскаго помпадура: онъ даже вице-губернатора заставлялъ подавать себѣ шубу. Въ слѣдующихъ словахъ очевидецъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ ежедневнаго офиціальнаго пріема у Трескина: „часовъ въ 9 утра пріѣхалъ я къ Трескину. Большая прихожая полна служебнаго люда—два казацкихъ и два полицейскихъ офицера, казаки, полицейскіе да два дежурныхъ чиновника. Тишина. Вхожу въ большое зало—три печи и пять дверей. У глухой стѣны на разъ

историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ, томъ I, СПБ, 1875, 34. Ср. Козьминъ. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. СПБ, 1910, 174–5.

1) Вагинъ, I, 11.

2) Разсказъ о Трескинѣ Николая Петровича Булатова. Вагинъ, I, 372.

3) Шашковъ, Ор. с., Дѣло, 1879, № 1, 97.

назначенныхъ мѣстахъ стоятъ чиновники съ бумагами; оставшіяся пустыя мѣста около печекъ подходящіе занимали; повидимому, каждый имѣлъ назначенное ему мѣсто. Тишина во всемъ домѣ совершенная; кажется, ни одинъ чиновникъ не пошевелилъ ногой. Я вошелъ и сѣлъ около окна и столика. Не могъ не замѣтить, что на меня значительно поглядывали чиновники; я полагалъ, что имъ въ диковинку чужой человѣкъ, да еще морякъ. Послѣ узналъ—ихъ изумляла моя дерзость, что я сѣлъ. Вошелъ молодчина--кавалеристъ,—это комендантъ, полковникъ Цейдлеръ, съ рапортомъ,—осмотрѣлся и сѣлъ подлѣ меня. Послѣ я узналъ, что комендантъ осмѣлился первый разъ сѣсть у Трескина, и, вѣроятно, ему неловко было стоять, когда сидитъ юноша. Болѣе часа мы сидѣли и очень тихо говорили, а чиновники продолжали стоять, какъ каменные. Замѣтилъ я, что комендантъ не сводитъ глазъ съ маленькой двери. Растворилась эта маленькая дверь, комендантъ быстро вскочилъ, а я заглядѣлся, да и было на что: представьте себѣ, въ отворенную дверь выдвигаютъ мраморную бѣлую статую! Это былъ его превосходительство губернаторъ Трескинъ. Какъ снѣгъ, бѣлый колпакъ, изъ подъ колпака длинные бѣлые волосы; рубашка со стоячимъ воротникомъ, безъ галстуха; какъ снѣгъ, бѣлый халатъ, подпоясанный бѣлымъ кушакомъ, изъ подъ халата внизу видно нижнее бѣлье, чулки и мягкія туфли безъ задковъ. Трескинъ не шелъ, а двигался, скользя туфлями". [1]).

„По праздникамъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—Николай Иванычъ дозволялъ цѣловать свою руку; изъ мужчинъ допускались къ ручкѣ только старшіе чины и первогильдейцы." [2]).

Трескинъ самолично входилъ во всякія мелочи, регламентація жизни обывателя была доведена при немъ до крайнихъ предѣловъ. Ни одна сторона частной жизни обывателя не могла укрыться отъ бдительнаго ока нашего правителя. По справедливому замѣчанію Шашкова, Иркутскъ при Трескинѣ «превратился въ нѣчто вродѣ военнаго поселенія». [3]) Современникъ разсказываетъ о немъ: „не знали, когда спитъ Трескинъ,—его можно было встрѣтить во всякое время дня и ночи, и встрѣтить скорѣе всего тамъ, гдѣ не ожи-

---

1) Очерки, разсказы, воспоминанія Э . . . . . ва. Русская старина, 1878, ноябрь, 504–5. Далѣе авторъ описываетъ семейную обстановку Трескина.

2) Ор. с., 503.

3) Ор. с., Дѣло, 1879, № 1, 98.

даете. Какъ Гарунъ-аль-Рашидъ, онъ въ частномъ платьѣ ходилъ по городу, заходилъ въ частные дома, замѣчалъ все: то смотритъ онъ на базарѣ калачи, и горе калачницѣ, которая обвѣситъ хоть на золотникъ. Тогда посты строго соблюдались: въ посты обыкновенно ѣли гороховый кисель съ сѣменнымъ масломъ— прескверное кушанье; однако жъ оно было въ большомъ употребленіи. Трескинъ и въ этомъ зналъ толкъ. Пробовалъ кисель и тотчасъ замѣчалъ, если въ немъ какая-нибудь примѣсь или дурно приготовленъ: тотчасъ и расправа. Ходилъ обыкновенно одинъ, но полицейскіе слѣдили издали и тотчасъ являлись, куда нужно. Зайдетъ, бывало, въ частный домъ и видитъ—мужъ съ утра ушелъ на работу, а жена сидитъ и попиваетъ чаекъ. „А что ты, матушка, приготовила мужу поѣсть?“ И въ печь. А въ печи то ничего нѣтъ. Тотчасъ расправа.“ [1]) Трескинъ преслѣдовалъ разведеніе табака, заглядывалъ въ огороды, „и если увидитъ, что посѣянъ табакъ, тотчасъ расправа, табакъ вонъ, а вмѣсто его велитъ посѣять овощь.“ [2])

Громадное вліяніе на дѣла при Трескинѣ имѣла его супруга, Агнеса Федоровна, которая постоянно окружала себя молодыми чиновниками, называла ихъ своими дѣтками и обдѣлывала съ ними всякія дѣлишки. По выраженію одного современника, это была „маленькая, юркая, бойкая женщина, чрезвычайно сладострастная,—никому спуску“. У ея любовниковъ „въ гостиномъ дворѣ была и лавка, въ которой продавали, что имъ надарятъ“. Агнеса Федоровна раздавала должности и брала взятки по важнымъ дѣламъ. «Тайша, напримѣръ, что ли есть дѣло порядочное—къ Третьякову. Губернаторъ,—говоритъ ему Третьяковъ,—не беретъ, а вотъ Агнесѣ Федоровнѣ надо поклониться. Куни (у нея) мѣхъ соболій.

---

1) Разсказъ Булатова у Вагина, I, 573. Въ томъ же духѣ дѣйствовали и Трескинскіе исполнители. Баронъ Розенъ въ своихъ запискахъ (глава XI) разсказываетъ о комиссарѣ Лоскутовѣ. «Бывало, комиссаръ прискачетъ неожиданно въ деревню, зайдетъ въ одну избу, спроситъ кусокъ хлѣба, и если хлѣбъ не хорошъ отъ нерадѣнія хозяйки, то хозяйкѣ наказанье розгами. Въ другой избѣ спроситъ квасу и если квасъ слишкомъ жидокъ или перекисъ, или лѣтомъ подаютъ ему теплымъ, то хозяйкѣ розги, и всѣ хозяева благодарили комиссара».—

Приходятъ на память пріемы маленькихъ просвѣщенныхъ деспотовъ XVIII вѣка въ Германіи. «Око княжескаго правительства заглядывало въ ящики и сундуки, въ тарелки и кастрюли, въ гардеробные шкафы и собачьи конуры» своихъ подданныхъ. Кампфмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. СПБ. 1898, 100.

2) Булатовъ.

Принесутъ мѣхъ, сторгуются тысячъ за пять: и мѣхъ возьмутъ и деньги. Другому, третьему—тоже. Одинъ то мѣхъ разъ 50 и продавали". [1])

Подчиненные Трескина были вполнѣ достойны своего принципала. Особенно отличались исправники—Верхнеудинскій Геденштромъ и Нежнеудинскій Лоскутовъ. [2]) Къ любому изъ уѣздныхъ администраторовъ можно было бы примѣнить слова адмирала Рикарда объ Охотскомъ начальникѣ Уншинскомъ: онъ «во всѣхъ дѣйствіяхъ не подчинялся ни чести, ни совѣсти», и его управленіе было „противно человѣческимъ и божескимъ законамъ". [3])

V.

Таковъ былъ всесильный помпадуръ и его клика, которой пришлось вступить въ борьбу съ Иркутской финансовой олигархіей. По справедливому замѣчанію Шашкова, „интересная исторія этой борьбы представлялась до сихъ поръ въ фальшивомъ свѣтѣ: намъ показывали, съ одной стороны, поборниковъ истины, героевъ гражданскаго мужества, страдальцевъ за правду, съ другой—жестокихъ деспотовъ. Въ дѣйствительности же, гонимые и гонители стоили одни другихъ." [4])

Писатели, занимавшіеся эпохой Трескина, обычно отдавали свои симпатіи тому или другому изъ антагонистовъ. Сибирскіе патріоты—Вагинъ, Ядринцевъ принимаютъ сторону Иркутской буржуазіи, Шаповъ же идеализируетъ дѣятельность Иркутскаго помпадура изъ антипатіи къ своекорыстнымъ классовымъ вожделѣніямъ его враговъ. И тѣ и другіе неправы въ своемъ субъективизмѣ, объективная историческая точка зрѣнія, воздающая suum cuique, приводитъ къ одинаковой оцѣнкѣ обѣихъ боровшихся въ Иркутскѣ группъ—самодержавной бюрократіи и торгово-промышленной буржуазіи. Борьба велась и съ той, и съ другой стороны не во имя ка-

---

1] Вагинъ, I, 382, 565. Эти отношенія, какъ двѣ капли воды, похожи на порядки, существовавшіе при предшественникѣ Пестеля, Селифонтовѣ, при которомъ дѣлами управляла фаворитка Селифонтова, м-мъ Бойе, дочь ея, фаворитка сына Селифонтова, и правитель канцеляріи его Бакулинъ. Ibid, I, 5-6.

2) См. Вагинъ, I, 12 сл. Шашковъ, Дѣло, 1879, № 1, 102 сл. Можно судить, какъ уѣздные администраторы обращались съ населеніемъ, если Лоскутовъ рѣшился высѣчь плетьми даже Нижнеудинскаго протоіерея Орлова. Вагинъ, I, 13.

3) Вагинъ, I, 138.

4) Ор. с., Дѣло, 1879, № 1, 106.

кихъ либо отвлеченныхъ принциповъ и общественнаго блага, предметомъ спора были гораздо болѣе конкретные объекты, тяжба шла за раздѣлъ общественнаго пирога. Паразитическая бюрократія не выполняла ни одной полезной общественной функціи, а буржуазія являлась представительницей первыхъ формъ, которыя принимаетъ капиталъ въ ходѣ историческаго своего развитія—торговаго и ростовщическаго капитала. Какъ извѣстно, эти виды капитала не развиваютъ производительныхъ силъ, а наоборотъ, разрушаютъ ихъ; потому и переживавшая медовый мѣсяцъ первоначальнаго накопленія молодая сибирская буржуазія такъ же мало могла являться представительницей прогрессивнаго начала въ общественной эволюціи, какъ и бюрократія.

Подходящей иллюстраціей къ ожесточенной борьбѣ за возможно большую долю въ общественномъ пирогѣ, возгорѣвшейся между бюрократіей и буржуазіей, можетъ служить положеніе сибирской торговли съ инородцами. Сперанскій яркими красками нарисовалъ домогательства какъ той, такъ и другой стороны: „въ Сибири относительно торговли съ инородцами существовало до 1819 г. двѣ системы: одну изъ нихъ можно назвать запретительною, другую—свободною. Запретительную систему вводили и при удобныхъ случаяхъ старались укоренить разные чиновники полицейскаго управленія. Системы свободной всегда просили и иногда въ своемъ домогательствѣ успѣвали купечество, вообще промышленники, и сами инородцы. Полиція представляла, что торговцы и промышленники обманываютъ инородцевъ, пользуясь ихъ незнаніемъ цѣнъ при покупкѣ или обмѣнѣ вещей, что инородцы не умѣютъ защищаться противъ притѣсненій частныхъ людей, что при свободѣ торговли нельзя усмотрѣть, соблюдается ли опредѣленное въ законѣ запрещеніе ввозить къ инородцамъ горячія напитки; нельзя ожидать, чтобы инородцы платили въ казну ясакъ исправно, звѣрями окладными и лучшей доброты, и, наконецъ, нельзя продавать инородцамъ хлѣбъ съ выгодою для казны изъ запасныхъ ея магазиновъ и взыскивать съ удобностью доли за сей хлѣбъ, проданный имъ во время неулововъ звѣря или рыбы и подобныхъ обстоятельствъ, въ законѣ опредѣленныхъ. Противъ сихъ предлоговъ мѣстной полиціи торговцы и промышленники представили, что ограниченія въ торговлѣ съ инородцами могли быть допускаемы прежде, но не нынѣ, когда число торгующихъ уже немалое, и слѣдовательно, есть соревнованіе; что причины, побуждающія чиновниковъ полицейскихъ настаивать на запрещеніи, суть выгоды не казенныя, но ихъ собственныя,—ихъ собственная

торговля съ инородцами,—и что, наконецъ, установленная сими чиновниками выдача билетовъ частнымъ лицамъ на проѣздъ въ кочевья инородческія для торговли есть не что иное, какъ собственный ихъ корыстолюбивый разсчетъ". [1]) У насъ нѣтъ основанія не довѣрять ни „мѣстной полиціи", ни „торговцамъ и промышленникамъ",—и тѣ и другіе говорили правду,—но не всю правду, и не про себя, а про другихъ. А взятые вмѣстѣ отзывы администраціи и буржуазіи другъ о другѣ даютъ намъ полную картину той беззастѣнчивой эксплоатаціи, которой подвергались инородцы: что оставляла одна группа хищниковъ, немедленно отбиралось другой. [2])

Но не одна прибыльная торговля съ пасынками цивилизаціи являлась яблокомъ раздора между дѣятелями капитала и паразитами бюрократіи; они перебивали другъ у друга и торговлю съ русскимъ населеніемъ въ селахъ и городахъ. Обѣ группы стремились къ захвату монополіи путемъ устраненія конкуррентовъ. Ожесточенная борьба началась изъ-за хлѣбной торговли. Иркутскіе тузы стремились захватить ее въ свои руки. Сибирская администрація еще до Трескина и Пестеля преслѣдовала скупщиковъ хлѣба, на что послѣдніе жаловались въ Петербургъ. Въ инструкціи, данной Селифонтову, ему рекомендовалось уже обратить вниманіе на „стѣснительныя мѣры, отнимающія у земледѣльца довѣріе и угрожающія его спокойствію. Вы, конечно, не допустите, чтобы мѣры таковыя гдѣ либо подъ начальствомъ вашимъ были дозволяемы: напротивъ, вы потщитесь доставить земледѣльцу всю увѣренность, что плоды трудовъ его ни подъ какимъ видомъ отторгнуты или вынуждены у него быть не могутъ". [3])

А въ 1808 году Пестель доноситъ уже правительству о вредѣ купеческой хлѣбной монополіи и изображаетъ ее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Никакая черта,—писалъ онъ,—не въ состояніи изобразить утонченной хитрости къ изысканію способовъ на беззаконныя стяжанія. При всѣхъ невѣжествахъ и грубостяхъ уловляются безъ ощущенія всѣ случаи къ обогащеніямъ на счетъ простоты беззащитной, и можно изъяснить навѣрное, что доселѣ недостаточный и бѣдный не были допускаемы до состоянія средняго, а всегда повергались

1) Вагинъ, I, 321–2. Шашковъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «и купцы, и чиновники говорили правду другъ о другѣ,–одни другихъ стоили». Ор. с., Дѣло, 1879, № 2, 67.

2) Ср. Шашковъ. Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи, въ Историческихъ этюдахъ, томъ II, СПБ, 1872, 169 сл.

3) Вагинъ, I, 329.

еще въ крайнѣйшую бѣдность и ничтожество. Подряды, откупа и перекупы запасовъ продовольствія были захвачены въ одинѣ руки и при величайшихъ налогахъ малое число народа Сибирскаго края истощало избытки свои въ крайности за цѣну, опредѣляемую по произволу богатѣйшихъ; въ каковомъ порядкѣ общежитія часто видѣть можно исправнаго гражданина и зажиточнаго поселянина въ короткое время наемниками у алчныхъ корыстолюбцевъ. Все сіе существовало въ превосходной степени и силится еще стремительно удержать въ предѣлахъ своихъ разными происками и кознями людей, тѣмъ обогащающихся. Съ прибытія моего въ Иркутскъ въ настоящемъ званіи, нерѣдко встрѣчались мнѣ самыя величайшія затрудненія, не только по дѣламъ службы, но и по распорядкамъ, относящимся до благосостоянія народнаго, а особенно по части продовольствія жизненными припасами. Въ семъ случаѣ была бы поводомъ малѣйшая слабость въ надзорѣ начальства къ вредной монополіи, поелику главная промышленность первыхъ Иркутскихъ гражданъ состоитъ въ подрядахъ, откупахъ и перекупахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ.“ 1).

Трескинъ вмѣсто купеческой монополіи установилъ свою собственную. Онъ настоялъ на необходимости закупки огромныхъ запасовъ хлѣба для казенныхъ магазиновъ, для продажи его по дешевымъ цѣнамъ разнымъ вѣдомствамъ и жителямъ. Закупками хлѣба завѣдывали губернаторы, которые производили ихъ черезъ исправниковъ.

Послѣдніе не забывали ни себя, ни Трескина, давали крестьянамъ за муку произвольныя цѣны и запрещали имъ продавать хлѣбъ кому бы то ни было, кромѣ нихъ. Свободное обращеніе хлѣба было стѣснено, вывозъ его изъ одного уѣзда въ другой дозволялся только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія. Естественнымъ послѣдствіемъ мѣропріятій Трескина было крушеніе купеческой монополіи, зато казенные магазины были переполнены хлѣбомъ, а закупавшіе его чиновники наживались. 2).

---

1) Вагинъ, I, 311-3,

2) Вагинъ, I, 31, 323, 335, 339, 512. По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, чиновничья монополія отзывалась на благосостояніи крестьянъ не такъ неблагопріятно, какъ купеческая кабала. «Запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ были большіе; хлѣбъ для казны закупался съ осени, деньги за него выдавались впередъ и цѣны назначалась выше базарныхъ, что имѣло вліяніе на поддержаніе рыночной цѣны, и хотя часть этой надбавки шла въ пользу чиновниковъ, но крестьянинъ все таки получалъ за свой хлѣбъ не ниже базарной цѣны, что тоже поддерживало земледѣліе, бога-

Иркутская буржуазія терпѣла существенный ущербъ отъ мѣропріятій Трескина, „поелику,—писалъ Пестель,—главная промышленность первыхъ Иркутскихъ гражданъ состоитъ въ подрядахъ, откупахъ и перекупахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ. И всѣ сіи предпріятія не прежде открываются, какъ при совершенной крайности; когда ощутителенъ бываетъ недостатокъ въ продовольствіи, тогда необходимость заставляетъ прибѣгать къ пособію перекупщиковъ, установляющихъ цѣну по своему желанію.“ [1]).

Самъ Пестель въ своей неоднократно цитированной нами „автобіографіи“ объясняетъ враждебное отношеніе къ нему сибиряковъ неудовольствіемъ буржуазныхъ элементовъ за его мѣропріятія, направленныя ко благу низшихъ классовъ. „Мука стоила 3 рубля, скоро цѣна эта опустилась до 1 р. 50 к., а, наконецъ, и до 90 к. и никогда не превышала 1 р., пока я жилъ въ Иркутскѣ; черезъ нѣсколько лѣтъ мука вздорожала, но никогда не дошла до прежней 3 рублевой цѣны. Впрочемъ, и этому возвышенію цѣны была естественная причина, а именно пятилѣтній неурожай по всей губерніи. Говядина стоила отъ 10 до 12 коп. фунтъ, черезъ мое распоряженіе лучшій сортъ стоилъ 4 коп., а низшій 2½ коп. фунтъ. То же устройство введено было и въ Тобольской и въ Томской губерніяхъ и съ такимъ же счастливымъ успѣхомъ. Но самыя эти перемѣны, столь полезныя для общаго блага и особливо для бѣдныхъ жителей губерніи, были первымъ поводомъ къ неудовольствію тѣхъ, которые обратили торговлю мукою и говядиною въ монополію для себя и, получая отъ этого большіе барыши, дѣлились съ чиновниками, обязанными наблюдать за тѣмъ, чтобы не было монополіи.

тило крестьянъ и давало возможность уплачивать своевременно подати.... Продавать богатымъ мужикамъ хлѣбъ и сѣно на корню и пропивать эти деньги, какъ случается нынѣ, крестьяне тоже не смѣли и не были вынуждены свой же хлѣбъ и сѣно покупать послѣ у тѣхъ же мужиковъ кулаковъ по дорогой цѣнѣ, да въ долгъ подъ новую траву. Такая продажа сѣна на корню существуетъ нынѣ въ Киренскомъ и другихъ округахъ; отчего въ волости благоденствуетъ только какой нибудь десятокъ мужиковъ, а остальные 2, 3 тысячи живутъ въ крайней бѣдности. Въ Трескинскія же времена бѣдность въ крестьянствѣ не существовала въ такихъ размѣрахъ и зажиточные мужики были не рѣдкость». Ibid, 586. Конечно, подобнаго рода свидѣтельства нужно принимать cum grano salis. Лицамъ вспоминающимъ въ старости прошлое, естественно принимать роль laudatores temporis acti...

2) Вагинъ. I. 543.

Отъ сего произошло, что богатѣйшіе купцы-монополисты и чиновники, которымъ они платили за ихъ снисхожденіе, видя себя лишенными значительныхъ выгодъ, стали недовольны и желали избавиться отъ подобнаго управленія. Участь моихъ предшественниковъ и даже самихъ губернаторовъ была причиною, что доносчики и, просто сказать, величайшіе плуты въ губерніи начали искать средства избавиться отъ меня и отъ Трескина такимъ же образомъ, какъ они избавлялись отъ прежнихъ начальниковъ. Они имѣли покровителей въ разныхъ департаментахъ, министерствахъ и особенно въ сенатѣ, потому что могли удѣлять значительную часть того, что пріобрѣтали въ Сибири столь неправеднымъ образомъ. Уже въ первомъ году моего пребыванія были посланы жалобы и доносы: но такъ какъ я пользовался довѣренностью монарха, то могъ оправдать себя и г. Трескина, и послѣдствія были для насъ благопріятны". [1]).

Трескинъ захватилъ въ свои руки и винокуренное дѣло. Такъ, закупка хлѣба для винокуренныхъ заводовъ перешла къ нему, завѣдывавшій ею раньше вице-губернаторъ былъ устраненъ отъ этого дѣла. Смѣнявшіе другъ друга послѣдовательно вице-губернаторы, Семевскій и Левицкій, пытались отстоять свое право на выгодную для нихъ поставку хлѣба для водочныхъ заводовъ, но Трескину удалось добиться ихъ смѣщенія, при чемъ Левицкій былъ потомъ даже отданъ подъ судъ, хотя своими доносами онъ навлекъ слѣдствіе и на Трескина. [2]).

Естественно, что подобная политика высшаго представителя администраціи должна была привести къ цѣлому ряду конфликтовъ съ мѣстными финансовыми тузами, монопольному положенію которыхъ въ экономической жизни края угрожала серьезная опасность: наиболѣе выгодныя дѣла уплывали изъ ихъ рукъ и переходили къ чиновникамъ. [3]). Но, конечно, руководители Иркутскаго купечества, Сибиряковъ, Мыльниковъ и др., мотивировали свою кампанію противъ Трескина не откровенной защитой своихъ групповыхъ интере-

1) Р. Архивъ, 1875, 378–379.

2) Вагинъ, I, 35, 112.

3) Шестель въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ объясняетъ вражду купцовъ къ администраціи другими причинами: имъ «никакъ не можетъ быть пріятно начальство, учреждающее спокойствіе въ общежитіи и охраняющее собственность каждаго отъ хищничества сильныхъ». Вагинъ, I, приложенія, 542. Но мы знаемъ, что начальство иногда «охраняло собственность каждаго отъ хищничества» буржуазіи, чтобы приберечь ее для себя.

совъ, а требованіями справедливости и нуждами меньшей братіи. Дѣятельность Трескина и его клевретовъ давала, дѣйствительно, обильный матеріалъ для критики, и партія недовольныхъ не преминула этимъ воспользоваться. Сибиряковъ и Мыльниковъ посылали въ Петербургъ доносъ за доносомъ. Наконецъ, Пестель съ Трескинымъ рѣшили отдѣлаться отъ своихъ враговъ. Наиболѣе опаснымъ представлялся имъ Сибиряковъ.

Какъ пишетъ Пестель во всеподданѣйшемъ рапортѣ отъ 31 марта 1808 г., „наиболѣе отличается во всѣхъ предпріятіяхъ, именемъ общества противъ дѣлаемыхъ со стороны правительства распоряженій, купецъ Михайло Сибиряковъ, съ давняго времени и всѣми бывшими начальниками Иркутской губерніи замѣченъ въ сильномъ стремленіи къ безпокойствамъ, замѣшательствамъ и всегдашней склонности къ ябедамъ". Не лучшаго мнѣнія Пестель и о Мыльниковѣ, но Сибиряковъ представляется ему болѣе опаснымъ: „руководствуя перваго, а посредствомъ его и все Иркутское общество, Мыльниковъ хитростью своею во всякомъ случаѣ успѣваетъ скрывать собственное лицо и потому всегда остается свободнымъ отъ законнаго преслѣдованія и взысканія; Сибиряковъ же, по необузданной смѣлости и дерзновенію, многократно уже былъ судимъ за беззаконные поступки и, освобождаясь отъ наказанія силою всемилостивѣйшихъ манифестовъ, остался попрежнѣ съ прежнею предпріимчивостью къ возмущенію общественнаго спокойствія". И дѣйствительно, формуляръ Сибирякова, представленный Пестелемъ въ томъ же рапортѣ, былъ не изъ блестящихъ: Сибиряковъ уже двѣнадцать разъ былъ подъ судомъ: въ 1778 г. за скрытіе одного убійства, во время службы городскимъ головой; въ 1787 г. за плутовство при покупкѣ въ казну ревеня и хлѣба; въ 1793 г. за скрытіе имущества несостоятельнаго должника своего сына Дмитрія, за „обиду при отправленіи должности квартальному надзирателю", „за дерзкія слова противъ указовъ казенной палаты", „за дерзости, замѣченныя сенатомъ противъ его повелѣній", „за неисполненіе высочайшаго повелѣнія при учрежденіи въ Иркутскѣ городской полиціи--отрѣшенъ отъ должности городского головы".

Въ 1808 г. общество снова избрало Сибирякова головой, но Трескинъ воспротивился этому и потребовалъ, чтобы головой былъ выбранъ купецъ Савватѣевъ; часть общества послѣ этого вовсе отказалась участвовать въ выборахъ, а другая выбрала Савватѣева, заявивъ, что дѣлаетъ это только по приказанію начальства.

Наибольшую опасность Пестель усматривалъ въ томъ громадномъ вліяніи, какимъ Сибиряковъ пользовался у иркутянъ: „купецъ Сибиряковъ по разнымъ своимъ изворотамъ и дерзости, оказываемой противу начальству, имѣетъ не малое вліяніе на общество, изъ числа коего нѣкоторые съ нимъ въ связи по родству, другіе по разнымъ обязанностямъ, а многіе по единомыслію и склонности къ вреду, не менѣе и по предубѣжденію о его рѣшительныхъ противу начальства издавна оказываемыхъ поступкахъ—считаютъ его въ видѣ нѣкотораго ихъ руководителя и защитника; почему онъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, имѣя перевѣсъ, колеблетъ слабые умы и употребляетъ то въ свою пользу, со всегдашнимъ однако-жъ противъ начальства возмущеніемъ къ неповиновенію".

На основаніи всего этого, Пестель просилъ Государя въ своемъ рапортѣ „ради отвращенія развратовъ не только отъ Иркутскаго общества, но и отъ всего Сибирскаго края"— Иркутское общество, „равномѣрно городской магистратъ и градскую думу оштрафовать чувствительными и примѣрными взысканіями. Купцовъ же Сибирякова, яко неоднократно уже сужденнаго за преступленія и назначаемаго къ извержению изъ своего сословія, за явное возмущеніе и поползновеніе къ соблюденію непозволенныхъ своихъ корыстей, въ примѣръ прочимъ, а Мыльникова, въ предупрежденіе его вреднаго руководства, выслать изъ Иркутска въ уѣздный городъ сей же губерніи раздѣльно, съ лишеніемъ перваго добраго имени"[1]).

Въ 1809 г. желаніе Пестеля исполнилось; Сибиряковъ былъ сосланъ въ Нерчинскъ, а Мыльниковъ въ Баргузинъ. Въ это же время въ сенатѣ разбирались жалобы Сибирякова и Иркутскихъ гражданъ на Леццано. Сенатъ нашелъ, что всѣ жалобы были преувеличены, а нѣкоторыя и совсѣмъ несправедливы, а Государь, на основаніи рапорта Пестеля о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ, положилъ на докладѣ сената резолюцію „Сибирякова предать суду".

Иркутская уголовная палата положила лишить Сибирякова купеческаго званія и добраго имени и написать по Нерчинску въ рабочіе люди. Цѣлыхъ три года хлопоталъ въ Петербургѣ за отца Ксенофонтъ Сибиряковъ, обивалъ всѣ пороги, подавалъ просьбы министрамъ и Государю, но все было напрасно: возбудившіе неудовольствіе вершителей судебъ Сибири иркутяне продолжали томиться въ ссылкѣ. Сенатъ, однако, не согласился утвер-

---

1) Вагинъ, op. c., I, 512—516.

дить рѣшеніе уголовной палаты о Сибиряковѣ и возвратилъ его обратно для пересмотра. Пестель настаивалъ все на своемъ, и только смерть освободила Сибирякова отъ дальнѣйшихъ униженій [1]).

Но Пестель съ Трескинымъ на этомъ не остановились, за Сибиряковымъ и Мыльниковымъ пришелъ чередъ откупщика Передовщикова, осужденнаго за обычныя дѣянія откупщиковъ того времени: обсчитываньe казны, разбавку водой водки и прибавку къ ней для крѣпости купороса, отъ котораго умерло нѣсколько человѣкъ. Это не мѣшаетъ Вагину очень трогательно описывать его страданія [2]). Затѣмъ, изъ Иркутска были высланы: братъ Сибирякова, купецъ Дудоровскій, протестовавшій противъ самоуправства Трескина, купецъ Киселевъ былъ признанъ сумашедшимъ и посаженъ въ больницу, изъ которой онъ пропалъ безъ вѣсти.

Не стѣснялся Тресткинъ и съ чиновниками, осмѣливавшимися въ чемъ либо ему перечить. Совѣтника Корсакова Трескинъ выслалъ изъ Иркутской губерніи, а Пестель предписалъ всѣмъ губернаторамъ не дозволять ему нигдѣ жить дольше трехъ дней и въ тоже время не выпускать за предѣлы Сибири! Комиссаръ Пѣтуховъ былъ сосланъ, какъ ябедникъ, въ Туруханскъ подъ строжайшій надзоръ.

Противники самовластія бюрократіи прибѣгали къ испытанному средству сибиряковъ-доносу. Печальная судьба, постигшая первыхъ протестантовъ противъ произвола Пестеля и его ставленника, не удерживала недовольныхъ отъ подачи новыхъ жалобъ. «Свободный голосъ Сибири,—говоритъ цитируемый у Вагина сибирскій писатель,-сталъ контрабандой. И однако-жъ, доносъ никогда не принималъ такого величія(!), какъ въ это время. Самые умные и смѣлые туземцы приняли въ немъ участіе, и сибирскій генералъ сошелся на одномъ поприщѣ съ сибирскимъ мѣщаниномъ, протестуя противъ узурпатора» [3]).

Еще въ мартѣ 1808 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ Пестелю, что въ Петербургѣ были получены извѣстія о произвольныхъ дѣйствіяхъ Иркутскаго губернатора. Министръ просилъ прекратить незаконныя дѣйствія мѣстнаго начальства. Пестель же, сообщая отношеніе министра Трескину, предписывалъ не прекратить злоупотребленія, а принять мѣры противъ подобныхъ „извѣтовъ“. Министру Пестель возражалъ, что всѣ эти свѣдѣнія -клеветы и ябеды нѣкоторыхъ людей, недовольныхъ введеніемъ

1) Вагинъ, I, 17 сл.
2) Вагинъ, I. 20 сл., Шашковъ, Дѣло. 1879, № 2, 73 сл.
3) Ор. с., I, 34—5.

законнаго порядка. Министры нашли основательными объясненія Пестеля, и Государь ихъ одобрилъ.

Но кругъ недовольныхъ все болѣе увеличивался, жалобы ихъ раздавались все громче, Пестелю и его клевретамъ не удалось заглушить ихъ окончательно.

Одинъ изъ послѣднихъ доносовъ былъ составленъ въ домѣ Трапезникова и тайно отправленъ въ Петербургъ съ мѣщаниномъ Саламатовымъ, щедро снабженнымъ деньгами. Трапезниковыхъ заподозрили, окружили ихъ домъ карауломъ, всѣ письма на почтѣ стали распечатывать, но уже было поздно: Саламатовъ добрался до Петербурга, подалъ доносъ лично Государю, и былъ оставленъ въ Петербургѣ по распоряженію правительства[1]). Одновременно съ этимъ епископъ Иркутскій Михаилъ сообщалъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія слѣдующую характеристику Трескинскаго правленія, «хотя лично-писалъ преосвященный князю Голицыну-ничего не терплю отъ губернатора, но стражду ежедневно въ растерзываемой какъ бы волками паствѣ своей, коей непрерывный вопль проницаетъ и сквозь толстыя стѣны архіерейскаго дома. Нечестіе и безстыдное притворство; дерзость и самонадѣянность съ деспотизмомъ; презрѣніе къ людямъ и страданіямъ ихъ; выборъ и отличіе чиновниковъ, дѣятельныхъ только къ разоренію поселянъ, особливо бурятъ; система обогащать себя и во всемъ монополія—сіи черты отличаютъ здѣшнее правительство отъ внутреннихъ губерній Россіи"[2]).

Около этого же времени въ Петербургъ дошли свѣдѣнія о голодовкѣ инородцевъ въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ остяки умирали отъ голода; оставшіеся въ живыхъ питались трупами, а нерѣдко убивали и живыхъ и поѣдали ихъ.

Туруханская исторія нанесла окончательный ударъ престижу Пестеля въ правящихъ сферахъ, Государь пересталъ принимать его; сибирскія дѣла были подвергнуты въ государственномъ совѣтѣ серьезному обсужденію; главнымъ источникомъ злоупотребленій и безпорядковъ въ Сибири было признано генералъ-губернаторское самовластіе. [3])

На мѣсто Пестеля былъ назначенъ Сперанскій, которому была поручена и ревизія края. Въ собственноручномъ рескриптѣ

1) Ор. с., I, 36. 587.
2) Бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго 1861 г.
3) Шашковъ. Дѣло, 1879, № 5, 78 сл.

22 марта 1819 г. Александръ I поручалъ Сперанскому „исправить сею властію все то, что будетъ въ возможности, обличить лицъ, предающихся злоупотребленіямъ, предать кого нужно законному сужденію". [1])

VI.

Назначеніе Сперанскаго подѣйствовало на сибирскія власти' какъ громовой ударъ. Оно было для нихъ полной неожиданностью. Пестель и его клика совсѣмъ растерялись. Пестель написалъ Сперанскому льстивое письмо, въ которомъ благодарилъ Бога, что судьба его и его приближенныхъ зависитъ отъ Сперанскаго. Трескинъ за время между увольненіемъ Пестеля и пріѣздомъ въ Иркутскъ Сперанскаго постарѣлъ двадцатью годами. „Новость эта,—пишетъ Тюменцевъ,—многихъ привела въ совершенное разстройство, а другихъ, напротивъ, оживила. Недовольные всѣ были внѣ себя отъ радости; на другихъ же была видна мертвая блѣдность; всѣхъ болѣе страдалъ губернаторъ"[2]).

Сперанскій быстро ѣхалъ по Сибири, спѣша въ ея столицу, центръ злоупотребленій-Иркутскъ.

Сперанскій получилъ Высочайшее разрѣшеніе устранять на время губернаторовъ отъ управленія губерніями, если онъ найдетъ это нужнымъ. 21 октября 1819 г. онъ сдѣлалъ предложеніе Иркутскому губернскому правительству «по силѣ Высочайшаго рескрипта отъ, 17 сентября на его имя даннаго, объ устраненіи Иркутскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Трескина отъ настоящей должности». «Полномочіе сіе,—говоритъ Сперанскій о разрѣшеніи устранить Трескина,—пришло весьма кстати. Безъ него мнѣ было бы несравненно болѣе труда обнаружить здѣшнія непотребства и болѣе нужно было бы времени. Сверхъ сего, вообразите непріятность быть въ ежедневномъ сношеніи съ человѣкомъ, который уже обличенъ, и не достаетъ только нѣкоторыхъ формъ къ его осужденію." [3])

„Дѣйствительно, жалобъ на Трескина подавалась масса. „Въ скоромъ времени въ Иркутскомъ казначействѣ распродана была вся гербовая бумага и казначейство вынуждено было дѣлать надписи на простой бумагѣ, употребленной вмѣ-

1) Вагинъ, I, 82.
2) Вагинъ, ор. с., I, 590.
3) Вагинъ, I, 96.

сто гербовой Послѣ разрѣшено было простому народу подавать просьбу на простой бумагѣ и даже словесно объяснять свои жалобы." [1]) По словамъ Щукина, Трескинъ долго ожидалъ окончанія ревизіи и, наскучивъ бездѣйствіемъ, явился однажды къ Сперанскому и просилъ у него разрѣшенія отправиться въ Москву или Петербургъ. Сперанскій немедленно разрѣшилъ ему ѣхать въ Москву [2]).

Въ общемъ, Сперанскій отнесся къ самому Трескину довольно снисходительно и разрѣшилъ даже по прежнему выдавать ему жалованье. [3])

По Высочайшему повелѣнію двадцать восьмого іюля 1821 г. учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кочубея особый комитетъ для разсмотрѣнія отчета Сперанскаго. Какъ видно изъ именного высочайшаго указа сенату отъ 26 января 1822 г., „въ управленіи бывшаго Иркутскаго гражданскаго губернитора Трескина комитетъ нашелъ слѣдующія главныя неправильности и злоупотребленія: 1) введеніе монополіи въ закупкѣ хлѣба. 2) Произвольное установленіе продажныхъ цѣнъ при хлѣбныхъ заготовленіяхъ. 3) Неправильные учеты казенныхъ прибылей и неправильныя начальству донесенія. 4) Заготовленіе хлѣба на казенныя потребности не покупкою по цѣнамъ вольнымъ, но самовластною раскладкою на обывателей по цѣнамъ принужденнымъ. 5) Произвольное назначеніе количества сборовъ на земскія повинности. 6) Установленіе поборовъ, законами неопредѣленныхъ. 7) Безпорядки въ отправленіи земскихъ повинностей натурою. 8) Попущеніе злоупотребленій, несмотря на доходившія жалобы". «Разсмотрѣвъ сіи соображенія и находя оныя правильными,» Государь положилъ «бывшаго Иркутскаго гражданскаго губернатора, дѣйствит. статскаго совѣтника Трескина, предать суду» [4]).

Сперанскій представилъ правительствующему сенату тѣ свѣдѣнія, которыя послужили сибирскому комитету основаніемъ къ отдачѣ подъ судъ Трескина и Илличевскаго, Томскаго губернатора. Около 30 дѣлъ и извлеченій изъ нихъ было представлено къ обвиненію Трескина. Рапорты о губернаторахъ долго не могли быть отправлены по назначенію по многочисленности дѣлъ и приложеній къ нимъ, составлявшихъ по описи, всего до 11000 листовъ! По рѣшенію сената, Тре-

1) Вагинъ, I, 605
1) Ibid.
3) Op. c., I, 117.
4) Op. c., I, 121—2. Всего въ ревизію Сперанскаго, включая генералъ—губернатора, двухъ губернаторовъ и 18 человѣкъ, преданныхъ суду, было замѣшано 681 человѣкъ. Ibid., 125.

скинъ былъ лишенъ чиновъ и знаковъ отличія съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы [1]).

Такъ закончилась Трескинская эпопея.

Сперанскій пришелъ въ ужасъ отъ авгіевыхъ конюшенъ бюрократическаго самовластія, которыя ему пришлось расчищать: „чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго,-писалъ онъ изъ Томска.—Слухи ничего не увеличивали, и дѣла хуже еще слуховъ“ [2]).

Злоупотребленія возростали, повидимому, прямо пропорціонально разстоянію даннаго пункта отъ центра. Чѣмъ дальше подвигался Сперанскій на востокъ, тѣмъ безотраднѣе онъ находилъ положеніе дѣлъ. „Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, не только есть истина, но—и это рѣдко бываетъ—истина не увеличенная“,—писалъ Сперанскій къ Гурьеву изъ Верхнеудинска. Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край. менѣе обильный, былъ бы подавленъ ими совершенно [3]).

Сперанскій отчаивался въ возможности что либо сдѣлать при данныхъ условіяхъ: «кромѣ самыхъ рѣшительныхъ и вопіющихъ случаевъ,—писалъ онъ Столыпину 19 ноября 1819 г., —удерживаюсь я обвиняемыхъ отдавать подъ судъ, ограничиваясь ихъ удаленіемъ, да и то тогда только, когда есть возможность ихъ замѣнить. Но возможность сія весьма рѣдка, здѣсь вопросъ не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ» [4]).

Въ литературѣ установился давно уже панегирическій тонъ при оцѣнкѣ реформаторской дѣятельности Сперанскаго въ Сибири. Между тѣмъ, очень важно установить, что учрежденіе графа Сперанскаго оставалось позади предположеній даже другихъ дѣятелей нашей бюрократіи. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ внесъ въ комитетъ министровъ 24 октября 1818 года особое мнѣніе о сибирскихъ дѣлахъ.

---

1) Op. c., I, 126.
2) Вагинъ, I, 84.
3) Ів., I, 97. Крайне характеренъ фактъ: жалобъ на лихоимство было такъ много, а законы противъ него такъ жестоки, что Сперанскій рѣшился выключить слово взятки изъ сибирской ревизіи. Большую часть дѣлъ такого рода, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, онъ обращалъ въ обыкновенные гражданскіе иски, разбиралъ ихъ и тутъ же приказывалъ удовлетворить обиженнаго, если виновный сознавался, или былъ изобличенъ, Ів., I, 99—100.
4) Ів., I, 112.

Онъ писалъ, что «при открытіи безпорядковъ въ Сибири приписываемы были оные слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, и потому усиливаема была оная постепенно всегда, какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались». Главною причиной злоупотребленій является произволъ администраціи,— эту мысль Козодавлевъ повторяетъ на всѣ лады. Чтобы ограничить самовластіе бюрократіи, министръ признавалъ необходимымъ учредить верховное сибирское правительство изъ чиновниковъ, частію опредѣленныхъ отъ правительства, частью избираемыхъ отъ жителей разныхъ сословій; генералъ-губернатору предоставить только право предсѣдателя, имѣющаго перевѣсъ при равенствѣ голосовъ; учредить губернскіе совѣты изъ выборныхъ лицъ; усилить власть магистратовъ и городскихъ правленій. Козодавлевъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, находилъ, что посылка сенаторовъ для ревизіи Сибири, при настоящемъ положеніи дѣлъ, была совершенно безполезна. [1]). Такимъ образомъ, Козодавлевъ высказалъ опредѣленно мысль, какъ извѣстно, ждущую своего осуществленія и до сихъ поръ... Однако, прославленное Сибирское учрежденіе построено всецѣло на бюрократическомъ принципѣ, при полномъ устраненіи самодѣятельности общества. Даже Вагинъ, дающій безусловно положительную оцѣнку дѣятельности Сперанскаго въ Сибири, [2]) не можетъ «не пожалѣть, что Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева» [3]).

По его словамъ, „первымъ условіемъ программы Сперанскаго были гласность и публичность дѣйствій власти. Но именно этого условія и не выполняетъ учрежденіе. Оно замыкаетъ дѣятельность власти въ тѣсный кругъ канцелярій и присутствій, и тѣмъ самымъ налагаетъ на нее характеръ бюрократизма, а не гласности и публичности...Слова программы о публичности и гласности дѣйствій власти остались безъ всякаго приложенія въ самомъ законѣ“ [4]).

1) Вагинъ, I, 40–41.

2) По его словамъ, «съ 22 марта 1819 г. начинается новая эпоха въ сибирской исторіи. Въ этотъ день подписанъ Высочайшій указъ о назначеніи тайнаго совѣтника Михайла Михайловича Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Новою жизнью повѣяло въ Сибири съ пріѣздомъ Сперанскаго». I, 1. Въ дальнѣйшемъ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, такъ какъ вынужденъ признать неудачу пресловутой «реформы». II, 382 сл.

3) II, 331.

4) II, 326–327.

Ядринцевъ видитъ причину отрицательнаго отношенія Сперанскаго къ проекту Козодавлева въ томъ, что въ это время его убѣжденія „вообще не особенно клонились къ выборчому началу". [1]).

И дѣйствительно. Сперанскій не признавалъ возможнымъ привлечь сибирское населеніе къ устройству своей судьбы, такъ какъ не усматривалъ въ его средѣ достаточнаго количества цензовыхъ элементовъ, а опереться на неимущіе низы онъ не рѣшался. По поводу организаціи совѣта главнаго управленія Восточной Сибири Сперанскій писалъ: „правильнѣе было бы составить его изъ лицъ, мѣстному управленію посторонннхъ, но, во—первыхъ, составить его изъ дворянства или купечества, по выборамъ, невозможно потому, что тамъ нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; сіе послѣднее сословіе едва достаточно къ тому, чтобы доставить нужное число лицъ для собственнаго его управленія въ думахъ и магистратахъ... Впрочемъ, когда Сибирь болѣе будетъ имѣть населенія, когда богатства ея придутъ въ большее движеніе и доходы умножатся, тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго управленія изъ людей высшаго сословія, сіе не дѣлаетъ существенной перемѣны въ предполагаемомъ нынѣ учрежденіи" [2]).

Въ этихъ словахъ Сперанскаго ясно сказываются его симпатіи къ буржуазіи: немногочисленная въ его время сибирская буржуазія не казалась ему достаточной базой для организаціи управленія краемъ, онъ предлагаетъ ждать наступленія времени, „когда богатства ея (Сибири) придутъ въ большее движеніе и доходы умножатся,"—т. е. когда въ Сибири въ ходѣ экономической эволюціи сформируется сильный и вліятельный торгово-промышленный классъ. Эти соображенія преобразователя гармонируютъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о его планахъ, направленныхъ къ обновленію всего государственнаго и общественнаго организма Россіи: новѣйшій историкъ достаточно убѣдительно выяснилъ буржуазную подкладку его конституціонныхъ проектовъ [3]).

---

1) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія, 2-е изд., СПБ. 1892, 519.

2) Вагинъ, II, 331–2. Правда, авторъ цитированныхъ уже нами «Очерковъ, разсказовъ, воспоминаній» передаетъ о слухѣ, будто «Сперанскій сначала хотѣлъ сдѣлать изъ Россіи Финляндію, но получилъ совѣтъ–не начинать». Русская старина, 1878, т. XXIII, 523. Однако, подтвержденій этому мы не находимъ.

1) М. Н Покровскій Русская исторія, томъ IV, Москва, 1914, 259 сл., 266 сл.

Передъ немущей же массой городского и сельскаго населенія Сперанскій испытывалъ такой же спасительный ужасъ, какъ и прочіе бюрократы: даже мысль о пріобщеніи ея къ дѣламъ управленія не приходитъ ему въ голову, а составить верховный органъ управленія въ Сибири изъ представителей мѣстной буржуазіи онъ считаетъ преждевременнымъ. 1). Рѣшающимъ же моментомъ явилось отсутствіе въ Сибири дворянства. Безъ его участія привлеченіе мѣстныхъ силъ къ завѣдыванію общественными дѣлами явилось бы non sens'омъ для нашей дворянской государственности. Естественно, поэтому, что результаты „реформы" Сперанскаго свелись къ нулю: бюрократическій механизмъ, слегка подновленный, продолжалъ работить въ прежнемъ направленіи и приводилъ къ старымъ результатамъ 2).

„Сибирское учрежденіе,—говоритъ Шашковъ,—кромѣ перемѣнъ чисто формальныхъ—раздѣленія Сибири на два генералъ-губернаторства и т. д.—не ввело въ управленіе страной никакихъ существенныхъ реформъ, и все пошло по старому" 3).

Двадцать лѣтъ послѣ ревизіи Сперанскаго высшее правительство вынуждено было назначить новую ревизію сенатора Толстого. Ревизія продолжалась четыре года и имѣла результатомъ устраненіе отъ должности Иркутскаго генералъ-губернатора Руперта и Енисейскаго губернатора Копылова 4).

Сперанскій не могъ и не хотѣлъ устранить первопричины неурядицъ сибирской жизни—бюрократической системы управленія со свойственнымъ ей произволомъ правителей и

1) По поводу Козодавлевскаго проекта Шашковъ пишетъ: «невольно возникаетъ вопросъ, что стали бы выдѣлывать съ несчастнымъ народомъ разные Кузнецовы, Сибиряковы, Передовщиковы, войдя въ составъ выборнаго совѣта главнаго правленія?. Имъ, безъ сомнѣнія, было бы хорошо, но каково бы отозвался этотъ олигархическій режимъ на народѣ, и не былъ ли бы онъ для послѣдняго такъ же тяжелъ, какъ деспотизмъ Трескиныхъ и Лоскутовыхъ?» Ор. с., Дѣло, 1879, № 2, 89-90.

2) Это признаетъ и Вагинъ, II, 382 сл.

3) Ibid. 90. Съ этимъ согласенъ и Вагинъ, II, 382 сл. Правда, онъ старается объяснить неудачу реформы «недостаткомъ искусныхъ и честныхъ исполнителей». II, 399.

4) «На первыхъ же порахъ ревизія натолкнулась на вопіющія злоупотребленія,»—пишетъ Вагинъ. «Сороковые года въ Иркутскѣ», Литературный сборникъ, изданіе редакціи Восточнаго Обозрѣнія, СПБ, 1885, 271. О ревизіи Толстого ср. наши статьи «Ачинскій округъ по сенаторской ревизіи 40-хъ годовъ XIX вѣка», Сибирскій Архивъ, 1915, № 2, 61 сл. и «Къ исторіи солепромышленности въ Минусинскомъ краѣ», Сибир. Арх., 1915, № 7-8-9, 311 сл.

безправіемъ управляемыхъ; неудивительно поэтому, если оставшаяся незатронутой причина зла по прежнему порождала неизбѣжно вытекающія изъ нея слѣдствія.

VII.

Крупная роль, которую играютъ работы Щапова, въ небогатой литературѣ по исторіи Сибири заставляетъ насъ коснуться допускаемой имъ идеализаціи Трескина.

Мы уже отмѣчали ложное освѣщеніе, данное Вагинымъ противникамъ Трескина изъ среды Иркутскаго купечества,—историкъ представлялъ ихъ мучениками за правду, борцами за справедливость. Но не въ меньшую ошибку,—только съ обратнымъ знакомъ,—впадаетъ и Щаповъ, симпатіи котораго лежатъ на сторонѣ Трескина. Правда, Щаповъ признаетъ: „если бы кто спросилъ, которая же партія, купеческая или чиновничья, была болѣе справедлива и болѣе, такъ сказать, прогрессивна для сибирскаго общества по самому существу своему,—то мы, не обинуясь, отвѣтили бы, что, по нашему мнѣнію, собственно обѣ партіи были несправедливы и вредны для нормальнаго общественнаго развитія, только въ неодинаковой степени и въ различныхъ отношеніяхъ“ [1]).

Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ нашего историка проявляется свойственная ему абстрактная идеологическая точка зрѣнія. Онъ пытается найти въ основѣ дѣятельности „купеческой олигархіи“ и „оппозиціи“ Трескину какую либо отвлеченную „идею“, и понятно, не находитъ ея. Щаповъ ставитъ въ вину Иркутской буржуазіи то, что она „вовсе не представляла какого либо истиннаго, разумно сознательнаго и справедливаго, честнаго гражданскаго стремленія къ общинному самоуправленію“, что она была „проникнута вовсе не идеей улучшенія быта низшихъ, бѣдныхъ рабочихъ классовъ общества, не идеей равенства и солидарности всѣхъ классовъ общества“ [2]).

Щаповъ упрекаетъ буржуазію за то, что она буржуазія,—за „развитіе эгоистически-пріобрѣтательныхъ буржуазныхъ наклонностей“ въ ея средѣ. Щаповъ не хочетъ понять, что „наклонности“ какого либо общественнаго слоя являются, выражаясь на математическомъ языкѣ, функціей его положенія въ

1] Ор. с., III, 668.
2] Ів., 668–9.

процессѣ производства. Щаповъ вполнѣ правъ, когда полемизируетъ съ Вагинымъ, превозносящимъ общинное самоуправленіе, какимъ будто бы особенно отличался Иркутскъ, представлявшій нѣкогда „маленькую республику“ своего рода. Можно только согласиться съ нашимъ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, «что никакое гражданское общество, основанное на капиталистической и семейно-родовой гегемоніи купечества, буржуазной олигархіи,—не можетъ имѣть ни правильной организаціи равноправнаго общиннаго самоуправленія, ни вообще истиннаго соціальнаго прогресса. Капиталистическое, буржуазное сословіе, хотя бы и просвѣщалось науками, все таки по самому существу своему не можетъ допустять общественности и экономическаго равновѣсія низшихъ рабочихъ и промышленныхъ сословій, составляющихъ источникъ ихъ обогащенія, предметъ ихъ эксплоатаціи, основаніе капиталистической общественной пирамиды“ [1]).

Подобная характеристика особенно приложима къ сибирской буржуазіи того времени, которая, дѣйствительно, не являлась носительницей прогрессивнаго начала. Вообще говоря, въ исторіи буржуазія играетъ въ высокой степени прогрессивную роль, развивая производительныя силы общества, разрушая архаическія общественныя отношенія и вызывая къ жизни новую общественную силу—строителя будущаго. Но эта историческая характеристика относится къ буржуазіи промышленной, насадительницѣ новыхъ формъ производства и связанныхъ съ ними соціальныхъ отношеній. Что же касается представителей торговаго и ростовщическаго капитала, то ихъ дѣятельность ограничивается высасываніемъ соковъ изъ самостоятельныхъ производителей, не затрагивая самого прогресса производства, не переводя его въ высшую форму. Поэтому роль торговой и ростовщической буржуазіи въ историческомъ процессѣ чисто отрицательная, она лишь разлагаетъ традиціонныя производственныя отношенія, не замѣняя ихъ новыми, высшими,—расточаетъ производительныя силы, не развивая ихъ [2]).

1] Ів., 670–671.

2] «Ростовщическій капиталъ въ той его формѣ, въ которой онъ дѣйствительно присваиваетъ себѣ весь прибавочный трудъ непосредственныхъ производителей, не измѣняя однако самого способа производства; въ которой существенной его предпосылкой является право собственности или владѣнія производителя на условія его труда и соотвѣтствующее этому мелкое раздробленное производство; въ которой капиталъ, слѣдовательно, не подчиняетъ себѣ трудъ непосредственно и потому не противостоитъ ему, какъ промышленный капиталъ,–такой ростовщическій капиталъ

Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Щаповъ былъ безусловно правъ въ своей характеристикѣ сибирской буржуазіи, она не насаждала въ краѣ новыхъ формъ производства, не поднимала народнаго хозяйства на высшую степень, а закабаляла немущую крестьянскую массу, которую превращала въ своего данника, и разоряла инородческое населеніе, массами вымиравшее отъ благъ «высшей» культуры.

Но Щаповъ дѣлаетъ ошибку въ противоположную сторону, идеализируя сибирское чиновничество и Трескина. Впрочемъ, нашъ историкъ признаетъ, что „чиновничья партія въ сибирскомъ обществѣ до Сперанскаго, да и послѣ него, была гораздо болѣе регрессивной, чѣмъ прогрессивной. Въ противоположность купеческой буржуазіи, она стремилась образовать и усилить въ Сибири буржуазію казенную, чиновничью, съ монополіей, равносильной купеческой, и вдобавокъ съ сильнѣйшимъ деспотизмомъ“ [1]).

Щапова смутило, однако, то обстоятельство, что часть мелкаго купечества давала объ управленіи Трескина одобрительные отзывы, съ которыми мы познакомились выше. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ скороспѣлый выводъ, что „большая часть мелкоторгующаго купечества, крестьянства и мѣщанства, повидимому, охотнѣе пристава къ деспотической чиновничьей партіи и монополіи, чѣмъ къ буржуазной, олигархической, купеческой партіи“ [2]).

На самомъ дѣлѣ, приводимые Щаповымъ благопріятные отзывы о Трескинѣ исходятъ изъ среды Иркутскаго купечества, а отнюдь не низшихъ классовъ, оставшихся безправными и безгласными. „Купцамъ, попавшимъ въ милость къ Трескину и его подвижникамъ, было не житье, а масленица, чѣмъ и объясняется нѣкоторое пристрастіе къ Трескину его современниковъ изъ купцовъ“,—пишетъ цитируемый Вагинымъ современникъ [3]).

Самъ Щаповъ приводитъ факты, свидѣтельствующіе о полномъ угнетеніи городской и деревенской бѣдноты. По его словамъ, «низшія сословія общества, мѣщане и крестьяне, до

приводитъ къ пауперизаціи даннаго способа производства, ослабляетъ производительныя силы вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и въ то же время увѣковѣчиваетъ эти злосчастныя отношенія, при которыхъ общественная производительность труда не развивается какъ въ капиталистическомъ производствѣ за счетъ самого труда». Марксъ, Капиталъ, томъ III, часть 2. Москва. 1908, 133.

1) Ів., 671.
2) Ів., 673.
3) Ор. с., I. 587.

того были запуганы, что вообще отличались „боязностью“, самоуничиженіемъ передъ начальствомъ, и не смѣли взглянуть на большого чиновника. «Люди мы были маленькіе, такъ что тутъ,—говоритъ одинъ мѣщанинъ, современникъ Трескина,—прежде вѣдь народъ былъ смирный, не пьяненній: нынче такъ все высмотритъ, да выглядитъ... А прежде народъ былъ поосторожнѣе, боязный народъ»... „Худое управленіе,—писалъ Сперанскій къ дочери,—сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ. Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ хотя нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ страха и дозволенія собираться“. [1])

Такимъ образомъ, хвалы Трескину со стороны части зажиточныхъ иркутянъ отнюдь не даютъ основанія для выводовъ Щапова.

Послѣдній находитъ, что для массы городского и сельскаго населенія Иркутской губерніи управленіе Трескина была какъ бы „меньшимъ зломъ“ по сравненію съ хозяйничаньемъ финансовой олигархіи. Самъ онъ склоняется къ такому взгляду и идеализируетъ прогрессивную якобы роль бюрократіи. Онъ пишетъ: „повидимому, и инсникъ народный, общественный чувствовалъ, что администрація, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи была все же лучше буржуазіи, что самый принципъ администраціи, чиновничьяго управленія, по существу своему, болѣе способенъ измѣнять и направлять дѣйствія чиновничества къ лучшему, болѣе способенъ, болѣе потенціаленъ хоть къ кое-какимъ общественнымъ реформамъ и улучшеніямъ, слѣдовательно, сравнительно, болѣе прогрессивенъ“[2]).

Нѣтъ нужды особенно настаивать на неправильности подобнаго взгляда. Щаповъ витаетъ въ данномъ случаѣ въ сферѣ абстракціи, онъ не даетъ конкретнаго анализа роли бюрократіи при данномъ общественно—политическомъ укладѣ; ему не ясно, что злоупотребленія властью вытекаютъ изъ самаго „принципа“ отрѣшенной отъ общества и подымающейся надъ нимъ власти; онъ выставляетъ свои pia desideria и не хочетъ замѣчать, что дѣятельность Трескина и его клики не имѣетъ ничего общаго съ развиваемымъ имъ идеаломъ. Щаповъ видитъ въ бюрократіи внѣклассовую силу, способную подняться надъ соціальными антагонизмами и

1) Щаповъ, III, 673.
2) Ib., 677.

внести примиреніе въ раздирающую общество борьбу классовыхъ интересовъ. „Сравнительно говоря, чиновничество болѣе или менѣе способно превращаться, подъ вліяніемъ научнаго и гуманнаго развитія, въ классъ честныхъ гражданскихъ дѣятелей, стремящихся къ справедливѣйшей соціально-экономической реформѣ, къ уничтоженію анти-соціальнаго антагонизма и борьбы богатства и бѣдности, а общественная гегемонія купечества, капиталистическаго сословія, даже при помощи науки, наибольшею частью, и даже всегда, способна и склонна только къ прогрессивному развитію буржуазіи и анти-соціальнаго контраста богатства и бѣдности, пролетаріата или пауперизма и плутократіи, капитала и труда, эксплуатаціи и честности, и пр. Чиновничество, хоть въ меньшинствѣ, достаточно проникнувшись высшими человѣческими идеями и чувствами—гуманности, честности и справедливости, можетъ глубоко, безпристрастно и честно сознать потребность соціально-экономической реформы, основанной на справедливости“[1]). Изложенныя здѣсь мысли Щапова неоднократно высказывались соціалъ-реформаторами, считавшими достаточнымъ подняться надъ соціальными антагонизмами въ собственномъ воображеніи, чтобы положить имъ конецъ и въ дѣйствительности. Напомнимъ хотя бы Лоренца Штейна. Въ своей книгѣ „Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи“(вышла въ 1850 г. вторымъ изданіемъ) онъ доказываетъ, что необходимымъ элементомъ государственнаго устройства является такая власть, которая стояла бы выше противоположности частныхъ, а въ томъ числѣ и классовыхъ интересовъ. Такое значеніе онъ приписывалъ, съ одной стороны, монархіи, съ другой—совокупности должностныхъ лицъ въ государствѣ[2]).

Утопическій характеръ подобной абстрактно-идеалистической концепціи бьетъ въ глаза. Сторонники ея упускаютъ изъ виду, что чиновничество является костью отъ кости и плотью отъ плоти класса, въ рукахъ котораго находится госу-

---

1) Ib., 677—8.

2) Мысль о внѣклассовомъ характерѣ государственной власти и ея органа бюрократіи пользуется правомъ гражданства въ нѣмецкой научной литературѣ. Напомнимъ хотя бы извѣстнаго историка древности Роберта Пельмана, который въ своемъ трудѣ Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus видитъ въ современномъ чиновничествѣ осуществленіе постулата Платона въ его идеальномъ «Государствѣ». Современная бюрократія, по мнѣнію нѣмецкаго профессора, соотвѣтствуетъ классу стражей (fulakes) въ построеніяхъ греческаго мыслителя...

дарственная власть. Поэтому всѣ толки о мнимой внѣклассовой" или „надклассовой" природѣ той или иной общественной группы грѣшатъ непониманіемъ ея матеріальнаго базиса, опредѣляющаго отправляемыя ею въ соціальной жизни функціи. Бюрократія является органомъ государственной власти, послѣдняя же не виситъ въ воздухѣ, а есть организація господства опредѣленнаго общественнаго класса, волю котораго и творитъ бюрократія. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ борьбой между имущей олигархіей и неимущими демократическими классами населенія. Бюрократія такъ же мало можетъ отрѣшиться отъ своей соціальной природы, какъ и любая другая общественная группа; если же она проводитъ въ томъ или другомъ случаѣ „соціально-экономическую реформу", то отнюдь не для воплощенія въ жизнь идеаловъ „справедливости", а въ интересахъ самого государственнаго строя, которому служитъ.

Въ частности, въ примѣненіи къ Трескину и его кликѣ, ясно, что они такъ же мало могли быть носителями прогрессивныхъ началъ, какъ и ихъ антагонисты изъ буржуазнаго лагеря. Сибирская дѣйствительность начала XIX вѣка не заключала еще въ себѣ элементовъ прогрессивнаго развитія: бюрократія и торгово-финансовая буржуазія одинаково разоряли край, не развивая его производительныхъ силъ, мало дифференцированная мѣщанская и крестьянская масса, не организованная и не выработавшая общественныхъ навыковъ, являлась лишь слабымъ противовѣсомъ двумъ группамъ хищниковъ, споривщихъ изъ за раздѣла добычи. Промышленный капитализмъ, въ лицѣ порождаемыхъ имъ въ жизни общественныхъ классовъ, самъ творитъ противодѣйствіе отъ бѣдствій, которыя онъ несетъ странѣ,—но часъ вторженія его въ сибирскую экономику еще не пробилъ. Сибирь, дѣйствительно, являла собой мерзость запустѣнія, и нигдѣ не было видно ни малѣйшаго просвѣта. Неправильной представляется намъ и другая параллель, проводимая Щаповымъ: по его мнѣнію, „борьба купечества и чиновничества въ сибирскомъ обществѣ, особенно рѣзко проявившаяся въ Иркутскѣ при Трескинѣ, напоминаетъ намъ отчасти бывшую нѣкогда въ древнемъ Великомъ Новгородѣ борьбу Торговой и Софійской сторонъ" [1]).

Между тѣмъ, содержаніемъ Новгородской исторіи была борьба низшихъ классовъ противъ высшихъ. Съ XIV

---

1) Op. c., III. 611.

вѣка, — пишетъ Ключевскій, — „Новгородское общество дѣлится... на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стояли лѣпшіе или вятшіе люди, какъ называетъ Новгородская лѣтопись мѣстную богатую знать, а въ другомъ люди меньшіе, т. е. черныо“[1]). Демократическій республиканскій характеръ государственнаго строя древняго Новгорода дѣлалъ только болѣе чувствительнымъ для неимущихъ классовъ политическое господство бояръ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. При политическомъ равноправіи имущественное неравенство чувствовалось особенно рѣзко, тѣмъ болѣе, что и мѣстное управленіе фактически находилось все время въ рукахъ немногихъ знатныхъ домовъ. Противорѣчіе между формальнымъ гражданскимъ и политическимъ равноправіемъ и фактической зависимостью массъ отъ имущаго меньшинства было движущей пружиной тѣхъ драматическихъ перипетій, которыми такъ богата исторія Великаго Новгорода: не разъ классовая борьба переходила въ открытую гражданскую войну, „усобныя рати,“ о которыхъ говоритъ древняя Новгородская лѣтопись. Тяжелая экономическая зависимость „черныхъ“ людей, ремесленниковъ, рабочихъ и мелкихъ торговцевъ отъ бояръ капиталистовъ являлась неисчерпаемымъ питомникомъ классового антагонизма въ древнемъ Новгородѣ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ борьбой между имущей олигархіей и неимущими демократическими классами населенія. Между тѣмъ, самъ Щаповъ въ своей статьѣ достаточно выяснилъ, что купеческая партія въ Иркутскѣ отличалась рѣзко выраженнымъ плутократическимъ характеромъ, и потому совершенно неправильной является проводимая имъ аналогія съ демократической Торговой стороной Новгорода. Обѣ антагонистическія партіи, боровшіяся другъ съ другомъ въ Иркутскѣ, были одинаково чужды массамъ, и представляемые ими интересы не имѣли ничего общаго съ нуждами демократическихъ слоевъ населенія. Демократія была ни при чемъ въ данномъ столкновеніи, бывшемъ „споромъ славянъ между собою“. Враждовавшія въ Иркутскѣ стороны боролись другъ съ другомъ какъ разъ за исключительное право на эксплоатацію массъ; послѣднія являлись пассивнымъ пьедесталомъ; борьба различныхъ группъ верховъ Иркутскаго общества разыгрывалась на фонѣ полной пассивности и инертности массы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. А. Ватинъ.

---

1) *Ключевскій.* Курсъ русской исторіи, ч. II, изд. 2-е, Москва, 1908.

ПѢСНЬ О ПЕРЕСЕЛЕНІИ НА АМУРЪ.

Пѣсни о переселеніи и жизни на Амурѣ, сложенныя во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ Восточной Сибири, подъ впечатлѣніемъ занятія и колонизаціи его, до сихъ поръ не собраны, мало-извѣстны и совершенно не изучены. Не считая случайныхъ указаній, встрѣчающихся изрѣдка въ различныхъ воспоминаніяхъ объ эпохѣ заселенія Амура, единственныя болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія находимъ мы только въ извѣстной статьѣ Максимова—„О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“ *). Въ рукахъ автора были какіе-то рукописные сборники пѣсенъ, присланные ему изъ архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и составленные частью въ Западной Сибири, частью, въ старожильческихъ поселеніяхъ Забайкальскихъ казаковъ. Въ послѣднихъ сборникахъ находились и интересующія насъ пѣсни.

По отзыву Максимова, Амурскія событія: занятіе Амура и принудительное заселеніе его „вызвали юмористическое отношеніе въ сибирякахъ“. „Неудачи сплавовъ по рѣкамъ, торопливыя распоряженія съ насиліемъ и, вообще, неумѣлые пріемы при переселеніяхъ и принудительное водвореніе казаковъ и крестьянъ на новыхъ земляхъ—породили даже цѣлую литературу. Отъ припѣвокъ вродѣ:

Какъ по Шилкѣ по паршивой
Плыветъ Поритовъ плѣшивый,—

добирались и до личныхъ характеристикъ. Въ раду же этихъ умѣло сложенныхъ сатирическихъ стихотвореній попадаются и чисто народныя пѣсни, создавшіяся въ казачьей средѣ и описывающія печальное положеніе этихъ невольныхъ выселенцевъ изъ Забайкалья на берега тогда неизвѣстнаго и негостепріимнаго Амура“.

Къ сожалѣнію, покойный этнографъ не нашелъ нужнымъ ознакомить читателей съ самимъ, бывшимъ въ его рас-

*) Живъ. Стар. 1898, в. I., стр. 75—79.

поряженія, матеріаломъ, и вся эта «Амурская литература» такъ и не увидѣла свѣта, а сборники, бывшіе у него „на просмотрѣ", гдѣ-то затерялись. *). Въ качествѣ примѣра, Максимовымъ приведенъ только одинъ отрывокъ пѣсни:

Какъ отъ Шилки по Амуру
Великія версты:
Ужъ какъ были эти версты—
Спухли у рукъ персты. И т. д.

Нѣкоторыя изъ этихъ Амурскихъ пѣсенъ, варіанты которыхъ находились, очевидно, въ видѣнныхъ Максимовымъ сборникахъ, намъ удалось найти и записать зимой 1914 года, въ селеніяхъ Амурскихъ казаковъ. Съ одной изъ нихъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанной ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ, намъ хотѣлось бы познакомить читателя. Мы останавливаемся на ней не ради ея художественныхъ достоинствъ,—съ этой стороны она уступаетъ всѣмъ прочимъ пѣснямъ этого рода,—но исключительно въ силу представляемаго ею глубокаго интереса, какъ цѣннаго историческаго документа, ярко характеризующаго картину Амурской колонизаціи.

Позволимъ себѣ напомнить въ общихъ чертахъ эту печальную картину. Заселеніе Амура, какъ извѣстно, было принудительнымъ и явилось тяжкимъ ударомъ для крестьянъ и казаковъ Забайкалья. Выборъ лицъ для переселенія производился жеребьевкой и тому, кто вытащилъ „жеребъ", нужно было покидать родныя насиженныя мѣста, бросить налаженное хозяйство и «плыть въ Амуръ», откуда уже доносились слухи о невзгодахъ и бѣдствіяхъ первой партіи переселенцевъ, ушедшихъ еще добровольно.

Но принудительное оставленіе родины было еще только самымъ небольшимъ бѣдствіемъ въ той цѣпи злоключеній, которыя начались съ этого момента для „колонизаторовъ новаго края". Сами руководители переселенія сознавались впослѣдствіи, что въ организаціи этого дѣла были „большіе недостатки"; свидѣтельства же со стороны и разсказы самихъ казаковъ-участниковъ переселенія говорятъ уже не о „маленькихъ недостаткахъ", но о сплошь невозможной организаціи дѣла.

Многое было не предусмотрѣно, многія разумныя распоряженія не выполнялись тѣми, кому это было поручено. Интересы и удобства переселяемыхъ были постоянно на самомъ заднемъ планѣ; и часто ради выполненія какого-либо нелѣпаго приказанія, вызваннаго исключительно незнаніемъ мѣста и непониманіемъ условій пути, приносились великія жерт-

*) Въ архивѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ настоящее время этихъ сборниковъ не оказалось.

вы. Такъ, напр., казаки были стѣснены въ количествѣ провіанта и скота, который имъ было разрѣшено взять съ собою; но и то немногое, что они взяли, очень скоро погибло въ пути. Большая часть скота погибла вслѣдствіе того, что начальство, торопясь скорѣе пріѣхать и тѣмъ угодить Муравьеву, не разрѣшало останавливаться для кормежки скота. Хлѣбъ же частью подмокъ, частью утонулъ при многочисленныхъ посадкахъ на мель. Погибли и другіе продовольственные запасы. Наконецъ, появился тифъ—и невольные путешественники гибли одинъ за другимъ.

Бѣдствія и тяготы пути усиливались суровостью и жестокостью ближайшаго начальства. Можно сказать, что все путешествіе было совершено подъ свистъ розогъ. Пороли за каждую бездѣлицу, не говоря уже о крупныхъ проступкахъ. Рѣдкая остановка обходилась безъ порки. Особенно же тяжело приходилось тѣмъ, чья баржа оказывалась на мели; за это «преступленіе» пощады не бывало, какъ будто всѣ переселенцы могли въ одинъ день сдѣлаться хорошими лоцманами и въ точности изучить фарватеръ невиданной ими до сихъ поръ и изобилующей мелями рѣки. *)

Съ концомъ пути не прекратились невзгоды переселенцевъ. На берегу ихъ ждали новыя, еще болѣе горшія. Мѣста для поселеній были выбраны людьми, не имѣющими никакого понятія ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни о потребностяхъ крестьянина-казака, ни о краѣ, организовать колонизацію котораго имъ было поручено. При выборѣ мѣстъ руководились только опредѣленнымъ разстояніемъ между будущими селеніями—и только.

Выбранныя мѣста оказались низки и болотисты, не здоровы. Болѣли и умирали дѣти, гибъ скотъ, заѣдаемый тучами комаровъ и мошекъ (по сибирскому выраженію—„гнуса“); земледѣліе было невозможно. Хлѣбъ вымокалъ и гнилъ или рождался, такъ называемый, „пьяный хлѣбъ“, а люди буквально голодали,

---

*) Позволимъ привести одинъ изъ записанныхъ нами разсказовъ о переселеніи. Онъ касается одного изъ руководителей сплавовъ, эсаула Пузино.

—Ну, чо же плыть то мы не умѣмъ. Впервой, а рѣка мелка. Ну, и сколь разъ на мель садились. А тутъ Пузиновъ етотъ. Бѣды! Почитай, день то цѣльной съ баржой промучится, покуль выташшишь. А сташшишь —тутъ бы здыхнуть (вздохнуть), да куда! Сичасъ, команда: «ломай лознякъ!» Ну, наломамъ сами же, насъ же и порютъ. И ужъ онъ пошпады не знатъ. Правой ли, виноватой,—мужикъ ась баба,—ему, братъ, все равно. Бабъ тяжелыхъ (т. е. беременныхъ) и тѣхъ хлесталъ Такъ-то пороть неспособно, такъ онъ придумалъ: животомъ въ хомутъ класть. Положитъ и порютъ.

питаясь различными суррогатами и травами. Наконецъ, рядъ наводненій, которыя пришлось перенести населенію въ первые годы жизни на Амурѣ, довершалъ остальное, заставляя мѣнять по нѣскольку разъ мѣста поселеній и сводя къ нулю всѣ результаты предыдущаго труда.

„Геройскія усилія нужны были для борьбы съ этой дикой природой, и нужно отдать справедливость казакамъ-забайкальцамъ, они вышли побѣдителями изъ этой борьбы“,—замѣчаетъ ак. Коржинскій. въ общемъ мало расположенный къ казакамъ. *)

Можно смѣло сказать, что выпавшую на ихъ долю колонизаціи новаго края они выполнили съ честью и славой. Вотъ, картина, нарисованная тѣмъ же вдумчивымъ и авторитетнымъ наблюдателемъ. „Со времени начала колонизаціи прошло 30 лѣтъ (писано въ началѣ 90-хъ годовъ) и многое, очень многое, измѣнилось. Благодаря упорному труду казаковъ, измѣнилась физіономія страны. Вслѣдствіе вырубки и расчистки лѣса и ежегодно пускаемыхъ казаками палов уничтожались скопленія отмершихъ стеблей сухихъ травъ, прикрывавшія почву и способствовавшія ея заболачиванію. Кочьи выгорали, почва обсыхала и становилась плотной. Измѣнился и характеръ травянистаго покроя; вмѣсто осокъ и высокорослыхъ злаковъ появилась низкорослая растительность широколистныхъ травъ. Почва съ каждымъ годомъ очищается отъ валежника, и освобождается мѣсто для травянистой растительности. Старыя деревья [дубы] не уничтожаются огнемъ сразу, но кора ихъ каждый годъ обгораетъ, они мало по малу сохнутъ, лѣсъ разрѣжается, и со временемъ тамъ, гдѣ мы еще теперь видимъ на равнинѣ дубовые лѣса, образуются свободныя пространства, поросшія мелкимъ дубнякомъ и орѣшникомъ и прямо годныя для пахоты. Значительно уменьшилось также количество комаровъ и оводовъ. Вся мѣстность сдѣлалась гораздо суше. Многія озера совсѣмъ высохли, пространства сократились и теперь во многихъ мѣстахъ находятся поля тамъ, гдѣ нѣкогда были топкія болота, черезъ которыя не могъ перебраться всадникъ“. **)

И несомнѣнно больше сдѣлали бы по пути культурнаго преуспѣянія края, если бы суровую борьбу съ природой не отягощало то же начальство.

Главное несчастіе казаковъ заключалось именно въ томъ, что они—казаки. Они не могли, подобно переселенцамъ-кресть-

---

*) Проф. Коржинскій. Отчетъ объ изслѣдованіяхъ Амурской области, какъ земледѣльческой колоніи. (Изв. В-С. О. И.Р. Г. О. 1892. №№ 4–5).

**) Проф. Коржинскій. (цит. соч.)

нямъ самостоятельно устраиваться на новыхъ мѣстахъ, но абсолютно во всѣхъ мелочахъ жизни были связаны воинской дисциплиной. Ихъ разселеніемъ, устройствомъ, порядкомъ завѣдывали сотенные командиры, на обязанности которыхъ было также и наблюденіе за нравственностью казаковъ.

А между тѣмъ, казачье начальство того времени само-то стояло на весьма невысокомъ нравственномъ уровнѣ. По большей части, это были лица, «убранныя» изъ полковъ Европейской Россіи и переведенныя на службу въ Восточную Сибирь. Они совершенно не знали и не понимали (и не хотѣли понимать) ни уклада казачьей жизни, ни потребностей сельскаго хозяйства, но во все вмѣшивались, отдавая самыя нелѣпыя приказанія и только тормозя работу. Самихъ казаковъ они всячески эксплуатировали для своихъ прихотей и совершенно не считались съ ихъ личными и общественными интересами. Столь же мало считались они и съ деньгами казаковъ и съ честью ихъ женъ и дочерей. И корыстолюбіе однихъ, развратныя наклонности другихъ, жестокость третьихъ, невѣжество и глупость четвертыхъ дѣлали жизнь казаковъ невыносимо тягостной. Р. Богдановъ, нарисовавшій яркую картину начальственнаго произвола, пишетъ въ концѣ воспоминаній: „все описывать крайне неприличио, да и вспоминать всѣ мерзости не хочется. Пусть все останется неизвѣстнымъ потомству, которое, по крайней мѣрѣ, не будетъ имѣть понятія о томъ, что переносили ихъ предки, виновные только въ томъ, что имѣли несчастіе попасть къ переселенію на Амуръ". *).

Вотъ эти-то неимовѣрно тягостныя условія, въ которыя были поставлены казаки и послужили тѣмъ фономъ, на которомъ возникли и сложились „Амурскія пѣсни". **)

*) Р. К. Богдановъ. Воспоминанія амурскаго казака о прошломъ, съ 1849 по 1880 годъ (Зап. Приам. Отд. И. Р. Г. О. т. V, в., III, 1900).

М. Венюковъ опредѣленно говоритъ о «неуспѣхѣ великаго Амурскаго дѣла» и первой причиной этого считаетъ отсутствіе денегъ; «другою же причиною, быть можетъ, еще болѣе важною, является»,—пишетъ онъ,—«страшный произволъ во всемъ казачьихъ начальствъ». (Рус. Стар. 1879, № 1). То же подтверждаетъ и Н. Пржевальскій («Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ»).

Рѣзкую характеристику казачьяго начальства даетъ и декабристъ Д. И. Завалишинъ. (Русск. Ст. 1881, № 9).

**) Конечно, мы не хотимъ сказать, что въ дѣлѣ колонизаціи Амура были однѣ только темныя стороны. Въ настоящее время является уже совершенно излишнимъ подымать вопросъ о великомъ государственномъ значеніи Амурской колонизаціи. Но бытовыя условія, въ которыхъ протекала она, были весьма печальны, и нѣтъ нужды отрицать или замалчивать эту сторону дѣла.

Центральное мѣсто среди нихъ занимаетъ длинная пѣснь о сплавѣ 55 года, походѣ въ де-Кастри и боѣ съ англичанами. Изъ цикла „Амурскихъ“ пѣсенъ она является самой популярной, до сихъ поръ хорошо помнится и часто поется (конечно, преимущественно лицами самаго старшаго поколѣнія) за работой, или просто «по пьяному дѣлу», на пирушкѣ и все еще сильно волнуетъ слушателей, хотя съ художественной стороны она представляется какъ разъ наименѣе интересной изъ этого цикла. Она не блещетъ художественной обработкой: въ ней нѣтъ ни богатства эпитетовъ народной пѣсни, ни ея образныхъ сравненій, ни традиціонныхъ стилистическихъ пріемовъ ея; нашу пѣсню скорѣе можно отнести, по внѣшнему облику, къ типу бѣдныхъ красками солдатскихъ пѣсенъ.

Какъ тѣ, она бѣдна и мелодіей и, подобно имъ, состоитъ изъ ряда раздѣленныхъ припѣвомъ двухстишій, сложенныхъ по извѣстному, представленному «Дубинушкой», образцу. Но уже не въ примѣръ имъ, она крайне любопытна и цѣнна своимъ историко-бытовымъ содержаніемъ. По своей обстоятельности, по обилію фактовъ и подробностей, она является своего образной казачьей эпопеей.

Казаки говорятъ, что она „про все дѣятельно (т. е. обстоятельно, подробно) обсказываетъ“. Дѣйствительно обстоятельность ея замѣчательна. По этой пѣснѣ можно прослѣдить весь путь, пройденный казаками отъ привольныхъ родныхъ мѣстъ до суровыхъ береговъ Камчатки. Она фиксируетъ почти всѣ факты „переселки“, начиная съ момента объявленія приказа о переселеніи и кончая прибытіемъ въ послѣдній пунктъ, не забывая иногда такихъ подробностей, какъ

Въ Молоду мы приходили,
Одну ночку пробыли;

она рисуетъ походные сборы, приготовленія, отмѣчаетъ важнѣйшіе пункты остановокъ: Баты, Шилка, Усть-Кара; потомъ „сошлись Шилка и Аргунь,

Тутъ пошла рѣка Амуръ“

плаванье по Амуру, первоначальныя частыя остановки на мелководьѣ, замедленіе у Айгуна, переговоры Муравьева съ китайцами,—все это тщательно отмѣчено и сохранено пѣсней.

Дальнѣйшій путь по широкой и привольной рѣкѣ, какимъ является Амуръ въ среднемъ и нижнемъ теченіи, не представлялъ особыхъ затрудненій, и по общимъ воспоминаніямъ стариковъ, обошелся безо всякихъ приключеній: не касается его и пѣсня, коротко только отмѣчая, что „какъ

Айгунъ-городъ проплыли,
Такъ и горюшко забыли“.

Но не надолго. Съ прибытіемъ въ Маріинскій пость вновь начались невзгоды казаковъ—и вновь начинается прерванная пѣсня; она разсказываетъ о перебрасываніи казаковъ съ мѣста на мѣсто, о прибытіи на суровый берегъ залива де-Кастри, о тяжелыхъ работахъ по прорубанію просѣкъ, о постройкѣ казармъ, недостаткѣ провизіи и доставкѣ ея американскимъ судномъ и, наконецъ, боемъ съ англичанами и отраженіемъ ихъ заканчивается пѣсня.

И все это обиліе фактовъ и подробностей изложено крайне скупо, сжато, почти протокольно. Событія рисуются безо всякихъ поэтическихъ прикрасъ, просто во временной послѣдовательности. Но въ этотъ сухой „протокольный“ разсказъ, изъ котораго встаетъ четкая историческая картина, внесено и много лирическихъ моментовъ. Наряду съ пережитымъ выписовывается и перечувствованное: „со мелей баржи сымали—свою участь проклинали“,—вспоминаетъ пѣсня. «Мы канавушки копали, да Амуръ проклинали» и т. д. И скорбныя жалобы, упреки, проклятія Амуру перемежаются въ то же время съ ироніей, съ выстраданной, но добродушной усмѣшкой надъ своими злоключеніями:

Намъ ученье ничего,
Между прочимъ—чижело.

О событіяхъ послѣдующихъ, о жизни уже на Амурѣ пѣсня не упоминаетъ—о нихъ поютъ другія пѣсни—но они сильно отразились на общемъ тонѣ и настроеніи ея, не даромъ же именно эту пѣсню казаки, въ отличіе отъ другихъ того же цикла, называютъ просто «Амурской». (Прочія пѣсни имѣютъ спеціальныя особыя названія.) Но она касается событій не одного только де-Кастрійскаго похода и сплава 55-го года, въ ней въ равной мѣрѣ отразились событія и перваго и послѣдующихъ сплавовъ, такъ что она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа *исторической пѣснью о переселеніи на Амуръ*.

Объ этой эпохѣ мы имѣемъ много различныхъ записокъ и воспоминаній (Богдановъ, Венюковъ, Даниловъ, Ефимовъ, Кукель, Назимовъ, Романовъ, Сгибневъ, Скобельцинъ, Струве, и др.). Но по большей части все это принадлежитъ лицамъ, или стоявшимъ во главѣ Амурскаго дѣла или близкимъ имъ, правда иногда и очень вдумчивымъ, какъ напримѣръ, Венюковъ, но все же стоявшимъ далеко отъ самой казачьей массы и совершенно чуждымъ ей. *)

*] Казакъ Богдановъ съ горечью замѣчаетъ объ умномъ и образованномъ Венюковѣ: «этотъ человѣкъ по своей гордости былъ недоступенъ нашему брату». [Цит. соч., стр. 35.].

Богдановъ и Скобельцинъ могли бы повѣдать много интереснаго, ибо они знали и видѣли то, что не могли знать и видѣть одни и не хотѣли другіе изъ тѣхъ, кто писалъ впослѣдствіи воспоминанія. Но Скобельцинъ не сумѣлъ этого сдѣлать, и его воспоминанія блѣдны и не интересны; Богдановъ же былъ слишкомъ близокъ Муравьеву, на многое смотрѣлъ его глазами, многое даже писалъ почти что подъ его диктовку. И о многомъ онъ сознательно умалчиваетъ, боясь оскорбить благоговѣйно имъ чтимую память Муравьева.

Голосъ казачьей массы доноситъ до насъ печатаемая ниже пѣсня; это голосъ самихъ выселенцевъ, голосъ тѣхъ, кому пало на долю быть культурными піонерами новаго края и для кого эта культурная миссія явилась тяжкимъ подвигомъ, обнаружившемъ громадное богатство физическихъ и духовныхъ силъ сибирскаго крестьянина.

---

1) Въ педесятъ пятымъ году [2])
Въ Забайкальскомъ во краю

---

1) Печатаемый текстъ пѣсни записанъ въ хуторѣ Кукелевскомъ, Амурской области, отъ Ивана Памфиловича Шестакова, семидесятипятилѣтняго старика, извѣстнаго по всей округѣ за замѣчательнаго пѣвца. Вмѣстѣ со своей старухой, особенно когда подопьютъ, они часами могутъ пѣть пѣсни, запасъ которыхъ у нихъ неистощимъ.

Старикъ, родомъ съ р. Унды, изъ Забайкалья, вынесъ на своихъ плечахъ и тяготы переселенія и походъ въ де-Кастри, и тяжелыя условія жизни первыхъ лѣтъ на Амурѣ; но несмотря на это, онъ до сихъ поръ сохранилъ удивительную бодрость духа и замѣчательное здоровье. Старшій сынъ его, съ которымъ живетъ Иванъ Памфиловичъ, тяжело боленъ и старику приходится до сихъ поръ одному нести на себѣ трудную для его лѣтъ крестьянскую работу.

Онъ удалой ямщикъ и по сію пору любитъ это дѣло. Ѣздитъ онъ готовъ, что называется, день и ночь, не зная усталости, и лихо распѣвая любимыя пѣсни.

Записанная съ его словъ, приводимая здѣсь пѣсня, печатается съ сохраненіемъ лишь самыхъ характерныхъ діалектическихъ особенностей.

2) Хотя пѣсня опредѣленно указываетъ годъ второго сплава, но, какъ уже отмѣчено выше, она отражаетъ событія, какъ перваго сплава, такъ и послѣдующихъ, сливая всѣ эти событія вмѣстѣ и объединяя ихъ подъ одной датой.

1-ый сплавъ былъ въ 1854 году и явился, по существу, экспедиціей. Сплавъ этотъ состоялъ изъ 50 плотовъ, на которыхъ находилось около 1000 казаковъ. Экспедиція вышла 14 мая и къ 15 іюня прибыла въ Маріинскій постъ (см. стр167). Часть изъ прибывшихъ казаковъ была отправлена въ Петропавловскъ, гдѣ имъ и пришлось вскорѣ столкнуться съ англичанами, часть же была оставлена для защиты де-Кастри.

Нападеніе англичанъ въ августѣ 1854 года на Петропавловскъ заставило торопиться съ увеличеніемъ силъ для подкрѣпленія портовъ у

Припѣвъ: Эхъ, и калина,
Да эхъ, и малина!
По бригадамъ шелъ приказъ—
Назначали въ Амуръ насъ.
Мы услышали походу,
Много шли въ Амуръ охотой [1]).
Въ батальоны формировали,
Въ Молоду насъ отправляли *).
Въ Молоду мы приходили,
Одну ночку пробыли.
Съ Молодой насъ отправляли,
Намъ подводъ то не давали,
Намъ подводъ то не дали,
Насъ пѣхотой повели.
Вотъ походы—хлопоты—
Отправляли насъ въ Баты *).
Во Батахъ мы проживались,
Все ученьемъ занимались.

устья Амура, и весною 1855 года былъ отправленъ второй сплавъ, состоявшій изъ 120 (плотовъ). Этимъ же сплавомъ ѣхали и первые переселенцы крестьяне, Иркутскіе и Забайкальскіе. Слѣдующіе сплавы были въ 1857 и 1858 годахъ, а въ 1859 г. переселенцевъ-казаковъ и крестьянъ, отправляли на Уссури.

1) «Много шли въ Амуръ охотой»—для заселенія новыхъ мѣстъ первоначально вызывались добровольцы. Переселяющимся было обѣщано много различныхъ льготъ и денежное пособіе; поселить ихъ обѣщали въ мѣстахъ, сравнительно близкихъ, приблизительно около Албазина, Кумары,—словомъ, въ хорошо извѣстныхъ Забайкальскимъ звѣроловамъ и давно привлекавшихъ ихъ. Желающихъ ѣхать оказалось такъ много, что всѣхъ даже не взяли, только четвертую часть. Среди добровольцевъ было очень много лицъ состоятельныхъ, отправлявшихся съ большими запасами продовольствія и хлѣба, со скотомъ и птицей. Но разрѣшено было взять съ собою только незначительное количество того, что заготовили было переселенцы-добровольцы. Остальное пришлось продавать за безцѣнокъ, или просто такъ бросать. Такимъ образомъ, многіе оказались разоренными еще до отправки. Тяжелыя условія пути довершили остальное. Наконецъ, вмѣсто близкихъ мѣстъ, ихъ отправили къ устью Амура.

Въ одномъ изъ варіантовъ отмѣченъ и этотъ фактъ:

Много шли туда охотой:
Недалекъ, молъ, походъ намъ.

Конечно, къ слѣдующему сплаву уже не нашлось ни одного желающаго ѣхать добровольно; пришлось прибѣгнуть къ жеребьевкѣ. Сохранились пѣсни, гдѣ упоминается, какъ

Погубила насъ судьба-матушка,
Судьба,-матушка, жребій-батюшко.

*) Молода, Баты, Усть-Кара—селенья по Шилкѣ. «Мы во Шилкѣ проживали»... Здѣсь подразумѣвается Шилкинскій заводъ, расположенный

Намъ ученье ничего,
Между прочимъ—чижело.
Вотъ кончали смотръ—ученье,
Пошли въ Шилку на мученье.
Мы во Шилкѣ проживали, *)
Себѣ баржи исправляли,
Себѣ баржи исправляли,—
Въ Усть-Кару насъ отправляли *).
Въ Усть-Карѣ мы проживали,
Себѣ баржи нагружали;
Вотъ и баржи нагрузили,
Внизъ по Шилкѣ отвалили.
Сошлась Шилка и Аргунь—
Тутъ пошла рѣка Амуръ.
Мы Амуромъ проплывали,
Много горе попримали:
Мы и плыли ночь и день,
Часто садились на мель; 1)
Со мелей баржи сымали,
Свою участь проклинали,
Свою участь проклинали,
Въ Айгунъ городъ подплывали, 2)

недалеко отъ сліянія Шилки и Аргуни. Тамъ были сосредоточены работы по организаціи сплавовъ: постройка баркасовъ, лодокъ и т. п. Къ этимъ работамъ было привлечено почти все мѣстное населеніе, жившее по Шилкѣ, Ингодѣ и Онону.

1) Частыя посадки на мель были самымъ серьезнымъ неудобствомъ въ пути. Вслѣдствіе дурной организаціи сплавовъ и недостатка техническаго надзора при постройкѣ баржъ, онѣ строились зимою изъ сырого лѣсу и, конечно, весной разсыхались. Несвоевременная доставка провіанта обычно задерживала отправку,—удобное время пропускалось и плыть приходилось по рѣкѣ, уже значительно обмелѣвшей. Шилка быстро мелѣетъ и изобилуетъ подводными камнями, а Амуръ представлялъ то неудобство, что во время разлива затопляетъ массу мелкихъ, покрытыхъ кустарниками, острововъ, которые могутъ всегда служить причиной серьезныхъ аварій для судовъ. Фарватеръ рѣки и судоходныя условія были неизвѣстны въ то время ни переселенцамъ, ни начальству, что не мѣшало послѣднему строго взыскивать съ несчастныхъ путешественниковъ.

2) Айгунъ (иначе Сахалянъ-Уляхотонъ)—Манжурскій городъ, резиденція китайскихъ властей на Амурѣ.

Чтобы миновать Айгунъ и имѣть возможность плыть дальше безъ какихъ либо осложненій, нужно было получить разрѣшеніе отъ коменданта [губернатора] города. Послѣдній не имѣлъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ отъ своего правительства, но и задержать вооруженныхъ русскихъ не рѣшился,—и экспедиція благополучно миновала Айгунъ.

Воспоминанія участниковъ единогласно отмѣчаютъ, что, по мѣрѣ

Въ Айгунъ городъ подплывали,
Много страху принимали [1]).
Айгунъ городъ мы проплыли,
Все и горюшко забыли.
Мы все горе забывали,
Да во Кизу приплывали [2]).
Бузиновъ [3]) отдалъ приказъ:—
Отправить въ Маринискъ насъ [4]).
Мы въ Маринискѣ проживали
И казармы снаряжали;

приближенія къ Айгуну, настроеніе у всѣхъ было тревожное. Предполагалась даже возможность вооруженнаго столкновенія съ китайцами. Пѣсня отразила это чувство жуткаго ожиданія:

Въ Айгунѣ городъ приплывали.
Много страху принимали.

Варіантъ, въ которомъ упоминается, какъ «Муравьевъ откупался

Мелкимъ серебромъ бросался,»—

тоже имѣетъ подъ собою реальный фактъ. Онъ относится къ плаванію уже 1857 года.

Когда баркасы подошли къ Айгуну и Муравьевъ вновь началъ вести переговоры съ мѣстными китайскими властями о свободномъ пропускѣ по Амуру, на Айгунскомъ берегу, тѣмъ временемъ, собрались толпы китайцевъ, глазѣвшихъ на русскихъ. Муравьевъ, желая привлечь китайцевъ и оставить добрую память среди населенія, приказалъ бросать въ толпу мелкія деньги. Это же повторилось и на другой день. Впослѣдствіи это было истолковано, какъ откупъ за право свободнаго проѣзда.

1) По одному изъ варіантовъ,

Муравьевъ тутъ откупался,
Мелкимъ серебромъ бросался.

Другіе варіанты носятъ уже слѣды обычнаго для каждой исторической пѣсни забвенія фактовъ, искаженія ихъ и внесенія легендарно-героическихъ чертъ. Такъ, по варіанту, записанному въ хут. Степановскомъ:

Муравьева дожидали
И трахтату получали;
Мы трахтату получали;
Айгунъ-городъ то мы взяли.

По варіанту этого пѣвца, бой съ англичанами продолжается страшно долго, и кончается онъ тѣмъ, что

Англичанскій адмиралъ
Самъ на берегъ выѣзжалъ,
Съ нами миръ онъ заключалъ.

2) Озеро Кази, находящееся въ низовьяхъ Амура, съ которымъ оно соединяется протокой.

3) Пузино. Мѣна «б» и «т» — частое явленіе въ говорѣ Амурскихъ казаковъ.

4) Маріинскій постъ, въ 200 верстахъ отъ устья Амура, основанный Г. И. Невельскимъ въ 1853 году.

Муравьевъ отдалъ приказъ—
Повели въ Декастру насъ [1]).
Мы въ Декастру приходили,
На изморье выходили,
На изморе выходили,
Бѣлы руки опустили:
„Это што за издивленье,
Только лѣсъ, однѣ корепья".
Намъ и нечего смѣкать,
Мы просѣки просѣкать [2]).
А морозы подошли,
Мы въ казармы перешли [3]).
Мы въ казармы перешли,
Мирикапцы къ намъ пришли [4]).
Мирикапца дожидали,
Англичана дожидали.
Казаки наши въ расходѣ,
Пловутъ моремъ пароходы [5]).

---

1) Заливъ де-Кастри, и постъ того же имени. Назначеніе его, какъ ближайшаго рейда съ юга къ Амурскому лиману, впервые указалъ Невельской.

2) Изъ стратегическихъ соображеній было важно соединить де-Кастрійскій постъ съ Маріинскимъ. Такое соединеніе, во-первыхъ, обезпечивало подвозъ провизіи; во-вторыхъ, давало возможность поддержать здѣшній постъ отрядомъ изъ Маріинска (какъ и случилось позже) и, наконецъ, въ случаѣ пораженія, позволяло отступить внутрь страны.

Но пространство между де-Кастри и Маріинскомъ было занято непроходимымъ, дѣвственнымъ лѣсомъ, чрезъ который и пришлось прорубать упоминаемыя въ пѣснѣ просѣки. Работа эта была крайне тяжела и тягостна. Къ ея трудностямъ прибавились мученія отъ «цинуса»; затѣмъ оказался полнѣйшій недостатокъ провизіи, и люди, работающіе въ тайгѣ, «буквально стали пухнуть отъ голода,» по выраженію одного изъ участниковъ этихъ работъ. Къ тому же, мѣсто было сырое и болотистое. Появилась дезинтерія, злокачественная лихорадка и другія болѣзни.

3) Кромѣ работъ по прорубанію просѣкъ, казакамъ пришлось сооружать тамъ казармы, въ которыя они и перешли съ наступленіемъ холодовъ, какъ точно указываетъ пѣсня.

4) «Мирикапцы къ намъ пришли»... Провизія доставлялась портомъ или судами россійско-американской компаніи или американскими торговыми судами. Пѣсня имѣетъ въ виду, очевидно, судно Bering, снабдившее де-Кастрійцевъ провизіей, не задолго до прихода англичанъ.

Чувство радости, вызванное прибытіемъ долго жданной провизіи, отразилось въ одномъ изъ варіантовъ.

Мирикапецъ, нашъ дружокъ,
Намъ провизію привезъ.

5) «Казаки наши въ расходѣ»... Все лѣто 1855 г. поджидали прихода англичанъ но, съ наступленіемъ холодовъ, уже никто не думалъ о

Отъ синя моря бѣжитъ,
Громкимъ голосомъ кричитъ...
Чесовые услыхали,
Бузинову вѣсть подали.
Бузиновъ распорядился,
Во казармы самъ бросился,
Во казармы прибѣжалъ,
Бить трелогу заставлялъ.
Мы трелогу услыхали,
Всѣ работы побросали;
Всѣ работы побросали,
Во казармы прибѣжали;
Во казармы прибѣжали,
Пантраши, ружья хватали;
Пантраши, ружья хватали,
По зводамъ насъ становили;
Рошшитали насъ зводами,
Пошли къ морю просѣками.
Прошли къ морю просѣками,
Залегали за кустами;
Мы за кустикомъ лежимъ,
Промежъ собой говоримъ:
„Ну, ребятушки, потише,
Подождемъ его поближе;
Ну, ребята, не бояться,
Агличанамъ не податься“
Ружья пушки загремѣли,
Агличаны заревѣли.
Мы въ охотку попалили,
Назать въ казармы отвалили;
Назать въ казармы воротились
На нарахъ то мы садились;
На пары то всѣ мы сѣли,
Съ горя пѣсенку запѣли.

Въ Амурскихъ станицахъ сохранилось и имя автора этой пѣсни. По преданію, ее сложилъ казакъ Алексѣй Бара-

---

войнѣ и часть казаковъ была переведена въ Маріинскъ. Въ де-Кастри же осталась артиллерія и рота казаковъ подъ начальствомъ есаула Пузино,—но 3 октября неожиданно появились англійскія суда. Попытки англичанъ высадить дессантъ были отражены; бомбардировка, продолжавшаяся около недѣли, также не причинила большого вреда. Поврежденными оказались только магазины.

17 Октября англичане совершенно покинули де-Кастри.

новъ, получившій даже за это награду отъ командира въ двадцать пять рублей.

Но преданіе это не вполнѣ точно. Какъ удалось выяснить изъ подробныхъ разспросовъ стариковъ, Барановъ, сложилъ не всю пѣсню, но только часть ея. Именно, ему принадлежитъ пѣснь о боѣ съ англичанами. Она то и была, видимо, ядромъ пѣсни, остальное же присоединилось позднѣе и не имѣло опредѣленнаго автора.

Пѣснь о боѣ съ англичанами, дѣйствительно, была пропѣта Барановымъ, въ присутствіи командира, одобрена послѣднимъ и была введена въ кругъ казачьихъ строевыхъ пѣсенъ, и пѣлась въ учебныхъ заведеніяхъ наравнѣ съ прочими солдатскими пѣснями.

Это обстоятельство сильно отразилось на ея характерѣ. Солдатскія строевыя пѣсни, какъ извѣстно, весьма однообразны, шаблонны и искусственны. По большей части, это наборъ словъ, приложенныхъ ко всякому лицу и факту. Пѣсни эти, составляемыя обычно военными писарями, очень цѣнятся тѣмъ не менѣе военнымъ начальствомъ, печатаются въ особыхъ пѣсенникахъ и разносится по всей Россіи. Въ полкахъ, „когда ставятъ на пѣсни“, заставляютъ ихъ разучивать. Заставляли заучивать подобныя пѣсни и Амурскихъ казаковъ. И, напр., извѣстная пѣсня „грянетъ слава трубой, мы дрались, турокъ, съ тобой,“ пѣлась ими въ такомъ видѣ:

Вспомнимъ, братцы, какъ стояли
Мы въ де-Кастри на постахъ.
Янки насъ аттаковали
Да остались въ дуракахъ.

Припѣвъ:

Грянетъ слава трубой,
Мы дрались, янки, съ тобой.
По горамъ твоимъ заморскимъ
Прогремитъ слава объ насъ.

Подъ вліяніемъ сосѣдства такихъ пѣсенъ и пѣснь о боѣ въ де-Кастри превратилась въ одну изъ типичныхъ солдатскихъ пѣсенъ съ обычной фразеологіей послѣднихъ („для россійскаго солдата пули, бомбы—ничего“), съ величаніемъ командира („передъ взводомъ ты—отецъ, командиръ (имя рекъ) нашъ молодецъ“) и т. п. Характерно, что величаніе и прославленіе командира коснулось на этотъ разъ лица, оставившаго по себѣ самую мрачную память среди населенія и чье имя произносится и посейчасъ съ ненавистью и злобой, и окутано мрачными легендами.

Рѣзкій примѣръ подобной казарменной обработки представляетъ варіантъ, записанный въ Екатерино-Никольской станицѣ. Приводимъ только вторую половину записи, такъ какъ первая часть незначительно отличается отъ варіанта Шестакова *).

Чесовые услыхали,
Пузинову вѣсть подали.
Пузиновъ нашъ разбросился,
Самъ въ казармы прибѣжалъ,
Самъ въ казармы прибѣжалъ,
Бить трелогу заставлялъ...
Мы трелогу услыхали,
Всѣ работы побрасали,
Во казармы прибѣжали,
Пантраши, ружья хватали.
На улицу выбѣгали,
По зводамъ рядомъ стояли;
Передъ зводомъ то отецъ,
Пузиновъ нашъ молодецъ:
„Благословляю васъ, ребята,
Мы подемъ на поле брака“ **).
Рошпиталъ онъ зводами
И просѣкой отправлялъ.
Мы за кустикомъ лежимъ,
Промежъ собой говоримъ:
„Ну, ребята, не болтай,
Англичанамъ не здавай“.
Ядра, бонбы землю рвутъ,
Насъ и страсти не берутъ;

*) Записано отъ Григорія Виссаріоновича Кибирева. Этотъ пѣвецъ также заслуживаетъ вниманія. Почти ровесникъ Шестакову, онъ выглядитъ чуть ли не вдвое его моложе. Во всякомъ случаѣ, по внѣшнему виду, ему нельзя дать болѣе 45 лѣтъ. Онъ сохранилъ не только всѣ зубы и волосы, но и молодую удаль, и его нерѣдко можно встрѣтить въ кругу дѣвушекъ лихо отплясывающимъ какой-нибудь казачій танецъ: «бычка» или «голубца».

На службѣ онъ былъ «пѣсельникомъ и запѣвалой». Неоднократно приходилось ему «заводить» передъ начальствомъ и пѣснь о боѣ въ де—Кастри. И она у него носитъ ярко выраженный казарменный оттѣнокъ.

**) По другому варіанту:

Мы подемъ на поле брата.

Вѣроятно, здѣсь искаженное, непонятое «поле брани», попавшее также изъ чуждыхъ солдатскихъ пѣсенъ.

Летятъ ядра и картечи—
Мы всегда подемъ навстрѣчу;
Пушки, ружья загремѣли,
Наши кровью закипѣли.
Англичане заревѣли,
Ромно дики, какъ бараны.
Мы немного попалили,
И въ казармы отвалили;
На кроватки свои сѣли,
Съ горя пѣсенки запѣли.

Маркъ Азадовскій.

Духовенство и паства.

Его высокоблагородію г. Минусинскаго земскаго суда исправнику деревни Богурдацкой отъ крестьянъ всепокорнѣйше прошеніе.

Осмѣливаемся прибѣгнуть къ стопамъ покровительства вашего высокоблагородія въ томъ, что сдѣлали мы общее обѣщаніе всей деревни крестьяне выстроить для богослуженія крестъ, во имя животворящей троицы, потому, что способствуетъ болѣзнь у насъ въ деревнѣ съ 1854 года, на что мы просили приходскаго священника села Курагинскаго отца Іоанна Никольскаго и его высокоблагословенія отца благочиннаго Георгія Бенедиктова, которые уже намъ на просьбы наши удовлетворенія никакого не сдѣлали, на что осмѣлились прибѣгнуть подъ покровительство вашего высокоблагородія, просить милостиваго разрѣшенія какъ креста, равно и кладбища для погребенія усопшихъ. 1856 г. мѣсяца іюня 3 дня, въ чемъ и подписуемся крестьяне деревни Богурдацкой.

Какъ видимъ, крестьяне обращаются къ администраціи за удовлетвореніемъ своихъ религіозныхъ потребностей, въ чемъ имъ отказываетъ духовенство.

(Изъ архива Минусинскаго Спасскаго Собора).

В. В-нъ.

По Тункинскому краю.

(Путевыя впечатлѣнія и замѣтки отъ поѣздки въ іюль 1914 г.).

Тункинскій край—любопытный край для путешествій. Отъ Култука до Монгольской границы свыше 200 верстъ. Сколько красотъ открываетъ по этому тракту, сколько интереснаго матеріала по этнографіи! Широкая публика знакомится съ этимъ уголкомъ въ поѣздки на Аршанъ, занимающій центральное мѣсто края. Иркутяне довольно исправно посѣщаютъ этотъ курортъ. Трудно сказать, что больше ихъ притягиваетъ: минеральные ли источники, или красота мѣстности. На Аршанѣ, какъ въ фокусѣ, сконцентрированы всѣ типичныя черты сибирской природы. Рѣдкій изъ Аршанскихъ дачниковъ откажется отъ поѣздки въ Ниловую пустыню съ заѣздомъ въ Кыренскій дацанъ на буддійское религіозное празднество «майдара». Много интереснаго найдетъ здѣсь путешественникъ, но, при случаѣ, много и переживетъ здѣсь непріятныхъ минутъ.

Мы выѣхали съ Аршана 12 числа вечеромъ съ тѣмъ, чтобы почевать въ Тункѣ, а назавтра, не спѣша, двинуться по гладкой трактовой дорогѣ дальше и къ вечеру прибыть въ Кыренъ, отстоящій отъ Тунки въ 32 верстахъ. Солнце стояло еще высоко, когда наша повозка, запряженная тройкой хмурыхъ крестьянскихъ лошадей, выбитыхъ полевыми работами, двинулась въ путь. До Тунки дорога лежала березовымъ лѣскомъ на протяженіи 5-6 вер., а потомъ Тункинской долиной степью среди разбросанныхъ улусовъ, среди степного простора, подъ безоблачнымъ небомъ. Глазъ вперялся вдаль и силился „объять необъятное“. По дорогѣ встрѣчались буряты: пѣшіе и конные—верховые и на двухколёсныхъ телѣгахъ-арбахъ. Пестрота костюмовъ, монотонный напѣвъ незатѣйливой по содержанію и композиціи пѣсенки оглашалъ степь то тамъ, то здѣсь. Попадались и бурятскія дѣтишки: нагія, грязныя, вприпрыжку перебѣгаютъ изъ одной юрты въ другую, искоса посмѣтривая на насъ и тотчасъ исчезая изъ глазъ гдѣ нибудь на черномъ фонѣ вспаханной земли.

Переночевали въ Тункѣ.

13 числа, наканунѣ „майдара“, Тунка неузнаваема. Съ ранняго утра главная улица запружена верховыми бурятами. Воздухъ оглашается говоромъ, ржаніемъ коней... Сегодня буряты въ праздничномъ настроеніи и въ праздничныхъ нарядахъ. Всѣ верхами: мужчины, женщины, дѣти. Красные и синіе кафтаны мужчинъ пестрятъ повсюду. Женщины щеголяютъ бусами, „фамильнымъ“ серебромъ, украшающимъ въ изобиліи руки, уши, волосы. Сбруя у лошадей то же блеститъ. Низкорослыя, мускулистыя лошаденки съ низко опущенными хвостами и коротко остриженными гривами весело несутся по дорогѣ, побрякивая бубенчиками. Дорога намъ лежала теперь среди открытой степи, по обѣимъ сторонамъ, которой отроги Саянъ, окаймляя Тункинскую долину, незамѣтно для проѣзжающаго скрещивались и переходили въ высокое плоскогорье, являющееся преддверіемъ Монголіи.

Въ Тункѣ столкнулись всѣ Аршанскіе дачники и потянулись обозомъ, поднимая клубы песчаной пыли. Въ 9 верстахъ за Тункой переправа черезъ Иркутъ. Ширина его не болѣе ½ версты, но теченіе весьма быстрое. Вода въ Иркутѣ на высокомъ уровнѣ, а желтый цвѣтъ ея краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о происходящихъ въ верховьѣ дождяхъ. По поверхности несло бѣлую, какъ снѣгъ, пѣну, вѣтви деревьевъ и лѣсины, выхваченныя теченіемъ отъ размываемаго берега. Для переправы паромъ на металлическомъ канатѣ; паромъ изъ 26 деревянныхъ лодокъ средней величины. Обслуживаютъ его буряты въ количествѣ 2-3 человѣкъ и, разумѣется, не безъ робости и страха ввѣрили мы этой „утлой ладьѣ“ среди бушующей стихіи свою жизнь... Тотъ и другой берегъ запруженъ народомъ. Говорили, что нѣкоторые буряты ждутъ переправы съ вечера и что перевезли за послѣдніе 2 дня не менѣе 3 тысячъ человѣкъ. На перевозѣ крикъ, ругань. Каждому хочется поскорѣе и отъ этого увеличивается шумъ и затрудняется перевозка. Присутствуютъ тутъ и мѣстные власти. Два—три бурята съ мѣдными бляхами на груди внушаютъ уваженіе къ своей особѣ рѣзкими покрикиваніями на сородичей и угрозами кулаковъ.

За переправой дорога лежала среди улыбающагося кустарника. Пыли не было, и дышалось легче. Глазу было на чемъ остановиться: съ лѣвой стороны горная зеленѣющая гряда приближалась къ тракту. Свободно можно было различить въ бинокль сосну, густой шапкой покрывающей вершину. Зато гольцы еще дальше отодвинулись и при склоняющемся къ западу солнцѣ искрились остатками упѣлѣвшаго

снѣга. Скоро лѣсокъ сталъ опять отдаляться отъ дороги, и мы выѣхали въ степь Харибятскаго инородческаго вѣдомства. Опять юрты, городьба. Движенія и жизни никакой, все словно вымерло. Изрѣдка можно было видѣть въ зеленомъ углу степи одиноко бродившихъ коровъ и лошадей. Подъѣзжаемъ къ административному центру вѣдомства—инородной управѣ. Высокое, новое деревянное зданіе съ большими окнами и высокимъ парадным крыльцомъ. Напротивъ—министерская школа, тоже высокій просторный домъ. Окна и двери заколочены. У самой управы трактъ пересѣкаетъ рѣчушка $2^1/_2$—2 сажени шириной съ мутной водой. Странное явленіе: при приближеніи къ ней ямщики начинаютъ проявлять безпокойство и переговариваться между собой: „больша вода“?—доносилось до насъ. Оказывается, на самомъ тракту яма и переѣздъ безъ опасности, или даже безъ непріятности зависитъ всецѣло отъ уровня воды. На этотъ разъ пришлось ограничиться лишь выемкой багажа со дна повозки, такъ какъ вода поднялась выше дна кузова повозки. Въ „большую“ воду бываетъ далеко хуже. Любопытно, три года тому назадъ здѣсь же пришлось наблюдать и переживать то же самое. А вѣдь этотъ тракъ—единственная дорога для сообщенія съ Монголіей! Десятки тысячъ головъ скота прогоняются ежегодно. Ѣздитъ начальство большое и маленькое....

Въ 7—8 верстахъ опять рѣка Харибять съ шумомъ мчитъ свои воды и на солнцѣ серебрится словно рыба своей чешуей. Переправа въ бродъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ рѣки повозка съ грохотомъ вкатывается на мостъ, новый, свайный. Но мостъ буквально на сухомъ мѣстѣ. Ямщикъ поясняетъ, что мостъ этотъ поставленъ года два тому назадъ, послѣ многолѣтнихъ хлопотъ, и стоилъ обществу нѣсколько тысячъ рублей, но въ тотъ же годъ капризы рѣки измѣнили русло, и мостъ остался ни при чемъ. „Анжинеръ строилъ, изъ города пріѣзжалъ, оттого ничего не вышло“,—убѣжденно закончилъ ямщикъ.

Скоро показался сосновый боръ. Подъѣзжаемъ къ Кырену. Боръ—заповѣдная священная роща при дацанѣ. Стройныя вѣковыя сосны красиво тянулись въ высь. Лѣсъ чистый, нетронутый топоромъ. Скоро заблестѣли золотыя макушки главнаго дацана и показались крыши другихъ строеній, тянувшихся по одну сторону дацана. Юрть вблизи не видно. По мѣрѣ приближенія, можно было различить рубленыя избы, въ количествѣ 3—4 десятковъ, разбросанныя съ претензіей на

планировку по улицамъ. Дацанъ съ надворными постройками окруженъ высокимъ гладкимъ заборомъ.

Улицы кишмя—кишѣли народомъ. Для человѣка, въ первый разъ попавшаго сюда, необычайное зрѣлище. Пестрая нарядная толпа, масса коней, кругомъ непонятный говоръ. Царитъ оживленіе. На звонъ колокольчиковъ выскакиваютъ изъ воротъ и изъ за угловъ дома „ламаны", прислужники дацана, въ ярко—желтыхъ кафтанахъ и на перерывъ тянутъ къ себѣ. Съ трудомъ понимаешь ломаный русскій языкъ, но внутреннимъ чутьемъ читаешь на загорѣлыхъ лицахъ привѣтливость и гостепріимство. Мы спросили ламу Дандарова и, по указанію мальчугана, лѣтъ 15—16, съ выразительными глазами, одѣтаго тоже въ желтый кафтанъ, въѣхали во дворъ, смежный съ дацаномъ. Дворъ поразилъ внѣшней чистотой и порядками. Направо большой деревянный домъ, налѣво веселенькій небольшой домикъ, а рядомъ съ нимъ, за палисадникомъ, два ряда кудрявыхъ яблонь, разсаженныхъ, видимо, любящей красоту и симметрію рукой. Со всѣхъ сторонъ двора сбѣгаются буряты и проворно уносятъ вещи въ большой домъ. Входимъ и мы. Просторная изба съ русской печью, чисто выбѣленной, по срединѣ. У стѣнъ простые диваны, на полу ковры самодѣльной работы изъ конскаго волоса. По срединѣ комнаты столъ, покрытый бѣлой и чистой скатертью, аккуратно вычищенный кипящій самоваръ и чайная посуда. Поражаетъ чистота, царящая кругомъ и видимая въ мелочахъ. Буряты предлагаютъ чай съ печеньемъ и предупреждаютъ, что печенье изготовлено нарочито приглашенной изъ Шимковъ русской стряпухой. Послѣ короткаго чаепитія спѣшимъ въ дацанъ, гдѣ уже 10 день, съ перерывами на ночь, идетъ богослуженіе. Входимъ въ просторный чистый дворъ, по срединѣ котораго стоитъ главный храмъ, въ видѣ 4 угольнаго дома съ большимъ числомъ оконъ, а по угламъ двора, соотвѣтственно сторонамъ горизонта, часовни.

Дацанъ является разсадникомъ ламаизма, называемаго иначе сѣвернымъ буддизмомъ. Въ собственномъ смыслѣ дацанъ—монастырь, убѣжище для отшельниковъ. Кыренскій дацанъ основанъ въ 1818 г. По ревизіи, произведенной въ 1832 г., въ Забайкальѣ и Иркутской губерніи оказалось 34 дацана, 150 малыхъ часовенъ и 4000 ламъ. Вслѣдствіе такихъ неожиданныхъ результатовъ ревизіи, русскимъ правительствомъ издано слѣдующее повелѣніе: „какъ нѣкоторые дацаны строились, такъ и число ламъ умножилось противу воли правительства: впредь сего не дозволять, не утверждать новыхъ проэктовъ и не строить кумиренъ". Это распоряженіе, съ переводомъ на монгольскій языкъ, въ количествѣ 40 экземпляровъ, велѣно прибить къ дверямъ да-

цановъ. Въ Иркутской губерніи 2 дацана: Кыренскій и Аларскій. Кыренскій дацанъ фасадомъ обращенъ на югъ. Съ этой стороны широкое крыльцо ведетъ на террасу съ колоннами, съ которой идутъ три двери внутрь дацана. На крышѣ возвышается, какъ бы гербъ, золоченный щитъ, состоящій изъ трехъ частей: по срединѣ колесо вѣры (означающее кругъ ученія Будды) а по бокамъ двѣ колѣнопреклоненныя антилопы, вышедшія изъ лѣсовъ слушать блговѣствованія учителя,—какъ пояснилъ намъ одинъ бурятъ.

Крыша на четыре ската, при чемъ углы ея удлиннены и загнуты кверху, украшены громадными разинутыми пастями драконовъ. Изъ дацана доносится речитативъ, который тянется утомительно долго и изрѣдка, въ концѣ длинныхъ періодовъ, нѣвчіе замедляютъ темпъ, спускаютъ и возвышаютъ голоса. Входимъ въ самый дацанъ. Внутренность его представляется въ видѣ одной большой залы, гдѣ, по сѣверной сторонѣ, стоятъ на подставкахъ статуи бурхановъ, а предъ ними на жертвенникахъ горятъ лампады. Нѣкоторые бурханы стоятъ въ нѣсколько рядовъ, какъ бы въ нишѣ; а иные стоятъ въ шкафахъ за рѣшеткой. Посреди залы, вдоль ея, начиная отъ входа, идутъ ряды скамеекъ, раздѣленныхъ 2-мя рядами колоннъ, по пяти въ каждомъ ряду. Между средними скамейками широкій проходъ саженъ въ $1^1/_2$. Скамьи—не выше $^1/_2$ аршина отъ пола; на нихъ сидятъ во время службы ламы.

Около входныхъ дверей, среднихъ, находятся два кресла для гэкусовъ, благочинныхъ, которые, какъ пояснилъ намъ проводникъ бурятъ, во время службы стоятъ среди дацана въ проходѣ и слѣдятъ за порядкомъ, часто покалачивая коротким жезломъ молящихся и разсѣянныхъ дѣтей. Иногда жезлъ дѣлается изъ человѣческаго черепа и обтягивается змѣиною кожею. Когда мы вошли, всѣ мѣста были заняты, дацанъ былъ буквально переполненъ. Лица духовнаго званія рѣзко выдѣлялись изъ мірянъ и любопытныхъ своими ярко желтыми костюмами. Первые 2 мѣста въ среднемъ ряду, у бурхановъ, почетныя мѣста. Тутъ сидятъ главные ламы. Передъ ними стоятъ столики, на которыхъ находится: колокольчикъ съ рукояткой, металлическій сосудъ въ видѣ чайника, ручной барабанчикъ, трещетка. Всѣ ламы сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, обутыя въ монгольскаго типа сапоги съ войлочными подошвами.

Къ солнцезакату служба окончилась. Ламы вереницей потянулись по домамъ, а пріѣзжіе изъ любопытства, разбившись на группы, побрели по улицамъ осматривать достопримѣчательности. Говоръ и шумъ толпы оглашали окрестность. Бурятская молодежь обоего пола затѣяла состязанія въ вер-

ховой ѣздѣ. Здѣсь было на что посмотрѣть. Многимъ изъ насъ, горожанъ, впервые приходилось видѣть такое скопленіе степняковъ, ихъ нравы, развлеченія среди родной обстановки —на сѣдлѣ и въ степи. Пожилые буряты потянулись къ опушкѣ лѣса, гдѣ должна состояться традиціонная борьба. Сумерки окутывали степь. Разложили костеръ. Толпа вытянулась лентой и замкнула полянку, окаймленую соснами и елями. Говоръ замолкъ. Вышли два бурята, нагіе до пояса. Подали другъ другу руку и сошлись...

Костеръ, то замирая, то ярко вспыхивая, озарялъ краснымъ отблескомъ черныя сосны, толпу и борцовъ. Толпа жадно ловила глазами всякое ихъ движеніе и чутко реагировала. Исходъ борьбы вызывалъ взрывъ смѣха и гиканья. За первой парой вышла вторая и т. д. Продолжалась борьба часа 2, а затѣмъ всѣ разбрелись по своимъ угламъ. Стемь засыпала. Всеобщую тишину нарушало лишь доносившееся изрѣдка храпѣніе и ржаніе лошадей. Наша „странноприимная“ оказалась тѣсной для всѣхъ ищущихъ у нея крова. Однако размѣстились и заснули. Въ глубокую полночь дворъ огласился крикомъ и бранью... Отворяютъ настежь ворота и въѣзжаютъ двѣ повозки. Пріѣхавшіе, мертвецки пьяные, представители Тункинской интеллигенціи и носители культуры среди невѣжественныхъ инородцевъ. Съ грубыми окриками они вламываются къ спящему ламѣ, помѣщавшемуся въ особячкѣ, въ другой сторонѣ двора, гордо заявляютъ, что они пріѣхали „въ гости къ монгольскому попу“ и просятъ по срединѣ двора разложить костеръ для шашлыка, такъ какъ—у нихъ есть водка, и они до утра спать не будутъ. Несмотря на поразительную предупредительность, проявленную ламой къ желаніямъ и удобствамъ пріѣзжихъ русскихъ, онъ однако черезъ переводчика твердо отказалъ въ просьбѣ „интеллигентовъ“ и добавилъ, что дворъ принадлежитъ дацану, а потому онъ не позволитъ въ немъ устраивать кутежъ. Его еще долго убѣждали, но онъ остался непреклоненъ. Веселая компанія всю ночь бродила изъ угла въ уголъ, шумѣла, бранилась и никому не давала покоя, не исключая и хозяина, который больше чѣмъ кто нибудь нуждался въ немъ, хотя бы потому, что онъ усиленно хлопоталъ объ удобствахъ и покоѣ гостей. Невольно напрашивается выводъ изъ сопоставленія этихъ двухъ явленій: одинъ, безъ преувеличенія скажемъ, буквально трепещетъ надъ гостями, а другіе не хотятъ ничьихъ признавать правъ и ни съ чѣмъ не считаются, находясь въ чужомъ домѣ. Стыдно, до глубины души было стыдно за своихъ соотечественниковъ!

Утромъ протяжный звукъ рога извѣстилъ окрестность о началѣ праздничнаго богослуженія „майдара“, посвященнаго культу солнца. Торжественное празднованіе его происходитъ одинъ разъ въ годъ, лѣтомъ. Служеніе началось выставленіемъ во дворѣ колесницы съ балдахиномъ, запряженной деревяннымъ конемъ въ натуральную величину, земной окраски. Затѣмъ, вынесли изъ дацана статую Майдари, увѣшанную цвѣтными лоскутками, и поставили на колесницу. Отслуживъ молебствіе на мѣстѣ, съ южной стороны, ламы, впрягшись въ ремни отъ колесницы и коня (на колесахъ), везутъ кумиръ. Впереди, окропляя путь водою (аршіаномъ), идутъ ряды мальчиковъ съ высокими древками, на которыхъ рѣзныя изображенія головъ разныхъ бурхаковъ; за ними шествуютъ многочисленные музыканты съ оглушительнымъ ревомъ, несутъ кадильницы; сзади идетъ толпа ламъ съ гладко бритыми головами, въ блестящихъ желтыхъ халатахъ, при чемъ настоятель дацана (ширетуй) мѣрно потрясаетъ колокольчикомъ. Когда пришли на западную сторону, опять стали служить; разставили дары на жертвенникѣ передъ Майдари. Такимъ образомъ, лишь къ вечеру успѣли обойти кругомъ монастыря. Расположившись, въ заключеніе, передъ главнымъ входомъ въ дацанъ, ламы здѣсь и закончили богослуженіе. Утомленные самой службой и палящимъ іюльскимъ солнцемъ, они стали расходиться по домамъ. Мы собирались двинуться дальше. Когда сборы были окончены, пошли къ ламѣ выразить благодарность за радушный пріемъ. Помѣщался онъ въ дачномъ домикѣ, надстроенномъ надъ обыкновеннымъ амбаромъ. Квартира состояла изъ одной комнаты, скудно обставленной. Ламу застали лежащимъ на широкой скамьѣ, прислоненной къ стѣнѣ, и служащей, видно, кроватью. Матраца, подушки и др. предметовъ, являющихся необходимою принадлежностью постели, не было и слѣда: лама лежалъ на голыхъ доскахъ. Объяснились мы съ помощью переводчика.

Опять вереницей потянулись повозки. Мы покинули дацанъ, растроганные гостепріимствомъ и привѣтливостью ламаитскаго духовенства. Желаніе принять русскихъ гостей какъ можно сердечнѣе доходило до того, что въ нѣкоторыхъ домахъ постели для гостей были накрыты новенькимъ бѣлымъ одѣяломъ, а на столахъ красовались набитые папиросы съ цѣльными коробками спичекъ.

Ночевали въ Шимкахъ. До Ниловой пустыни оставалось верстъ 30. Дорога лежала по горамъ и глубокимъ долинамъ, поросшимъ строевымъ лѣсомъ. Переѣздъ совершили въ полдня. Нилова пустыня находится въ необыкновенно живопис-

номъ уголкѣ, въ долинѣ красиво бѣгущей рѣчки Ихэ-Угуна — съ обѣихъ сторонъ рѣки.

Конечный путь, при въѣздѣ въ пустынь, пролегаетъ версты на 2 по узкому ущелью, омываемому Ихэ-Угуномъ, посреди громадныхъ отвѣсныхъ горъ, покрытыхъ строевымъ хвойнымъ лѣсомъ. На всемъ этомъ двухверстномъ пути по дну ущелья глаза то разбѣгаются по величественнымъ вершинамъ хребта и по отвѣснымъ скаламъ, то привлекаются шумомъ пѣнящагося Ихэ-Угуна. Не замѣчаешь, да и замѣтить трудно, какъ передъ глазами неожиданно открывается площадь треугольника, почти до самаго въѣзда въ него, закрываемая съ трехъ сторонъ высокими горами, и на площади, раздѣляемой тѣмъ же Ихэ-Угуномъ, но стиснутомъ здѣсь высокими обрубами, по ту и другую сторону его, Нилова пустыня съ ея строеніями.

Извѣстность себѣ пріобрѣла Нилова пустыня минеральными источниками, относимыми къ теплымъ сѣрнистымъ. Температура ихъ въ теченіе года держатся постоянная—около 32° по Ц. Больные берутъ ванны. Говорятъ, что нѣтъ такого застарѣлаго ревматизма, который не излѣчивался бы источниками Ниловой пустыни. Часто привозятъ больныхъ, вовсе лишенныхъ возможности двигаться и, по истеченіи сезона, тѣ же больные уходятъ на собственныхъ ногахъ. Главный контингентъ посѣтителей—окрестные буряты. Пріѣзжихъ изъ города мало; если они и бываютъ, то только въ качествѣ туристовъ—на 1-2 дня. Въ 1911 г., въ концѣ іюня мѣсяца, внезапно Нилова пустыня обезлюдѣла. Причиной такого явленія послужила смерть одного изъ пользовавшихся водами крестьянина среднихъ лѣтъ. Поналъ онъ туда по совѣту врача, который рекомендовалъ ему принимать остуженную ванну черезъ каждые 3 дня. Мужичку совѣтъ врача показался подозрительнымъ: онъ не могъ допустить мысли, что Ниловской водой можно лѣчиться въ такомъ видѣ, и пренебрегши совѣтомъ, принялъ три горячихъ ванны въ день и на другой день скончался, не успѣвъ выйти изъ утренней ванны.

Любопытна исторія развитія Ниловой пустыни, какъ курорта, и происхожденіе ея названія.

Съ давнихъ поръ окрестные буряты знали цѣлебную силу этихъ водъ и пользовались ими. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія о цѣлебности Туранскихъ водъ (по имени лежащаго въ 7 верстахъ поселка „Туранъ") случайно узналъ Тункинскій пограничный приставъ Черепановъ и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія тогдашняго генералъ-губернато-

ра Восточной Сибири Руперта, по распоряженію котораго въ 1840 году вода была подвергнута химическому анализу аптекаремъ Калау и инспекторомъ Иркутской врачебной управы Сорочинскимъ. Съ 1840 г. Туранскія воды пріобрѣтаютъ извѣстность среди жителей Иркутской губерніи и привлекаютъ больныхъ. Въ этомъ же году была расчищена мѣстность около источника и начаты первыя постройки. Дѣло благоустройства курорта велось подъ наблюденіемъ Руперта.

Жена его, страдавшая сведеніемъ руки и пользовавшаяся разными сибирскими водами, первая изъ русскихъ получила облегченіе отъ своей болѣзни на Туранскихъ водахъ. Не малое участіе въ благоустроеніи курорта принималъ и Черепановъ. Онъ построилъ для больныхъ помѣстительный домъ, устроилъ ванны и завелъ полное хозяйство съ цѣлью предоставленія больнымъ за умѣренную плату полнаго содержанія. Кромѣ построекъ, воздвигнутыхъ заботами Черепанова, вновь возникающій курортъ обогащался строеніями съ ваннами, принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ.

Самымъ оживленнымъ временемъ въ исторіи Туранскихъ водъ были сороковые года. Къ этому времени относится прокладка дороги по ущелью, устройство обрубовъ по берегамъ р. Ихэ-Угуна и трехъ мостовъ черезъ рѣчку.

Въ 1845 г. Иркутскій преосвященный Нилъ, наслышавшись о Туранскихъ водахъ, пожелалъ увидѣть этотъ дикій уголокъ и вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Рупертомъ, считавшимся какъ бы попечителемъ ихъ, посѣтилъ курортъ. Чудная, но дикая мѣстность поразила архіепископа Нила, и онъ подалъ Руперту мысль устроить здѣсь пустынь или скитъ, построить церковь, учредить причтъ и вообще сдѣлать это мѣсто разсадникомъ христіанства среди окрестныхъ инородцевъ, такъ какъ на всей линіи пограничныхъ карауловъ, идущей отъ верховьевъ Оки и Иркута, не было ни одной церкви, и жители этихъ мѣстъ за совершеніемъ требъ должны были обращаться въ Тункинскую церковь, отстоящую отъ нихъ на разстояніи 300 верстъ. Планы архіепископа понравились генералъ-губернатору, который въ томъ же году пожертвовалъ въ полное и непосредственное распоряженіе преосвященнаго Нила всѣ находящіяся тутъ зданія, мосты и постройки со всѣми принадлежностями. Супруга генералъ-губернатора пожертвовала 1.110 руб. на устройство церкви и на ремонтъ зданій. Такимъ образомъ было положено начало пустыни. Оставалось исходатайствовать жалованье для причта, пріобрѣсти у бурятъ эту мѣстность и найти средства для постояннаго содержанія пустыни. Началось неустанное попе-

ченіе архіепископа Нила о постройкѣ новыхъ зданій, ремонтѣ старыхъ, сношеніе со св. синодомъ, съ Иркутскимъ гражданскимъ начальствомъ, съ Тункинской степной думой и съ разными благотворителями. Надо отдать справедливость энергіи преосвященнаго: всѣ его старанія вѣнчались успѣхомъ, и пустынь крѣпла и развивалась. Для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ окрестныхъ жителей въ одномъ изъ частныхъ домовъ на берегу рѣки устроена была церковь во имя преподобнаго Нила, освященная 17 февраля 1846 г. Къ церкви былъ прикомандированъ причтъ, а св. синодъ ассигновалъ на расходы, сопряженные съ миссіонерскою дѣятельностью, 400 р. Въ томъ же году Иркутская благотворительница Е. Кузнецова пожертвовала 1.000 руб. для постояннаго обращенія %%% съ нихъ въ пользу причта пустыни. Въ 1846 г. Туранскіе буряты уступили въ пользованіе пустыни 785 десятинъ луговой земли и лѣса. Въ 1848 году приступлено было къ постройкѣ новой церкви съ отдѣльной колокольней на лѣвомъ берегу Ихэ-Угупа. Украшенная и снабженная сосудами, одеждами, книгами и другими принадлежностями, поступившими, главнымъ образомъ, въ даръ, новая церковь была освящена 10 сентября 1850 года и сохранилась до настоящаго времени. Въ 1851 года близъ церкви заложенъ былъ новый помѣстительный домъ съ отдѣльной кухней для остановокъ архіепископа и другихъ лицъ.

Пустынь снабжена была всѣмъ необходимымъ для хозяйства, въ томъ числѣ, и орудіями для полевыхъ работъ. Наконецъ, архіепископъ Нилъ вложилъ въ пользу пустыни составленный изъ пожертвованій Е. Л. Кузнецова, А. Ф. Трапезникова и другихъ лицъ капиталъ въ 15.000 руб., проценты съ котораго должны идти на поддержаніе хозяйства. Располагая средствами для прочнаго и независимаго существованія, обстроившись, пустынь въ 1851 г., съ Высочайшаго соизволенія, была названа „заштатнымъ мужскимъ монастыремъ во имя преподобнаго Нила Столбенскаго". Задачей ея являлось: обращеніе окрестныхъ бурятъ въ православіе, ознакомленіе кочевниковъ-бурятъ съ условіями правильнаго полеводства и огородничества, а существованіе при пустыни цѣлебнаго источника признавалось не только полезнымъ, но и необходимымъ. Въ этихъ видахъ принимался рядъ мѣръ къ развитію и благоустроенію самаго курорта.

Въ наши планы входило пробыть въ Ниловой пустынѣ 2—3 дня, осмотрѣть окрестности и вообще пожить среди горъ, на днѣ Глубокаго ущелья. Погода благопріятствовала намъ. Обитатели и хозяева пустыни, монахи, подтверждали, что въ те-

ченіе 3 недѣль стоитъ сухая погода и нѣтъ основаній думать, что погода перемѣнится въ ближайшее время. Но намъ суждено было разочароваться въ своихъ надеждахъ. Вечеромъ же набѣжали свинцовыя тучи, заволокли клочокъ неба, нависшій надъ пустыней, и окутали гребни горъ; пошелъ мелкій дождь. Настроеніе туристовъ сразу понизилось на нѣсколько градусовъ. Ночь встрѣтили съ надеждой на утро. Рано утромъ по коридору гостинницы пробѣжалъ Р. А. Ивановъ, стучалъ рѣшительно въ каждую дверь и настойчиво совѣтовалъ выѣзжать, такъ какъ всю ночь шелъ дождь, Ихэ-Угунъ поднялся и возможны крупныя непріятности въ связи съ переправой черезъ Иркутъ. Даже въ сухую погоду переправа здѣсь безпокоитъ проѣзжающихъ, а въ дождь, когда Иркутъ въ-какой-нибудь часъ можетъ поднятся на 1—2 аршина, переправа далеко не безопасна. Всѣ подчинились авторитетному совѣту Р. А, считавшагося знатокомъ этой мѣстности и, въ частности, зависимости уровня воды въ Иркутѣ отъ дожде й: и къ 8 часамъ были готовы къ отъѣзду. Рѣка за ночь приняла другой видъ. Уровень воды поднялся больше, чѣмъ на аршинъ; вода пріобрѣла желтую окраску, бурлила и несла съ шумомъ корни деревьевъ, лѣсины, скошенную траву, гдѣ то смытую съ низкаго берега. По разнымъ причинамъ отправились не въ разъ. Первыми уѣхали три учительницы, часовъ въ 5 утра; затѣмъ, Р. А. Ивановъ съ семействомъ въ 8 часовъ; третья партія въ 10 часовъ; и наконецъ, послѣдняя въ 12 часовъ; Нилова пустыня обезлюдѣла. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Переправа черезъ Иркутъ была еще возможна, хотя вода на глазахъ поднималась.

Вчерашняя пыльная, ровная дорога была неузнаваема; глубокія лужи, грязь по колѣни лошадямъ затруднили до невозможности движеніе, а пронизывающій вѣтеръ и дождь понуждали насъ кутаться и искать спасенія въ углахъ повозки. А повозка кругомъ съ „протекціей".—Величественную картину представляли Зангисаны, не широкія, но многоводныя рѣчки горнаго происхожденія. Въ сухую погоду вода въ нихъ чиста, какъ хрусталь, теченіе ровное, зато въ дождь онѣ высоко вздуваются, грохочутъ и мчатъ свои воды съ быстротой верстъ 40 въ часъ. Лишъ на недавнихъ годахъ перекинули черезъ нихъ прочные мосты, раньше онѣ были истиннымъ несчастьемъ для скотогоновъ, когда переѣзжали ихъ бродомъ. Теперь вода такъ сильно прибывала, что вблизи ихъ впаденія въ Иркутъ, залила на версту лѣсистые берега и нагромоздила груды вывороченнаго съ корнемъ лѣса.

Къ вечеру, промокнувъ до костей и озябнувъ, кое какъ дотащились къ Шимкамъ, сдѣлавъ во весь этотъ день не болѣе 25 верстъ. Впрочемъ, 2 повозки не успѣли попасть и въ Шимки: на ихъ глазахъ унесло мостъ съ рѣчушки у самой деревни, и онѣ вынуждены были возвратиться и провести 1½ сутокъ въ

зимовьѣ на тракту. Изъ Шимковъ справились по телефону въ Тункѣ, уцѣлѣла ли переправа черезъ Иркутъ и добрались ли до Тунки тѣ 3 учительницы съ ямщикомъ, которыя отправились изъ Нижней пустыни 16 числа рано утромъ. На первый вопросъ—сразу получился отрицательный отвѣтъ; кромѣ того, добавили еще, что металлическій канатъ вырвало вмѣстѣ со столбами съ одного берега и „заѣло“ на днѣ рѣки. Извлечь его возможно лишь при нормальномъ уровнѣ воды и съ большими усиліями. Паромъ сорвало и унесло.

Что же касается 3-хъ учительницъ, то изъ Тунки категорически отвѣтили, что онѣ не пріѣхали. „Гдѣ же онѣ и что съ ними?“ —эти вопросы остро и болѣзненно вставали въ нашемъ мозгу. На скорую убыль воды не приходилось разсчитывать: весь день 17 числа дождь шелъ вовсю; Иркутъ бушевалъ. Намъ пришлось видѣть, какъ несло по рѣкѣ и бросало, какъ щепку, сорванный гдѣ то паромъ. Крестьяне съ большими усиліями поймали его и привязали на берегу къ вѣковой лѣсинѣ. Черезъ нѣсколько часовъ вода еще прибыла, вырвала съ корнемъ дерево и унесла паромъ. Къ вечеру этого дня крестьяне видѣли еще одинъ паромъ, подхваченный водой.

Въ ночь на 18 дождь пересталъ и утро проснулось. Въ полдень отправились дальше; опять вереница повозокъ потянулась по дорогѣ. Трактъ носилъ слѣды разрушительнаго дѣйствія воды; и въ сухую погоду не безупречный, теперь онъ являлся сплошной лужей, по которой лошади съ трудомъ передвигали ноги, а обитатели повозокъ съ ногъ до головы обдавались потокомъ грязныхъ брызгъ; глубокія промоины преграждали путь, и повозки поворачивали далеко въ сторону, въ объѣздъ ихъ. Въ иныхъ мѣстахъ углубляться приходилось на версту и на время прокладывать путь черезъ лѣсную чащу. Всѣхъ занимала мысль о возможности переправы черезъ Харибять, которая 3 сутокъ тому назадъ ничѣмъ не устрашала насъ. Встрѣчные бурята и крестьяне вселили нѣкоторое успокоеніе въ наши умы и сердца, говоря, что вода, хотя и «большая», но переправа бродомъ возможна, и не въ обычномъ мѣстѣ, а выше по теченію на ½ версты. Скоро до насъ донесился шумъ рѣки. По шуму уже можно было заключить, что и Харибять раздѣлила общую участь рѣкъ Тункинской долины. Переправа дѣйствительно была „возможна“ и самая возможность оправдывалась русской пословицей „на міру и смерть красна“. Бывшіе съ нами верховые всадники не сразу нащупали относительно неглубокое мѣсто и повозки въѣхали въ воду. Рѣчка рвала, и много требовалось отъ ямщиковъ опытности и смѣтливости, чтобы сумѣть направить повозки поперекъ рѣки

и не зачерпнуть воды, покрывавшей передній скатъ колесъ. Къ вечеру добрались до Инородной управы. Окружающая ее мѣстность была буквально неузнаваема: кругомъ бурлила вода. На высокомъ крыльцѣ управы сидѣлъ Р. А. Ивановъ съ семействомъ. Завидѣвъ насъ, онъ побѣжалъ навстрѣчу и энергичнымъ жестомъ указывалъ намъ дорогу въ сторону черезъ огороженныя мѣста и предостерегая отъ прямого пути по водѣ. Прибѣжавшіе буряты живо разобрали городьбу, и мы, перебредя еще новорожденную рѣчку, подъѣхали къ управѣ. Первымъ нашимъ вопросомъ было узнать, пріѣхали ли „3 учительницы". Р. А. отвѣтилъ отрицательно и высказалъ предположеніе, что „съ ними, видимо, худо". Затѣмъ разсказалъ, что и онъ съ семействомъ у самой управы принялъ „ванну", вслѣдствіе опрометчивости ямщика, рѣшившагося для сокращенія пути, ѣхать напрямикъ. Повозка всплыла, вмѣстѣ съ пассажирами и багажемъ. Просторное помѣщеніе управы, едва смогло вмѣстить всѣхъ прибывшихъ. Къ нашему благополучію, писарь оказался запасливымъ хозяиномъ, у котораго нашлось вдоволь провизіи. Несмотря на неожиданныя удобства, встрѣченныя нами, всѣхъ занимала мысль о судьбѣ „3-хъ учительницъ". Мѣстные буряты видѣли ихъ проѣзжавшими мимо управы 16 числа поздно вечеромъ, въ самый ливень, и предполагали теперь, что съ ними дѣйствительно что-нибудь случилось, тѣмъ болѣе, что по случаю разлива Иркута и другихъ рѣчекъ все возможно... Высказывались даже предположенія, что онѣ не попали къ переправѣ и застряли гдѣ нибудь на „островѣ", образовавшемся, благодаря внезапному разливу Иркута, загородившаго имъ дорогу назадъ къ управѣ. Этотъ варіантъ о судьбѣ «4-хъ» казался наиболѣе правдоподобнымъ. Терялись въ догадкахъ, что бы могло съ ними случиться.

По совѣту мѣстныхъ жителей—бурятъ, рѣшили кого нибудь снарядить для развѣдокъ по направленію къ переправѣ, до которой считалось верстъ 8. Роль развѣдчиковъ приняли И. И. Ш—нъ и Н. М. В—нъ. Въ сопровожденіи бурятъ, верхами они отправились на поиски, захвативъ съ собою и провизіи на тотъ случай, если имъ удалось бы найти учительницъ. Томительно долго шло время въ ожиданіи возвращенія развѣдчиковъ. Лишь съ наступленіемъ сумерекъ они вернулись. Оказывается, предположенія бурятъ вполнѣ оправдались. Учительницы 16 вечеромъ разсчитывали попасть на паромъ и въ этихъ видахъ спѣшили къ перевозу, жертвуя и своимъ отдыхомъ и удобствами. Добравшись до переправы и увидѣвъ, что паромъ сорванъ, они хотѣли было вернуться,

но Иркутъ отдѣлилъ отъ себя новый многоводный рукавъ и отрѣзалъ имъ путь. Онѣ очутились на островѣ. По близости стояла брошенная юрта, и въ ней онѣ размѣстились, поддерживая все время огонь для согрѣванія. Провизія хотя и была съ собой, но не въ такомъ количествѣ, чтобы не безпокоиться за завтрашній день... Между тѣмъ вода въ Иркутѣ все поднималась, и несчастныя не имѣли никакой увѣренности въ томъ, что не придетъ новая волна и не смоетъ ихъ. Въ такой обстановкѣ онѣ провели двѣ ночи, пока не увидѣли людей, нашихъ развѣдчиковъ. Отъ крайняго нервнаго напряженія одна изъ учительницъ заболѣла и лежала въ бреду. Развѣдчики не могли имъ оказать никакой помощи: требовалась лодка. За позднимъ временемъ поѣздку съ лодкой отложили до утра. Лодка, къ счастью, оказалась у остановившагося на время въ управѣ топографа. На другой день рано утромъ тѣ же лица отправились, но уже съ лодкой, и къ 9 час. утра привезли обитателей „необитаемаго острова". Пережитое за эти два дня и три ночи не осталось безъ послѣдствій. Особенно страдала одна изъ нихъ, вслѣдствіе холодной ванны, принятой во время переѣзда бродомъ протоки, когда спѣшили къ перевозу. По неосторожности ямщика лошади зашли на глубокое мѣсто; всплыли сами, всплыла и повозка. Пассажиры успѣли ухватиться за повозку и тѣмъ противостоять напору воды. Багажъ и постель смокли до послѣдней нитки. Едва спасшись здѣсь, онѣ попали на островъ и, не имѣя изъ багажа ничего сухого, провели тамъ $2^1/_2$ сутокъ въ нетопленой юртѣ.

Около полудня вереница повозокъ потянулась опять. Переправиться на тракту не было никакой возможности, поэтому поѣхали на село Казачье, примыкающее къ Тункѣ съ южной стороны. Иркутъ тамъ не имѣетъ столь быстраго теченія и паромъ не срываетъ. Зато путь удлинялся верстъ на 12. Разница не настолько значительна, чтобы она могла остановить отъ поѣздки, тѣмъ болѣе послѣ всего пережитаго за послѣдніе 2—3 дня. Проѣзжать приходилось не проторенной дорогой, а закоулками и заброшенными пашнями, перелѣсками и оврагами. Дожди сильно испортили дорогу, и лошади едва тащились. Нѣсколько рѣчекъ пересѣкали нашу дорогу. Наиболѣе значительная изъ нихъ—Жемчугъ—сохранила еще слѣды недавняго наводненія и бурлила. Переѣзжали бродомъ. Вода покрывала переднія колеса, но насъ, уже привыкшихъ ко всякимъ сюрпризамъ, это обстоятельство мало безпокоило. „Казачій" паромъ дѣйствительно уцѣлѣлъ. Но какъ было рѣшиться переправиться? Паромъ ходилъ на

пеньковомъ поношенномъ канатѣ, дважды перевязанномъ по срединѣ. Пушистые узлы ясно были видны съ берега и внушали серьезныя опасенія за возможность переправы. Вода стояла высоко; гладкая поверхность рѣки отражала солнце, небо, прибрежные лѣса и горы. Подъѣздныхъ мостовъ не было ни на этомъ, ни на томъ берегу. Перевозчики лѣниво вышли изъ шалашей и не сразу согласились перевозить, отговариваясь то боязнью за непрочность каната, то высокимъ уровнемъ воды. Однако скоро они уступили нашимъ просьбамъ и взялись за дѣло, выговоривъ по 50 коп. за повозку, плату необычайно высокую.

На паромъ помѣщали по одной повозкѣ, при чемъ за отсутствіемъ подъѣздныхъ мостиковъ, ее буквально вкатывали на рукахъ. Переправа 10 повозокъ затянулась долго.

До Тунки оставалось верстъ 7. Въ Тункѣ ожидали новости: мелькавшія на заборахъ красныя объявленія о мобилизаціи всколыхнули насъ. Но оторванные въ теченіе 7 дней отъ культурнаго міра, мы и не догадывались, что разразилась такая гроза.

Вечеромъ по прибытіи на Аршанъ, едва въѣхавъ въ поселокъ, бросились въ почтовое отдѣленіе за газетами, ища отвѣта на мучившій всѣхъ вопросъ, чѣмъ была вызвана мобилизація.

В. Загорскій.

Чирьевые заговоры. Въ с. Тельмѣ, Иркутскаго уѣзда, среди крестьянъ въ ходу заговоръ, который „разводитъ“ чирьи у кого угодно. Читается такъ.

„Чирей, чирей! Сядь потире, а вокругъ его—четыре. Мѣсто просто—сядь девяносто“.

Заговоръ произносится три раза.

Зато въ с. Мамырь, Нижнеудинскаго уѣзда, въ употребленіи слѣдующій заговоръ отъ чирьевъ.

„Не отъ быка молока, не отъ коня воды, не отъ чирья гною. Какъ сукъ сохнетъ, такъ и чирей сохни“.

Въ моментъ произнесенія заговора знахарка и больной стоятъ около стѣны дома, гдѣ въ бревнѣ имѣется сукъ. Какъ чирей, такъ и сукъ очерчиваются кругомъ три раза. Наконецъ, знахарка давитъ стержень чирья безымяннымъ пальцемъ и трижды креститъ.

М. Овчинниковъ.

ЗАМѢТКИ.

Отрывокъ изъ дѣла объ убійствѣ якута Батина въ 1720 году. Въ нынѣшнемъ, Государь, 720-мъ году якутской казакъ Петръ Лужниковъ шелъ зимовейнаго строенія съ Усть-Алдану въ городъ и, пришедъ одинъ къ родственнику моему Парской волости якуту Микитѣ Батину въ юрту его, взялъ у него въ подводу быка, а его, родственника моего, взялъ съ собою въ проводники; и не дошедъ до другихъ якутскихъ юртъ, на пустѣ мѣстѣ, его Микиту онъ Петръ ударилъ по головѣ до смерти топоромъ, а подводнаго быка взялъ отпустилъ на волю, а какъ онъ Петръ у него Микиты въ подводу быка взялъ и его съ собою въ проводники до другихъ юртъ взялъ, и тому свидѣтели Оетунской волости якутъ Эркуля Тюмекановъ да Надской волости Хоторокъ Мужукаевъ, а нынѣ онъ Петръ..

II мая въ 25-й день сего-жъ 720-го года Петръ Лужниковъ въ приказную палату сыскант и противъ вышеписаннаго челобитья при дворянинѣ Никитѣ Лосевѣ разспрашиванъ, а въ разспросѣ сказалъ: въ прошломъ-де 719-мъ году, по указу Великаго Государя, посланъ онъ Петръ изъ Якутска для работы зимовейнаго строенія на Усть-Алданъ рѣкѣ съ прикащикомъ съ Оедоромъ Дунаевымъ и, будучи де у того строенія, хлѣбные свои запасы издержалъ и учинилась-де ему въ томъ скудость и для-де той скудости въ нынѣшнемъ 720-мъ году, тому назадъ недѣли съ три, пошелъ онъ Петръ отъ того зимовья въ Якутскъ для хлѣбныхъ запасовъ безъ отпуску и, идучи-де дорогою и будучи-де въ якутскихъ юртахъ, не дошедъ до Якутска за шесть дней, нанялъ якута везти себя до Якутска или до коихъ мѣстъ можно, а договору-де о наймѣ не было и якутскаго-де языку онъ Петръ не знаетъ, а далъ-де подъ него Петра якутъ въ подводы быка и, отпустя де отъ юрты своей, на дорогѣ его Петра тотъ-же якутъ съ товарищи догналъ, осматривали и били и мучали и наемнаго де быка отбили тому назадъ дней съ десять, а какъ-де того якута звали—не знаетъ и онъ-де Петръ, не стерпя ихъ бою и противясь отъ себя, ударилъ одного якута топоромъ своимъ

и отъ онаго-де удара оной якутъ повалился и остался на дорогѣ, а другіе товарищи того якута, взявъ его Петра и связавъ, повели въ Якутскъ, а живъ-ли де нынѣ оной якутъ не знаетъ, а прежде того у него Петра съ онымъ якутомъ ссоры и недружбы не было, а другихъ-де никого не убивалъ и ни на какихъ воровствахъ не бывалъ и съ воровскими людьми не знается.

И мая съ двадцать четвертаго да ноября по 5-е число сего-жъ 720-го году челобитчикъ Нарской волости якутъ Ходеролъ Оенковъ о убійствѣ родственника своего Микиты Батина за дѣломъ не ходитъ. И противъ сей помѣты выписано:

Въ указѣ великаго государя сто семьдесятъ седьмого года въ семьдесятъ шестой, да въ семьдесятъ седьмой да въ семьдесятъ восьмой статьяхъ написано:

„Буде учинитъ кто гдѣ убійство, и того убійцу велѣно пытать, которымъ обычаемъ убійство учинилось—умышленнымъ-ли или пьянымъ дѣломъ, а не умышленнымъ...

Сообщилъ Кузнецовъ-Красноярскій.

Памяти кн. Вяземскаго. Ровно 20 лѣтъ тому назадъ умеръ и похороненъ въ Минусинскѣ князь Владиміръ Васильевичъ Вяземскій.

Богъ вѣсть, какими судьбами онъ былъ заброшенъ въ дебри сибирской тайги, на Кызасскіе золотые промысла (въ верховьяхъ рѣки Абакана). Здѣсь онъ былъ смотрителемъ горныхъ работъ.

Это былъ милѣйшій человѣкъ, веселый собесѣдникъ, и, что рѣдко бываетъ, уважаемый рабочими. Простой, обходительный, скромный въ жизни, Владиміръ Васильевичъ былъ душою пріисковъ.

Его трудамъ и хлопотамъ обязана своимъ существованіемъ Кызасская метеорологическая станція, наблюденія и записи на которой производилъ онъ единолично.

Князь былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ Николаемъ Михайловичемъ Мартьяновымъ, основателемъ Минусинскаго музея.

Умеръ Вл. Вас. отъ нефрита, развившагося вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками—этимъ общимъ бичемъ пріисковыхъ служащихъ.

К. Лаврентьевъ.

Указъ о размежеваніи Томскихъ и Красноярскихъ инородцевъ. Указъ Ея Императорскаго Величества. Самодержицы Всероссійской изъ Красноярской воеводской канцеляріи Качинской землицы живущимъ по Бѣлому Іюсу князцамъ Додону Сурасову, Покіяку Карачакову съ товарищи.

По указу Ея Императорскаго Величества, а по производимому въ Красноярской по промеморіямъ Томской воеводской канцеляріи якобы Красноярскаго вѣдомства Качинской землицы ясашными у Томскихъ ясашныхъ же въ потравленіи сѣнныхъ покосовъ и выгонныхъ мѣстъ и о свидѣтельствѣ оныхъ по размежеваніи по принадлежности по уѣздамъ и о прочемъ съ прописаніемъ обстоятельства дѣлу опредѣлено: къ его высокопревосходительству г. генералъ-поручику лейбъ-гвардіи премьеръ-майору Тобольскому губернатору и орденовъ Святого Александра Невскаго и Святыя Анны кавалеру Денису Ивановичу Чичерину представить доношеніемъ и при томъ донесть, что Томскіе ясашные на свои прежнія вниз по теченію рѣки Чернаго Іюсу до Бобровскаго гнѣзда и даже до озера Кочальска жилища напустили въ селеніе Енисейскихъ и Красноярскихъ разночинныхъ людей и, совсѣмъ тѣ мѣста оставя, а кочевавъ по обѣ стороны рѣки Бѣлаго Іюсу, которая отъ устья до села Балахтинскаго называется Чулымомъ, а оттоль до стрѣлки, гдѣ раздѣляется вверхъ—въ правую сторону Черный, а въ лѣвую Бѣлый Іюсъ, Томскаго вѣдомства якобы пораздѣлились государственными землями, просятъ себѣ въ отводъ за двоюрублевой въ годъ платежъ, куда съѣхавъ, и заселились сами собой и причиняютъ Красноярскаго вѣдомства Качинской землицы ясашнымъ въ сѣнной поставкѣ, въ скотскомъ выпускѣ и въ прочемъ притѣсненія и обидье, а оныя мѣста, по увѣренію ясашныхъ, состоятъ точно Красноярскаго уѣзду во владѣніи Качинскихъ татаръ и завоеванныхъ у Кайтапинскихъ татаръ Красноярскими казаками и Качинскими ясашными, о чемъ уповательно и въ Тобольской губериской канцеляріи въ отпуску посланному изъ оной въ Красноярскую воеводскую канцелярію прошлаго 1753 года маія отъ 7 дня указу по № 1100, значитъ и для того не повелѣно будетъ оныя мѣста къ раздѣленію Томскаго и Красноярскаго уѣздовъ положить на планъ и учинить грани и межи и о томъ наградить повелѣніемъ, дабы у ясашныхъ Томскихъ и Красноярскихъ между собой въ урочищахъ болѣе не было распри, обидъ и притѣсненія, а къ вамъ, князцамъ Сурасову съ товарищами и всѣмъ ясашнымъ послать указъ и велѣть отъ деревни Имышской вверхъ рѣки Бѣлаго Іюса по обѣ стороны жительство имѣть, пахотными

землями и сѣнными покосами и скотскими выпусками довольствоваться, но Томскимъ ясашнымъ въ ихъ жительствахъ, въ сѣнной поставкѣ и въ прочемъ никакого притѣсненія не чинить и жить спокойно, а въ Томскую воеводскую канцелярію сообщить промеморію, требовать, чтобы благоволено было со своей стороны Томскимъ ясашнымъ подтвердить, чтобы и они равнымъ образомъ Качинскимъ ясашнымъ ни въ чемъ никакого притѣсненія и обидъ не чинили-бъ. О чемъ вамъ, князцамъ Сурасову и Карачакову съ товарищи, и чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а къ его высокопревосходительству представлено и въ Томскую воеводскую канцелярію промеморія послана генваря 21 дня 1777 года. Подлинный подписанъ: воевода князь Иванъ Пелымскій, секретарь Яковъ Половодовъ, канцеляристъ Константинъ Клеменьтьевъ.

(Архивъ Сагайскаго волостного правленія).

Сообщилъ Ив. Чибизовъ.

Сказаніе о 12 лихорадкахъ. У царя Ирода былъ братъ, моложе годами его. Братъ былъ женатъ на самой красивой женщинѣ, на такой красавицѣ, какихъ трудно найти на свѣтѣ. Но жена его была распутнаго поведенія, такъ что распутство равнялось ея красотѣ. Но все же она родила дочь.

Вотъ нечаянно умеръ братъ Ирода. Жена, значитъ, осталась вдовой. Самъ Иродъ давно зарился на невѣстку, но стыдился отбивать жену у своего брата. Послѣ же смерти брата, ему стало посвободнѣе, потому что невѣстка была на вдовьемъ положеніи, а потому Иродъ захотѣлъ жениться на вдовѣ и на дочери ея. Цари изъ нехристей все одно, что собаки, нашего христіанскаго закона они не понимаютъ. Вдова и дочь не прочь были выйти замужъ за Ирода. Но они боялись Ивана Крестителя, который укорялъ ихъ за безпутство. За это вдова и дочь крѣпко сердились на Ивана и подвели такую махину, что Иродъ согласился посадить Ивана Крестителя въ острогъ.

Въ день Рождества Христова у Ирода была пирушка. Народъ былъ подвыпивши; бабы и дѣвки ударились плясать. Вина всякаго было много, потому что въ этотъ день Иродъ былъ именинникъ. Нехристи, видишь ли, пляшутъ хорошо. Но между всѣхъ бабъ и дѣвокъ дочь вдовы, Иродова племянница, всѣхъ лучше плясала и такъ понравилась Ироду, что онъ въ азартѣ сказалъ:

— Проси ты, моя любезная племянница, у меня чего хочешь; все тебѣ дамъ, даже полцарства не пожалѣю для тебя.

Слыша это, мать и говоритъ дочери.

— Проси, чтобы Иродъ подарилъ тебѣ голову Ивана Крестителя и поднесъ на блюдѣ.

Такъ дочь и сдѣлала.

Опечалился Иродъ, когда услышалъ просьбу племянницы, но не хотѣлъ измѣнить своему слову. И голова Ивана была принесена племянницѣ.

Послѣ этого Иродъ женился сразу на вдовѣ и дочери ея. Отъ племянницы родилось 12 дочерей—12 лихорадокъ, которыя и мучатъ народъ православный до сего дня.

(Записано въ Киренскѣ со словъ рядового запаса арміи Александра Тирскаго въ 1914 году въ августѣ мѣсяцѣ).

М. Овчинниковъ.

Заговоры. *) *1. Отъ змѣй.* Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Какъ у раба Божья Ивана во рту языкъ сохнетъ, такъ чтобы у треклятой змѣи во рту жало посохнуло. Аминь.

2. „Присушить" любимаго человѣка. Чтобы присушить любимаго человѣка, надо купить „канфетку", идти съ ней въ баню, вспотѣть и говорить, держа ее въ рукѣ:

— Какъ потъ сохнетъ, чтобы раба Божья Мароа обо мнѣ сохнула и вянула.

Съ такимъ наговоромъ «канфетку» дать съѣсть Мароѣ, которая непремѣнно будетъ сохнуть и вянуть по Иванѣ.

3. Отъ крови. Чтобы унять кровь, если она „шибко" течетъ изъ носа или раны, говорятъ одинъ изъ слѣдующихъ заговоровъ:

а) Матушка Пречиста Богородица, встань изъ гробницы, пособи голову снять да кровь у раба Божьяго унять.

б) На морѣ на окіянѣ, на островѣ на буянѣ, стоитъ церковь-соборъ, въ ней стоитъ престолъ; на престолѣ сидитъ Матерь Божія. Она шьетъ, вышиваетъ въ три булатныхъ иглы, въ три нитки бумажныхъ. Одна нитка оборвалась, руда унялась у раба Божьяго Петра.

М. Овчинниковъ.

Редакторъ—Издатель А. И. Линьковъ.

---

*) Записаны въ Иркутской губерніи.